

БОРДЕН 2

* [VK.COM/KN_BOOKS](http://vk.com/kn_books) *

*Автор бестселлеров
по версии NY Times и USA Today*

Р. Дж. Льюис

Вторая и заключительная книга в серии «Борден». ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: в книге содержатся довольно грубые сексуальные сцены и нецензурная лексика, что некоторые могут посчитать оскорбительным. Я влюбилась в очень плохого человека. Маркус Борден — тот самый очень плохой человек, но я уже знала это. И приняла это. Я просто не ожидала оказаться втянутой во мрак того мира, который он так тщательно от меня скрывал. Но теперь он впустил меня туда и продемонстрировал, на что способен — и это пугает. Меня пугает мысль, что у мужчины, которого я люблю, есть враги. И они готовы на все, чтобы навредить мне. И, видя темную угрозу на горизонте, я должна спросить себя: на что я готова пойти, чтобы быть с ним? И настолько ли глубока моя любовь, чтобы принять его тьму?

БОРДЕН 2

Автор: Р. Дж. Льюис

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Борден #2 (про одних героев)

Номер в серии: 2

Главы: 24 главы

Переводчики: Ольга З.

Сверщик: Екатерина Н.

Редактор: Татьяна Ш.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

Борден

Я думал, мы прояснили: никогда ни с кем не сближайтесь. Мы заберем ее, мистер Борден, и вы никогда не сможете найти меня. Я — иллюзия, которая рассеивается и исчезает. У вас не получится найти меня.

— Так вот, как мы собираемся играть, — прошептал Борден, глядя на экран телефона.

Он выскользнул из постели и неслышно подошел к окну. Выглянул через жалюзи, оглядывая пустынные улицы. В этот момент никакие чувства, вызванные этим текстом, не могли пробить его. Он был спокоен и невозмутим, ни единой клеточкой не испугавшись угроз. Только так он мог справиться с подобной херней. Второй раз в жизни он впустил это в свое сердце. Возможно, он обречен. В сообщении говорится об угрозе жизни Эммы. Он должен приложить максимум усилий, чтобы не позволить этому выбить его из колеи.

Черт, если это случится, он устроит погром комнаты в припадке ярости.

Через некоторое время мужчина снова посмотрел в окно, затаив дыхание и высматривая, сам не зная что, *что-нибудь* подозрительное. Вокруг было спокойно. Случайная машина проехала по улице, осветив ее ненадолго, после чего скрылась. Через некоторое время по тротуару прошла компания пьяных мужчин, взрываясь смехом в паузах между невнятной речью.

Потом... снова тишина.

Тишина была обманчивой и не нравилась Бордену.

Он отошел от окна, бросил взгляд через плечо на безмятежно спящую Эмму и вышел из спальни. В гостиной он снова подошел к окну и выглянул. В его мыслях мелькали сумасшедшие варианты развития событий. Взгляд сфокусировался на темном переулке между двумя домами.

В этот момент Борден мысленно усмехнулся. Возможно ли, что сейчас там кто-то есть? Может ли ублюдок, приславший сообщение, быть настолько безрассудно дерзким?

Этот кусок дерьма не знал, насколько далеко продвинулся Борден, насколько трудно это было и чем ему пришлось пожертвовать в процессе. Он не знал, что Борден прошел через ад, по полной испытав на себе огонь, сжигающий изнутри и снаружи, чтобы оказаться там, где он есть сейчас. И теперь ублюдок может обмануться в своей смышленности. Нет, он обманулся *изначально*, отправив ему это сообщение.

Борден тщательно вглядывался в переулок. Это идеальное место для наблюдения. Был ли кто-нибудь там сейчас? Особенностью Бордена было умение просчитывать все на шаг вперед. Интуиция и логика подсказывали, что кто-то там был.

Или он параноик?

В последнее время его здравый смысл пребывал в смятении. Логичный строй его мыслей был разрушен и разорван на куски благодаря нежному маленькому созданию, спящему в нескольких шагах от него.

Борден встряхнул головой, пытаясь найти этому рациональное объяснение. Кто бы ни послал это сообщение, просто связываясь с ним... ему ничего не светит, но доля опасности

здесь присутствовала. То, что он не обратил внимания на это предчувствие, стало причиной убийства Кейт. Тогда, со всем своим новообретенным богатством, он чувствовал себя неприкосновенным, и сейчас, практически имея в своей власти город, он также стал слишком спокойным.

Он не был неприкасаемым. Никогда не был и никогда не обманется такими мыслями снова. Беды всегда найдут лазейку, неважно, на сколько шагов ты впереди. От одной этой мысли внутренности закручивались в узел. Дерьмо, такое чувство, будто из тебя вынимают душу. Борден попытался подавить это. В такие моменты чувства не помогут решить проблему, но, блядь, образ страдающей и напуганной Эммы усиливал разгорающиеся ощущения внутри. Мужчина взглянул на свои руки. Дрожь прошла по ним до самых кончиков пальцев.

Черт. Черт.

Борден вернулся в спальню и сел на край кровати. Он закрыл глаза и вздохнул.

Твою мать, успокойся.

Успокойся, черт возьми.

Он жаждал крови этого червя, который возомнил, что подобное сойдет ему с рук. Прямо сейчас Борден собран, хотя все его тело пылало от желания перевернуть весь город в поисках ответов. Сейчас он был на взводе. Ему нужно сначала подумать, а потом действовать. Да, именно так и нужно поступить. Расправа подождет.

Он повернулся к Эмме и некоторое время наблюдал за ней. Ее губы приоткрылись от легкого дыхания, черные пряди волос упали на лицо. Такая чертовски потрясающая. Его маленькая петарда. Постепенно его гнев исчез, руки больше не дрожали. Она всегда так действовала на него. Его бойцовский пыл всегда угасал от одного только взгляда на нее. Благодаря ей что-то изменилось в нем, и он не до конца понял, что именно. Она сделала его терпимым ко всему.

Глядя на нее, раскинувшуюся в спокойном сне, такую идеальную и сладкую, Борден понимал, что не имеет права желать ее. Но он и не собирался извиняться за это. Он сознательно был эгоистом. Любой внимательный мужчина заметил бы, что это неправильно. Хороший мужчина понял бы, что она заслуживает лучшего. Порядочный мужчина отпустил бы ее, позволив жить своей жизнью.

Только Борден по определению *совсем не* порядочный мужчина.

Он понимал, что она заслуживает лучшего. Он не просто трахал ее. Получив Эмму, он втянул ее в опасность, и к тому же... мысль о том, чтобы поступить правильно — позволить ей уйти после того, как всего несколько часов назад она отдалась ему. Это непостижимо. Ни одна клеточка его существа не позволила бы этому случиться.

Он не сможет сделать этого.

Он просто... не сможет.

Эгоистичный мудака, все для себя решивший. Даже если будет необходимо посадить ее под замок, чтобы удержать возле себя, он сделает это. Его одержимость ею зашла опасно далеко. Людей напугает то, насколько далеко он готов зайти, чтобы удержать ее. Она никуда не уйдет, и это сообщение... что ж, полное дерьмо. *Это должно было случиться.*

Достав из кармана зажигалку, он стал вертеть ее в руке, облокотившись на спинку кровати. Другой рукой он взял из прикроватной тумбочки один из бесчисленных ножей Эммы и открыл его. Глядя на дешевое лезвие, пробежал большим пальцем по тупому краю. Ее нелепые попытки носить оружие вызвали у него улыбку. Похоже на прекрасную бабочку,

вооруженную мачете.

Просто... восхитительно.

Так трогательно и совершенно очаровательно.

Это заставило его снова взглянуть на нее. Он ничего не мог поделать. Бросив нож, Борден слегка провел пальцами по ее телу, по мягким изгибам ее теплой кожи. В нем проснулось желание. Если бы не это проклятое сообщение, занимавшее все его мысли, он снова стал бы твердым. Возможно, воспользовался бы ею спящей, засунув свой член между ее губ. Мог бы взять ее снова, на этот раз способом, не имеющим ничего общего с сегодняшним нежным занятием любовью. Он трахал бы ее, а она извивалась бы под ним, желая этого каждую секунду. Она бы стонала ему в ухо, сдирая с него скальп, причиняя ему боль, пока его член вколачивался с каждой секундой все сильнее, даря ей наслаждение. Потому что Эмма такая: голодная и извращенная, как и он, эгоистичная и жестокая, как и он. Ему потребовалось поставить ее жизнь под угрозу, чтобы понять это.

Сейчас не время для секса.

Он вслушивался в каждый звук, пока восхищался ею, с растущим страхом внутри тупо наблюдая за стрелками часов. Ему было необходимо с ней увидеться и никто, кроме Грэма, не знал, что он здесь. У него даже не было долбаного оружия.

Его вдруг обеспокоила собственная незащищенность. Самый страшный человек в Нью-Рэйвен сидел, как долбаный идиот, в многоквартирном доме без оружия, неподготовленный, с женщиной, чей сон он сейчас оберегал.

Гениально, придурок. Абсолютно гениально.

И все, о чем он мог думать — тот переулочек.

Ему потребовалось десять минут. Ровно через десять мучительных минут он вытащил свой телефон и написал Грэму.

Борден: *Ты рядом?*

Конечно, он рядом. Этот человек никогда не спит. Менее чем через минуту Грэм ответил.

Грэм: *Всегда. В квартале от вас в своей машине. А что?*

Борден: *Ничего странного не происходит?*

Грэм: *У меня ничего. Я не перед домом. Не было свободных мест на парковке. Хотите, чтобы я подъехал?*

Борден: *Я хочу, чтобы ты проехал по улице и дал мне знать, если заметишь что-то в переулочке через дом от нас.*

Грэм: *И что сделать, если я кого-то увижу? Пригласить на ужин или подвезти до парка?*

Борден помолчал, прежде чем ответить, в его мыслях прокручивались варианты развития сценария.

Борден: *Пригласишь на ужин.*

Другими словами: задержать ублюдка и ждать дальнейших указаний Бордена.

Другими словами: Борден собирается нашинковать каждый сантиметр этого уебка.

Другими словами: Уебок умрет.

Борден выскользнул из постели и выглянул в окно. Спустя несколько минут черный «Мерседес» медленно проехал по улице и остановился напротив переулка. Он постоял там некоторое время, а потом телефон Бордена завибрировал.

Грэм: *Никого не вижу, но здесь слишком темно, чтобы быть уверенным. Хотите, чтобы я вышел и осмотрел все внимательно?*

Борден: *Через минуту. К тому времени я спущусь.*

Он сгрэб свою одежду и обувь и оделся. Затем вернулся к прикроватной тумбочке и схватил цепочку Эммы с ключом от квартиры, после чего поспешно вышел, тихо заперев дверь. В коридоре стояла непривычная тишина, пока он пробирался к лифту. Спустился вниз и вышел. Машина все еще стояла, а Грэм ожидал у входа в переулок, внимательно всматриваясь в темноту.

Борден подошел к нему. Грэм повернул голову и сказал:

— Здесь никого нет, мистер Борден. Пусто. Я уверен в этом.

Не обратив внимания на его слова, Борден протянул руку.

— Пистолет.

Грэм вытащил пистолет из-за пояса и передал Бордену. Тот снял оружие с предохранителя и, не говоря ни слова, пошел вниз по переулку. Сунув руку в карман, он вытащил телефон. Нажав кнопку, чтобы засветился экран, он использовал его в качестве фонарика, направляя его луч вокруг себя на каждом шагу.

Несмотря на предчувствие, переулок был совершенно пуст. Дойдя до конца и остановившись, Борден стиснул зубы. После всего дерьма это был реальный проигрыш. Едва ли в это можно было поверить.

— Что происходит? — тихо спросил подошедший сзади Грэм. — Есть опасность?

— Не знаю, — неуверенно ответил Борден. — Не уверен, но есть ощущение, что меня наебали или...

Или что?

Кто бы ни стоял за этим сообщением, он должен быть найден. Он будет иметь дело с Борденом. Еще раз взглянув на текст, он снова перечитал его. Кто это, черт возьми, пытается его запугать? Недолго думая, он гневно ответил на сообщение.

Борден: *Ты ошибаешься. Я найду тебя, мать твою, и разорву на куски.*

Отправив сообщение, Борден огляделся вокруг. Сделав пару шагов, услышал рядом громкий звонок. Резко остановившись, он двинулся на звук. Боковым зрением заметив нечто, он взглянул на землю и увидел какое-то мерцание в нескольких шагах от Грэма. Мгновенно его инстинкты обострились.

— Какого хуя? — в недоумении пробурчал он себе под нос.

Грэм проследил за его взглядом и поднял светящийся объект с земли, его лицо вытянулось.

— Я не понимаю.

Борден забрал это у Грэма, и его желудок скрутило от того, что было на экране. Судя по полному заряду батареи, чертов мобильный был брошен совсем недавно.

И одно новое сообщение светилось в почтовом ящике.

Открыв, он уставился на свой собственный текст. Это не было паранойей. Ублюдок был здесь, когда Борден писал сообщение, а значит, и тридцать минут назад? Адреналин хлынул волной. Он закрыл текст и начал проверять все сообщения, ища еще что-нибудь. Что-то, что поможет вычислить мудака. Вместо этого в ящике было еще одно сообщение, адресатом был указан «БОРДЕН». Кровавая пелена затуманила зрение, когда он открыл и прочитал сообщение, погрузившее каждую его часть в пылающий огонь.

Сейчас я наблюдаю за твоей маленькой леди. Она очень аппетитная, Борден. Такое тело сведет с ума любого мужчину. У нее плавные изгибы и дерзкие сиськи идеального размера. Уже представляю ее черные волосы, намотанные на мой кулак, когда я буду заставлять ее смотреть на меня. Так ли это нежно, как выглядит, Борден? У нее хороший рот? У нее такое лицо и нижняя губа, которую я буду счастлив засосать, пока девчонка будет прикована в моем подвале. Желательно голая. Как и твоя первая шлюха. Я прослежу, чтобы вторая шлюха мучилась подольше.

Я разозлил тебя? Ты вцепился в телефон немного сильнее? Ты кипишь от желания найти меня? Закопать меня?

Хотел бы я увидеть, как ты попытаешься.

— Борден? — голос Грэма прозвучал словно издалека.

Борден крепко сжал телефон, экран практически трещал от его хватки. Перед глазами пошли круги, и его гнев взорвался, подобно взрыву космической звезды, залив своим светом все внутри. Он несколько раз глубоко вдохнул — казалось, что он задыхается — и медленно убрал в карман телефон, который очень хотелось разбить. Телефон, который подбросили нарочно. А это значит, что он отстает на шаг и терпит поражение в своей собственной игре. Этот хрен просто сказал, что хочет его женщину, прикованную голой в подвале... как Кейт. Никакими словами не описать бешенство, переполнявшее его. Оно было настолько мощным. До дрожи. Стиснув челюсть, он попытался успокоиться, после чего взглянул на Грэма.

— Мы уезжаем, — мрачно и резко сказал Борден. — Немедленно.

Борден

Он чертовски ненавидел байкеров.

Бездушные твари.

И чертовски грязные.

Борден смотрел на весь этот бардак перед собой. Повсюду байкеры. Самовлюбленные куски дерьма сеяли хаос вокруг, словно это их вторая натура. По всему его клубу мелькали только руки и ноги бесчисленных танцующих. Битое стекло, громкие ругательства и даже драка, завязавшаяся между двумя членами клуба и завершившаяся кровопролитием и парой сломанных столов. Но... почему? Почему это стало настолько отвратительным? Он ни хуя не понимал. Особенно после того, как неандертальцы спустя несколько мгновений помирились и ржали своими окровавленными ртами, будто это не они только что **измолотили друг друга до мяса**.

Каменный век какой-то!

Борден стиснул зубы. Это была плохая идея.

— Это не плохая идея, — вдруг услышал он слова Хоука, который, как обычно, читал его мысли. Он остановился рядом, тоже оглядывая царящий вокруг беспредел.

— Они нужны тебе. Они нужны *нам*.

— Возможно, — пробормотал с отвращением Борден. — Возможно, и нет.

— Ты не должен рисковать. Сейчас это слишком опасно, Борден.

— Я это понимаю, Хоук, поэтому, блядь, не рассказывай мне о том дерьме, через которое мы уже проходили.

— Просто напоминаю, чтобы ты в конечном итоге не расквасил кому-нибудь физиономию.

— И имел бы полное право.

— Оно того не стоит.

— Они изгадили мой клуб.

— Смотри дальше, оценивай перспективы.

Борден практически рычал, повторяя снова:

— *Они изгадили мой клуб*.

— Остынь.

Блядь, ему не хотелось остывать. Ему хотелось стрелять, чтобы заставить этих козлов прекратить *громить его клуб*. Эти дикари понятия не имели, сколько было потрачено времени с тех пор, как он впервые оказался здесь, чтобы заполнить это место и заставить его работать. Он создавал «Совы» с нуля, а теперь эти уродливые задницы громили его заведение, словно оно им принадлежало.

Где, блядь, уважение? Это все, что ему хотелось бы знать. Это заложено в них изначально? Или сейчас они просто одичали?

Услышав испуганный крик, он повернул голову и увидел, как один из байкеров вытаскивал из клуба какую-то женщину, сжимая рукой ее шею. Она выглядела испуганной. В ее, как у енота, глазах блестели непролитые слезы, она беспомощно хныкала, кривя

накачаные ботоксом губы. Байкера, похоже, не волновали ее слезы, он просто смахивал с носа остатки только что вынюханного порошка.

Средневековое, блядь, дерьмо.

— Просто байкерская шляха, — быстро заверил его Хоук. — Одного из них. Не наша.

— Не могу поверить, что ты хочешь, чтобы я сотрудничал с бандой насильников.

— Они не насильники. Это одна из их клубных шлях. Они пользуются ей, как хотят, а взамен она получает очередную дозу. Услуга за услугу.

— Ты оправдываешь это дерьмо, Хоук?

Хоук нахмурился.

— Нет, я просто объясняю тебе, Борден. Если бы я одобрял это, то был бы сейчас в той гребаной части комнаты.

— Но когда-то был, не так ли?

Лицо Хоука потемнело.

— Спасибо за напоминание, но в этом не было нужды. Я объясняю тебе их образ жизни, и это не имеет отношения к тому, что мы задумали. Ты должен добиться своего. Не бери в голову *это* дерьмо. Думай об Эмме. Это ведь из-за нее, так?

Словно вспышка, перед глазами Бордена возникла картина, где точно так же тащат Эмму. Видение быстро стерлось приступом раскаленного гнева. Если хоть кто-нибудь прикоснется к ней подобным образом или хотя бы посмотрит в ее сторону с вожделением, Борден с радостью украсит стены клуба его мозгами.

— Где она? — потребовал Борден.

— Все еще в офисе с Грэмом. Она никуда не выходила, иначе бы я знал. Хочешь, чтобы я привел ее? Возможно, увидеть это дерьмо будет полезным для ее упрямой задницы.

Борден стрельнул в него взглядом и заметил смех в глазах Хоука. Как, блядь, он может хотеть, чтобы Эмма стала свидетелем этого дерьма?

— Давай, — добавил Хоук, пожимая плечами, — ты должен признать, сейчас это поможет заткнуть ее. В последнее время она доставляет Грэму много хлопот, задавая вопросы и заставляя нас уволить ее. Мне даже хочется занять его место, чтобы сохранить ему психическое здоровье.

Губы Бордена дернулись. Эмма могла быть настоящей головной болью, но именно это ему в ней и нравилось. Он любил ее привычку совать нос в чужие секреты, любил ее развратный рот и дерьмовое поведение. Любил каждый гребаный сантиметр ее маленького стройного тела, включая душу, сидящую внутри него.

— Она бы сумела разобраться с этим развратом, — продолжал Хоук, кивая в сторону комнаты и пряча улыбку в густой бороде. — Она, скорее всего, прирезала бы ублюдка, который хотя бы на шаг приблизился к ней.

— Ублюдка прирезал бы я, — поправил Борден, чувствуя, как волна собственности накрывает его. И это было проблемой: он не мог нормально справиться со своим властным характером. Ну, не всегда. Если Эмма останется в офисе, ему не придется постоянно оглядываться через плечо и нянчиться с ней и со всеми остальными, вьющимися вокруг нее.

Это закончится кровавой бойней, и он знал это.

Черт, все знали это.

Главным образом, он злился на то, что вообще оказался в этой ситуации, и что ему пришлось даже допустить мысль об этом. Но он не мог заниматься привычными делами, не сейчас, когда возникла реальная угроза.

И тогда он вспомнил ту ночь, с которой все началось, и что произошло после того, как он получил это проклятое сообщение две недели назад.

Они немедленно уехали. Сразу после того, как он нашел в переулке телефон. Он собрал кое-какие вещи Эммы, поднял ее с постели, и они поехали к нему домой. С тех пор она не возвращалась в свою квартиру, да он и не позволил бы ей. Там кто-то был, и он воспользуется любой возможностью, чтобы причинить ей вред.

«У нее такое лицо и нижняя губа, которую я буду счастлив засосать, пока девчонка будет прикована в подвале.» Эта фраза проносилась в его мозгу каждый день с тех пор, как он прочел ее. Он чувствовал тошноту при мысли о том, что какой-то псих имел такие большие желания к его женщине.

Мужчина послал людей на улицы, пытаясь собрать как можно больше информации, но в итоге ничего не добился. Этот человек действительно дым, рассеивающийся на глазах. Борден ни разу не наткнулся ни на что угрожающее, отчего бы все держали рты на замке. Мягко говоря, это начинало утомлять. Именно поэтому грязные байкерские задницы были сейчас здесь. И, взглянув на них еще раз, прежде чем вернуться к Эмме, он чертовски захотел, чтобы их здесь не было.

Да, он бы точно прирезал любого мудака, хоть на шаг приблизившегося к ней.

— Я бы тоже, — услышал он бормотание Хоука через несколько мгновений.

Борден взглянул на него.

— Это правда?

Не взглянув на него, Хоук рассеянно кивнул и продолжил осматривать помещение. Несмотря на собственнический инстинкт, бушевавший в нем, Борден умышленно не стал расспрашивать. Эмму, казалось, готовы были защищать все, кто хоть раз с ней встречался. Сначала Грэм, а сейчас... ну, сейчас, оказывается, и Хоук растекался лужицей в ее присутствии. Борден не был полностью уверен, какие именно чувства это в нем вызывало.

— Приехали, — сказал Хоук. — Двенадцать часов. Рыжая стрела смерти.

Борден посмотрел вперед и увидел Линду. С разъяренным выражением лица она пробиралась сквозь толпу мужиков. Спереди ее красное платье было мокрым, как и кончики длинных рыжих волос. Поймав его взгляд, она повернулась всем телом и поспешила к нему. Тяжело дыша, она остановилась. Ее высокое стройное тело трясло от сдерживаемой ярости. Хоука тоже трясло, но от смеха, за что он получил ее рассерженный взгляд.

— Какого хрена, Борден! — прошипела она. — Эти мужики — животные! Они превратили это место в поле боя. Ты знаешь, сколько времени нам потребуется, чтобы убрать все это дерьмо?

— Почему ты мокрая? — спросил Хоук. — Похоже, кто-то взял тебя прокатиться.

— Ни с кем я не каталась, мудака! — парировала она. — Но, кажется, эти ублюдки думают, что я какая-то клубная шлюха, готовая сама под них лечь.

— Это они сделали? — спросил Борден, глядя вниз на открытую взору влажную ложбинку между ее грудей, очертания которых он мог свободно видеть сквозь платье.

— После того, как они обтирались своими твердыми членами о мои бедра и задницу, то да, они сделали это!

Борден вздохнул, бросив на Хоука мрачный взгляд.

— Как я и говорил, они — сраные дикари.

— Я и не возражал, — утверждал Хоук. — Просто сказал, что они не стоят пули.

— Что они вообще здесь делают? — кипела от злости Линда. — Ты мог бы

предупредить меня.

Борден оглянулся на нее.

— Ты права. Тебе не нужно здесь находиться. Хватай свои вещи и уходи. Возьми кого-нибудь из наших парней, пусть отвезет тебя домой. Об остальном мы позаботимся.

— Спасибо, — едко ответила она. — Так приятно узнать, что единственная причина, по которой ты готов вытащить меня из этого беспредела — это угроза быть изнасилованной. Премию «Босс Года» в студию!

Прежде чем он смог ответить, она развернулась и помчалась прочь, сердито отпихивая мужиков, тянувшихся к ней. Они просто ржали в ответ на это, заставляя Бордена психовать еще больше.

— С чего вдруг эта женщина стала постоянно дерзить мне? — пробормотал Борден, качая головой.

Хоук ухмыльнулся.

— На фоне того, как с тобой разговаривает Эмма, у Линды больше не осталось причин бояться тебя.

— С Эммой все по-другому. Я люблю ее развратный рот. Но я не желаю этого от Линды. Теперь давай убираться отсюда, пока я на самом деле кого-нибудь не пристрелил.

Они уже разворачивались, когда очередной грохот сотряс воздух. Борден стиснул челюсти, услышав звук драки двух мужиков из-за пролитой бутылки пива.

Эмма

Я выглядела дерьмово. И чувствовала себя дерьмово. Мои еще влажные волосы завязаны в пучок, а усталое лицо без макияжа. Такое ощущение, будто меня бросили здесь, в офисе, и если бы не миска шоколадных конфет, стоящая передо мной, то я бы устроила бунт.

Но это ведь шоколад, правда? Кто может впасть в депрессию с ним? Я сожрала, наверное, несколько килограммов, пока не почувствовала, что желудок сейчас взорвется. Но я разорвала еще кучу фантиков, и съела еще немножко.

От скуки я стала играть в Angry Birds на телефоне за своим столом. И прямо сейчас какой-то чувак с флагом Новой Зеландии надирал мою задницу. Я свалила вину за этот проигрыш на свой дискомфорт. Я сидела на своем стуле под странным углом, и все это потому, что нормально сидеть было больно. Каждый сантиметр меня ниже пояса болел.

Пока играла, в голове всплывали картинки того, что происходило сегодня в душе. Рот Бордена напротив моего, телом он прижимал меня к стенке душевой кабины, пока водяные струи били по нам. Он посасывал мой язык, прикусывал нижнюю губу, скользил этими сильными руками вниз по моему телу, сжимая меня, овладевая мной.

Я почувствовала жар, всего лишь подумав об этом. Каким властным он был. Легко подняв меня на руки, он прорычал:

— *Оберни свои гребаные ноги вокруг меня.*

Я обвилась вокруг него, как лоза, и в ожидании момента, когда он толкнется в меня, целовала его так, словно от этого зависела моя жизнь.

Мне стоило догадаться, что эта сволочь сначала будет дразнить.

Он всегда сначала злил меня.

— Ты собираешься умолять, куколка? — прошептал он в мой рот.

— Нет, — дерзко и упрямо возразила я.

Его грудь затряслась в беззвучном смехе, а потом он провел головкой своего члена по моим складочкам, коснувшись клитора. Прижимаясь теснее, я задрожала в его руках. Он оскалился напротив моего рта, развлекаясь моей реакцией на его бесконечные попытки разозлить меня.

— Проси, куколка, — по-прежнему тихо потребовал он, но его голос стал еще более охрипшим. — Умоляй меня трахнуть тебя.

Я вонзила свои ногти ему в спину, сотрясаясь всем телом, пока он продолжал скользить своим членом по моему клитору. С каждой секундой я царапала его все сильнее — таков был мой способ умолять, зная, что это подпитывает его мазохизм. Потому что его веки тяжелели, поцелуи становились жесткими, и, в конце концов, он уступил, разведя мои ноги шире, а затем резко погрузился в меня.

После первого толчка мужчина замер, и на мгновение я почувствовала это восхитительное ощущение наполненности. Так всегда происходило: один толчок, и мои глаза закатываются. Стенки моей киски жадно сжали его, и он застонал от этих ощущений. Я ловила капли душевой воды широко открытым ртом, прежде чем в него вторгся его язык. А потом Борден начал двигаться, толкаясь все быстрее и жестче, снова и снова.

Дерьмо, это *всегда* было жестко. Я не знала, как можно любить трахаться как-то по-другому. Это как зависимость: опасно для здоровья, зато опьяняюще. Он обладал каждым миллиметром моего тела, и даже мой разум — самый строгий критик — сжег все мосты к логической части меня.

Я чувствовала себя такой маленькой в его руках. Он держал меня, словно я ничего не весила, и я восхищалась видом его огромных бицепсов и этими вздувшимися венами, создающими сексуальные линии, которые так и хотелось облизать. Он был очень вкусным. Мои губы лихорадочно скользили по его плечам, и мне было все равно, что целовать и сосать, какая часть его попадет в мой рот. Я терялась в нем, громко кричала, зубами вгрызалась в его твердый подбородок и жестко кончала.

— Гребаный ад, — пробормотал он, задыхаясь. — Даже я это почувствовал, куколка.

Ответом был только мой стон и дрожь от удовольствия, поглотившего меня, когда он продолжил.

Моя любимая часть — смотреть, как он кончает. Я чувствовала себя такой сильной и одновременно покорной оттого, что именно мне выпало счастье видеть отражение эмоций на его лице. На грани оргазма его губы становились нежными. Он ласково поглаживал мой язык, целовал уголок рта, взгляд его голубых глаз теплел. Борден смотрел на меня, будто я так много для него значу, словно я — солнце, вокруг которого он вращался. От этого взгляда в моем горле каждый раз возникал комок. Я хотела встряхнуть его, сказать ему, что нет, это не так, это он — солнце! А я всего лишь беззащитная маленькая песчинка, приближенная и согретая, вращающаяся вокруг и, конечно, внутри него.

Он сжигал меня. Заставлял чувствовать себя живой, и я знала, что с ним происходит то же самое. Я *чувствовала*. Мне хотелось, чтобы он озвучил это, чтобы дошел до того предела, до которого доходят люди в момент кульминации и, отбросив осторожность, сказал мне все это. Я хотела, чтобы он сказал, что любит меня, что нежность в его глазах существовала не только в моем воображении. Что это действительно правда, и мечты стали реальностью. Но он никогда этого не делал. Он никогда не заходил настолько далеко и всегда полностью контролировал себя, независимо от того, как близко подходил к краю.

Я ненавидела это.

Опустив вниз, он нежно поцеловал меня в губы и вернулся к состоянию обычного Бордена: жесткому, язвительному, серьезному, но все еще обладающему похотливым взглядом, которым он обычно смотрел на меня. После этого я была расстроена, я задыхалась. Мне хотелось спросить о его чувствах. Но я боялась узнать ответ.

Все понемногу превращалось в полный пиздец.

Сегодня вечером он отсутствовал. Спустя несколько минут после душа он оделся в сексуальные потертые джинсы и теплый черный свитер. Не уложил свои непослушные волосы, не украсил запястье часами. У меня было ощущение, что происходило что-то дерьмовое, и, думаю, он знал что.

— Одевайся, — спокойно сказал он. — Мы выезжаем через десять минут.

Моя челюсть упала от неожиданного приказа. С волос все еще стекала вода после душа, кожа была красной от возбуждения, а между ног было влажно, так как у меня не было времени привести себя в порядок.

— Могу я просто остаться? — устало спросила я.

Он потер щеку с трехдневной щетиной и повернулся ко мне.

— Нет, — просто сказал он. — Не можешь.

Я прищурилась на него, закипая.

— Я действительно без сил, Борден. У нас был долгий день в офисе.

— Он не был бы таким длинным, если бы ты не смотрела на меня, как маленькая бесстыдница, — ответил он, ухмыляясь моему недовольству. — В следующий раз держи свои сексуальные глазки устремленными в компьютер, хорошо? Тогда мне не придется трахать тебя так сильно.

Я сделала рассерженный вид и пристально посмотрела на него. Это только заставило его рассмеяться, когда он покидал комнату, но тут даже я не смогла сдержать улыбку.

Боже, я действительно любила этого мужчину.

Однако я так устала, и последнее, чего мне хотелось — это тащиться обратно в клуб, который стал для меня практически вторым домом. Положение усугублялось тем, что офис был не особо шумоизолирован. Теперь я могла слушать буйные вопли и звуки разбивающихся бутылок. Это не нормальные звуки. Кто бы там ни был, им было чертовски плохо.

Я то и дело посматривала на Человека-Усы — или Грэма: я, наконец, смягчилась к его имени — сидевшего на стуле рядом с дверью и сжимающего рукоятку пистолета. Он, кажется, делал все от него зависящее, чтобы избежать зрительного контакта со мной. Он не хотел отвечать, почему Борден — такой мудака и собственник — заставлял меня повсюду следовать за ним, куда бы ни направлялся. Поводок на моей щенячьей шее с каждым днем становился все короче, и я медленно теряла рассудок.

— Я все знаю про сообщение, — пробурчала я Грэму после того, как проиграла этому мудаку из Новой Зеландии. — Тебе нет нужды делать из этого тайну, ты же знаешь. Ты плохой актер. Настолько плохой, что не заслуживаешь даже Золотой Малины. *(Прим. Золотая Малина (англ. Golden Raspberry) — придуманная в 1981 году американцем Джоном Уилсоном антинаграда, отмечающая худшие актерские работы, сценарий, режиссуру, кинопесню и фильм года).*

— Я просто не могу обсуждать это с тобой, Эмма, — раздраженно ответил он. — Мы проходили это, по крайней мере, дюжину раз за этот вечер.

— Почему? Потому что ты не хочешь сказать мне, что собираешься выпотрошить парня, который угрожает моей жизни, и украсить улицы его потрохами в качестве предупреждения?

Я сказала это в шутку, но Грэм метнул в меня такой взгляд, который тут же заставил меня заткнуться. Он был в бешенстве. Ну, как и я. Много говорило в пользу этого человека, нянчившегося со мной, как с избалованным ребенком. И было бы просто естественным стать более разговорчивым с людьми, с которыми вынужден находиться ежедневно и круглосуточно.

— Твой юмор слишком черный для меня, — покачав головой, заметил он.

— Ну, все мы знаем, откуда это у меня.

— Ты должна быть леди.

— Ты можешь убрать девушку из гетто, но не можешь убрать гетто из девушки. Разве не так говорится в наши дни?

— Я не знаю, что говорится в наши дни, Эмма.

— Думаю, ты просто не в теме. Не проходил через трудные времена, чтобы ценить немного черный юмор, да?

Он закатил глаза, и было смешно смотреть, как эта взрослая задница — большой

крепкий мужик почти пятидесяти лет с пышными усами — закатывает глаза, подобно капризной школьнице.

— Ты абсолютно не знаешь, какие трудные времена я пережил, Эмма, и, надеюсь, тебе никогда и не придется, — торжественно сказал он. — Именно поэтому я здесь. Это моя работа.

Я вздохнула.

— Ты такой зануда.

— Почему это я «зануда»? — сказал он, обозначив в воздухе кавычки и выглядя оскорбленным.

— Потому что ты просто не знаешь, как расслабляться и получать удовольствие.

— Мне не платят за то, чтобы я расслаблялся и получал удовольствие. Мне платят за то, чтобы я защищал тебя. И ситуация, в которой мы находимся, требует определенного уровня серьезности, что заставляет меня быть так называемым «занудой».

Большие воздушные кавычки.

— Скучно.

Теперь настала его очередь вздыхать.

На полном серьезе, я понимала, что ситуация требовала осторожности. Сообщение явно напугало Бордена, и, хотя я не читала его, но понимала, что все плохо и угроза была действительно реальной. Я делала все, как мне говорили, потому что не хотела быть этакой тупой девчонкой, нарушившей запрет и действующей по собственному усмотрению, делающей вид, что в этом нет реальной опасности. Я посмотрела достаточно фильмов ужасов, чтобы знать — они все умирают. И самыми ужасными способами. Типа изжариваются заживо в спа-кабине или оказываются изрезанными в куски бензопилой. И эта херня привела меня к вопросу: почему из всех фильмов на земле, в первую очередь я смотрю именно эти?

В любом случае, я не хотела умирать. В последнее время я любила свою жизнь. Меня ежедневно трахал божественный мужчина, я могла по-прежнему видаться с друзьями и бабушкой и зарабатывала хорошие деньги, работая на этого божественного мужчину. Единственная претензия — меня постоянно окружали люди Бордена.

Или сам Борден.

Скажу честно, это не так уж плохо, когда он рядом. Он был непредсказуем, и я всегда чувствовала, как мой пульс учащался от предвкушения, когда он задерживался рядом. Иногда он просто смотрел на меня, его лицо не выражало эмоций — они были спрятаны за этими льдисто-голубыми глазами, которые сверлили меня похотливым взглядом, вызывая покалывание во всем теле. Он не дотрагивался до меня в такие моменты. Просто смотрел и восхищался мной, как люди восхищаются изящным произведением искусства.

Иногда он просто трахал меня, появляясь из ниоткуда, когда я меньше всего этого ожидала. Я могла делать кофе на кухне, а через мгновение моя спина была согнута, щека прижата к кухонному столу, а его член находился глубоко внутри меня. Бормотал что-то мне на ухо. Кусал мое плечо. Вдалбливался в меня, пока я не кончала вокруг него так жестко, что фокус зрения терялся, а он просто продолжал, пока не кончал сам, словно помечая меня.

С ним не было никакого постоянства. Не было заранее запланированных занятий сексом по ночам. Великолепная непредсказуемость. Мне нравилось быть использованной для его удовольствия, которое, я знала, приходило с болью. Но... она наполняла мое тело огненным жаром желания. А потом возбужденная Эмма становилась пресыщенной и

спокойной.

Здесь не было никаких претензий.

— Могу я, по крайней мере, узнать, кто там? — спросила я, намеренно отгоняя образы Бордена во мне, натягивающего меня, как гитарную струну. — Я имею в виду, каким образом Линде удалось войти и выйти, и почему она посмотрела на меня так, будто я ей в подметки не гожусь и надолго застряла здесь?

— Линда — это другое.

— В чем разница?

— Она не принадлежит Бордену.

Да, но я уверена, что она хотела бы. Она ненавидит меня, наверное, так же, как и Хоук. С единственной разницей: когда я иногда ловлю ее направленный на Бордена взгляд, он настолько пронзительный и полный эмоций. Она хотела его и вела себя полной сукой со мной, что неудивительно. В то время как ненависть Хоука была мгновенной, без реальной причины и исчезала только в присутствии Бордена. Он напоминал мне бездомную кошку, которую однажды вечером подобрала бабушка, когда я была ребенком. Она назвала ее Джой (*Прим. в переводе с английского Joy — радость*), и я никогда не могла этого понять, потому что в этой гребаной кошке не было ничего радостного. Она царапалась и бросалась, рычала на меня, когда я подходила к ней ближе, чем на пять метров, и шипела так, будто я жгла ее раскаленным маслом. Однако вокруг бабушки она прыгала, как влюбленный, поющий серенаду, спала ночью на ее плече и мурлыкала бабуле на ухо, даже когда та гладила ее против шерсти. Если бы это сделала я, то, в конечном итоге, выглядела бы побывавшей в чертовой шинковке.

Джой и Хоук идеально бы подошли друг другу. Они оба просто хотели бы наблюдать, как сгорит этот мир.

— Просто скажи мне, кто там внизу, — надавила я на Хоука.

— Оставь это, Эмма. Ты начинаешь мне надоедать.

— Это мне уже надоело! Меня держат в неведении!

Грэм снова открыл рот, чтобы ответить, когда дверь вдруг распахнулась, и в комнату вошел Борден в сопровождении этого мудака Хоука. При их появлении Грэм облегченно вздохнул, а я сердито смотрела на Бордена, пока он обходил стол и взял мое лицо в свои ладони. Без предупреждения он наклонился и быстро поцеловал меня. К сожалению, в поцелуе было недостаточно страсти, чтобы стереть хмурое выражение с моего лица. Он отстранился, в глазах появилось любопытство, а потом последовал вопрос:

— Что, черт возьми, с твоим лицом, куколка? Съела что-нибудь не то?

Мои брови взлетели вверх, а он, усмехаясь, плюхнулся в свое кресло.

— Что я здесь делаю? — устало спросила. — Я могла бы остаться дома.

— У меня есть дела, о которых нужно позаботиться. И ты нужна мне здесь, чтобы была возможность за тобой присматривать, — объяснил Борден.

— Какие дела?

— Личные дела, — вставил Хоук, раздраженно глядя на меня, но, с другой стороны, я всегда его раздражала.

— Я не с тобой разговариваю, — рявкнула я на него, прежде чем снова посмотреть на Бордена. — А кто там? Судя по звуку — стадо слонов.

— Я бы предпочел слонов, — ответил Борден, веселье в его взгляде исчезло. — У нас тут байкеры. Главарь «Боевиков» с окраины города.

У меня упала челюсть.

— У тебя дела с байкерами?

— Раньше не было, но теперь... ну, сейчас я рассматриваю варианты.

— Зачем?

— Для твоей защиты, — вмешался Хоук. — Не потому, что Борден этого хочет. Президент «Боевиков» добивался этого уже больше года, и это лишний раз доказывает, как далеко готов зайти Борден ради *тебя*. Так что не умрешь, если немного поблагодаришь.

— Зачем он говорит это? — я снова взвилась, указывая на Хоука и вытаращив глаза на Бордена. — Почему он считает своим долгом напоминать мне о благодарности, как будто я какая-то избалованная телка?

— Куколка, он разговаривает так со всеми, — ответил Борден, пожимая плечами. — Ты знаешь, Хоук — мудака. Ничего личного. У него на все есть своя точка зрения.

Игнорируя самодовольный взгляд Хоука, я горестно сказала:

— И его точка зрения — то, что я нуждаюсь в защите?

— Да.

— И это связано с байкерами?

— Да.

Я посмотрела на каждого из них, ища ответа, но они больше ничего не сказали. Байкеры — это плохо. Городу повезло, что они не попилили его на части, но это только потому, что Борден здесь. А еще я кое-что слышала. Достаточно, чтобы понимать — они не просто кучка веселых ребят, которые создали маленький безобидный клуб просто для того, чтобы ездить по городу на больших «Харлеях» и выглядеть круто.

— Я не понимаю, — наконец, сказала я. — Объясни мне. С чего бы байкерам предлагать защиту?

— Это просто, — объяснил Борден. — Я не нашел того, кто угрожает. Кроме того, я не могу позволить, чтобы ты была уязвима, да и моим парням на улицах ничего не удалось выяснить. Кроме того, байкеры больше подходят для поиска людей, чем я. Они торгуют наркотиками, и со всеми клиентами у них налаженные связи — очень ценные связи. Они знают людей. Если мы объединимся, у меня появится больше шансов найти источник угрозы, уничтожить его и при этом быть уверенным в твоей безопасности.

— Что байкеры получают взамен?

Хоук, ухмыляясь, посмотрел на Бордена:

— По крайней мере, она задает чертовски правильные вопросы.

Губы Бордена дрогнули, но глаза холодно посмотрели на меня.

— Они получают порт, Эмма.

Во рту пересохло от неприятного предчувствия.

— Чтобы ввозить наркотики.

— Чтобы ввозить любой их *товар*. А какой — это их личное дело.

Я скептически приподняла бровь. Он не одурачит меня.

— Это на один раз? — спросила я.

— Нет, — ответил он. — На столько, сколько продлится сделка.

— Поэтому?..

— Поэтому так может остаться навсегда.

— Это сильный альянс, — добавил Хоук, первый раз взглянув на меня без презрения. — После этого мы станем неприступными. Этот клуб владел городами, которые считались их

территорией в течение двух десятилетий. Они сильны, и в мире, где в подворотнях скрываются змеи, угрожая разорвать нас, это именно то, что нам нужно. Сила.

Все еще неубедительно.

— Вы не находите это удачным стечением обстоятельств? — ответила я, переводя взгляд с Хоука на Бордена. — Ты получаешь сообщение с угрозами в мой адрес, и единственные люди, к которым ты хочешь обратиться, это те, что пытаются заполнить твой порт для ввоза своего товара. Откуда вы знаете: может, этот президент подстроил все именно так, чтобы получить доступ к порту?

— Хотя это и разумное предположение, я знаю, что это не он, — твердо сказал Борден.

— И все-таки, как ты можешь быть уверен в этом? — подчеркнула я, желая услышать точный ответ, заранее зная, что он просто не сможет дать его мне. — Он байкер и, скорее всего, преступник. Откуда ты знаешь, что можешь доверять ему?

— Потому что, — вмешался Хоук, его лицо стало жестким, — он мой брат.

Эмма

Это был шок и еще раз шок.

Полный шок. Во всей комнате воцарилась тишина, а в голове жужжал еще один миллион вопросов. Я не знала, с чего начать. Несколько мгновений таращилась на Хоука, а он отвернулся, словно я могла все прочесть по его лицу. У парня были секреты, и, судя по отсутствию реакции со стороны Бордена, он был в курсе каждого из них.

Снова вздохнув, Борден приблизился ко мне и взял мои руки в свои. Он склонил свое лицо ко мне, так близко, что я почувствовала его дыхание около своего рта. Так близко, что я купалась в синей глубине его глаз, пока он искал мой взгляд.

— Перестань так сильно заморачиваться, — прошептал он. — Хоук и я прошли через это, и я не находился бы здесь и не пригласил бы группу дикарей, если бы не был уверен в этом парне.

Когда он это говорил, я снова взглянула на Хоука. Он просто кивнул, соглашаясь со словами Бордена, и мне было ненавистно признавать, но это поумерило мое беспокойство.

— Не волнуйся, — продолжал Борден, — обещаю, все будет хорошо. Я знаю, что делаю.

Его ласковые слова успокаивали. Я закрыла глаза и облокотилась на него. Он нежно поцеловал меня, словно сообщая через поцелуй, что все будет в порядке. Я верила в это, несмотря на предостерегающее ощущение внутри.

— Гребаный ад, — выругался Хоук на всю комнату. — Снимите долбаный номер или что-то в этом роде.

Губы Бордена приподнялись, и он, как обычно, пропустил слова Хоука мимо ушей. Хотелось бы, чтобы с ним он был таким же мудаком, как и со всеми остальными. Мужчина отстранился, и я снова смотрела ему в глаза, как преданная собачонка, кем я, собственно, и была. В любом случае, в этом не было ничего позорного.

Я чувствовала себя немного глупо из-за того, что устроила допрос. Конечно, Бордену лучше было знать, что делать и кому доверять. Как я могла усомниться в этом хоть на секунду?

— Ладно, — пошептала я. — Ты знаешь, что делаешь.

— Я тронут твоим доверием, — сухо ответил он.

— Ты всемогущий, Борден, и сейчас у меня вроде как нет выбора?

— Это верно, — осторожно ответил он, после чего тихо добавил. — Между прочим, мне понравилось, что ты назвала мою квартиру своим домом.

Я расплылась в улыбке, увидев его нежность.

— От этого ты чувствуешь себя мягким и пушистым?

— Господи, — снова перебил Хоук, — они, блядь, реально собираются этим заняться, не так ли?

Я закатила глаза.

— Ты нуждаешься во внимании Бордена, Хоук? Ревнуешь?

— Да, правильно, — усмехнулся он.

Оторвав взгляд от Бордена, я повернулась к Хоуку.

— Так или иначе, какой он, твой брат? Он должен быть реально жестким, чтобы стать президентом клуба, да?

Хоук рассеянно пожал плечами.

— Гектор — это... Гектор. Уверен, в определенный момент мне придется поставить его на место.

— Почему?

Он поморщился.

— Он... у него есть несколько недостатков, в частности, он никогда не знает, когда нужно держать рот на замке.

— Язык без костей, — добавил Грэм, уверенно кивнув. — Я встречался с этим человеком и не стал его большим поклонником.

Ух. По отзывам всех выходило, что этот человек — полный мудака. Хотя вы вряд ли найдете бóльшего мудака, чем Борден.

Как по команде, нас прервала серия громких ударов в дверь, сигнализируя о приезде человека, с которым мне внезапно до зуда захотелось встретиться.

— Это он, — сказал Хоук, подходя к двери.

Борден был слишком занят разглядыванием меня, чтобы подтвердить это. Он поцеловал мою руку, прежде чем вернуться на место за своим столом. Все признаки влечения мгновенно испарились. Он переключился на Борден-режим. Челюсти сжаты, лицо бесстрастное, губы сложены в прямую линию. Борден-режим был настолько же сексуален, насколько страшен, и сердце подпрыгнуло у меня в груди.

Хоук открыл дверь, и глубокий хриплый голос сразу же выдал.

— Ну, говнюк, вот и увиделись.

Я наблюдала, как распахнулась дверь, и высокий широченный мужчина шагнул внутрь, несколько раз хлопнув Хоука по спине. Мужчина выглядел моложе, чем я ожидала от президента мотоклуба. Вероятно, ему было немного за тридцать, темные короткие волосы и совершенно чисто выбритое подтянутое лицо с оливкового цвета кожей. Я же ожидала кого-то вроде бородатого мужика с огромным пузом. Вместо этого передо мной был мускулистый мужчина примерно одного роста с Хоуком, и на долю секунды я заметила поразительное сходство между ними. Но Хоук был более неряшлив, тогда как этот мужчина просто чертовски хорошо выглядел на фоне окружающих. Это, отчасти, заставило меня задуматься, как Хоук выглядит под своей ужасной одеждой и без растительности, скрывающей его лицо.

— Прошло много времени, — сказал он Хоуку и оглядел его более внимательно. — Ты похож на чертового бомжа.

Хоук просто пожал плечами.

— Я не могу просто разгуливать и показывать всем свое лицо, что мне теперь остается?

— Ничего, я полагаю.

Что, черт возьми, все это значило?

— Ты по-прежнему выглядишь как изнеженная сучка, — заметил Хоук, и в конце фразы его рот задергался. — Не отращиваешь бороду в целях самосохранения? Ни хрена не меняется, как я погляжу.

— Пошел на хер, эти суки копают под меня и в таком виде. Ты знал бы это, если бы был рядом.

Что-то темное промелькнуло в глазах Хоука, когда он отошел, чтобы пропустить Гектора. Затем он закрыл дверь и скрестил руки на груди, внимательно наблюдая за братом.

Гектор кивнул Грэму в знак приветствия, и Грэм ответил ему полукивком. Потом большой байкер посмотрел на Бордена, а затем на меня. Его лицо немного смягчилось и изумление промелькнуло в его чертах, когда он осмотрел меня. Я выпрямилась в кресле и тоже смотрела на него, не желая отводить взгляд вопреки советам своего разума. Его рот расплылся в широкой ухмылке, прежде чем он перевел взгляд на Бордена.

— Это охуенно большой сюрприз, Борден. Не думал, что этот день когда-нибудь наступит, — сказал он, рухнув на стул перед нами. Он откинулся на спинку и широко расставил ноги, максимально расслабившись. Это были движения властного мужчины, который ни в малейшей степени не боялся Бордена. Наблюдать подобное было для меня определенно необычно, и я взглянула на Бордена, пытаюсь оценить его реакцию на поведение Гектора. Несмотря ни на что, Борден был непроницаем.

Когда он не ответил сразу, Гектор снова взглянул на меня. Еще раз. Его не волновало, что он откровенно пялился на меня, и я стала немного больше нервничать. Я не привыкла к этому. Борден — страшный собственник. Я видела его убийственные взгляды в адрес проходящих мимо нас мужчин, и они всегда прятали в страхе свои головы. И настал момент, когда больше никто уже не смел смотреть в мою сторону.

Этому мужчине, кажется, было насрать.

Гектор не собирался смотреть на меня так, как это делали те мужики. Ничего похотливого не было в том, как его взгляд бродил по мне, хоть он и облизнулся слегка, словно оценил меня. В основном, ему было просто любопытно, и я понимала причину.

Борден просто не впустил бы в свой мир первую попавшуюся женщину.

— Охуенная малышка, — заметил Гектор, его взгляд остановился на моем лице.

— Кто она?

— Моя, — сказал, наконец, Борден жестким голосом, преодолевая желание пустить тому кровь. Я хорошо знала этот тон. Это было предупреждение, которое не будет повторено, если этот мудака продолжит говорить о том, какая я «охуенная».

Гектор усмехнулся, кивнув ему.

— Совершенно ясно, что она твоя и все такое. Но что эта горячая штучка делает в твоём кабинете, когда мы здесь, чтобы обсудить дела? Место женщины за дверью. И желательно на коленях, на мой взгляд.

Нет, он не мог.

Сексистская свинья.

Мои губы сжались от гнева, и я зыркнула на него. Он перехватил этот взгляд и только улыбнулся. Это была спокойная улыбка — *очень милая улыбка* — во весь рот, полный ровных белых зубов, отчего каждая черточка его лица засветилась озорством. Это была одна из тех дьявольских улыбок, которые, к сожалению, обладают властью ставить вас в тупик своей абсолютной непринужденностью. Он наслаждался, смущая кого-то, и я была его целью. Почувствовав, как вдруг покраснели мои щеки, я, наконец, оторвала от него свой взгляд и сразу посмотрела на Бордена — мужчину, который вызывал во мне чувство, прямо противоположное непринужденности.

Борден оставался невозмутимым. Почти скучающим тоном он ответил:

— Она здесь, потому что твоя часть сделки касается ее.

— Как так?

— Мы получили угрозы, — вмешался Хоук из-за его спины, его голос внезапно похолодел. — Так что попридержи свое гребаное дерьмо и имей уважение выслушать.

Девушка принадлежит Бордену, и ты должен будешь позаботиться о чужой собственности.

Собственность? Гребаный ад, сексистские замашки — это у них семейное.

Уровень напряжения в комнате внезапно зашкалил. Гектор взглянул через плечо на брата, и я вдруг поняла, что здесь происходит. Хоук был старшим, и сейчас давал нагоняй младшему брату. Явно почувствовав себя в дерьме, Гектор немного напрягся, после чего натянуто улыбнулся, загоняя внутрь свой гнев.

— Мои извинения, брат, — пробормотал он. — Язык мой — враг мой.

— Хорошо. Сейчас нам нужна твоя помощь, чтобы найти источник угроз, — продолжил Хоук. — Мы прочесали все улицы в его поисках, и теперь нам нужна свежая пара глаз.

Гектор пожал плечами.

— Почему я?

— Ты хорош, — вступил Борден. — Чертовски хорош, судя по тому, что я слышал. Плюс, твои люди верны тебе, несмотря на то, что ведут себя, как сраные дикари в моем клубе.

Гектор проигнорировал колкость.

— Причины их преданности не имеют отношения к этому делу.

— К этому делу имеет отношение *все*. Когда мужчина имеет преданную команду, это обычно означает, что он вообще хорош в том, что делает. Я прав?

Веселье исчезло с лица Гектора. Он торжественно кивнул на слова Бордена, и я заметила намек на гордость, когда он услышал их. Снова взглянув на меня, он спросил:

— Что последует за этим? Хоук весьма расплывчато объяснил. Сказал, что ты получал угрозы или некое подобное дерьмо, что, мне кажется, нормально в отношении кого-то вроде тебя. Ты — долбаный деспот. Я впечатлен. До этого больше никому не удавалось выбить почву у тебя из-под ног.

— Нет, им это не удастся. Я позабочусь об этом.

— Тогда что же это? Я готов грызть стены, мужик. Мне нужно знать, что я должен сделать, чтобы заполучить этот гребаный порт. Именно поэтому я здесь, верно? Давай короче. Дерьмо надо мной сгущается, копы прикрывают перевозки моих грузов, поэтому мне нужен доступ к порту. И как можно скорее.

— Я получил сообщение с угрозами ее жизни, — пояснил Борден, указывая головой на меня. — Этот мудака отправил его с территории жилого комплекса, где находится ее квартира, и умышленно подбросил телефон.

Гектор скрестил руки, стрельнув в сторону Бордена удивленным взглядом.

— Думаю, я мог бы сейчас соврать и сказать тебе, что это ужасно, просто ради того, чтобы добиться своего. Но у тебя репутация абсолютно ебнутого психа, Борден, и, похоже, не без причины. Уверен, что тебе не стоит сильно париться из-за этого сообщения, мужик. Что если это просто какой-то маленький засранец пытался прикинуться крутым, а потом испугался того, что сделал?

— В любом случае, я хочу знать, кто это сделал. В редких случаях, когда меня не будет и станет жарко, я должен быть уверен, что ты будешь рядом, чтобы защитить ее.

— Чтобы защитить ее, — повторил Гектор, взглянув на меня. — То есть, это выходит за рамки этого сообщения и относится к любой ситуации?

— Да.

Не зная, куда деть руки, Гектор провел ими по волосам и громко вздохнул:

— Мужик, у меня достаточно людей, чтобы позаботиться о подобном. Весь клуб, если

быть точным. И я понимаю твоё желание защитить девушку, потому что она охуенно горячая и все такое, и, черт, я был бы так же зол, если бы имел такой лакомый кусочек, а кто-то угрожал уничтожить его. Но я действительно не думаю, что должен растрачивать ресурсы, разыскивая какого-то засранца, который вполне может оказаться ебанутым подростком, ищущим новых острых ощущений.

Угрожал уничтожить *это*? Для этого мудака я — просто предмет? Вау, этот парень действительно самый большой кусок сексистского дерьма, который я когда-либо встречала. Я посмотрела на Бордена. Часть меня хотела броситься к нему и умолять, чтобы он нашел кого-то другого для помощи в нашей ситуации, но увидела решимость на его лице. Скорее всего, он просто проигнорировал бы меня.

Он стиснул челюсти от слов Гектора и ответил:

— Это не ебанутый подросток, ищущий новых ощущений.

— Но откуда тебе это *известно*? — спросил Гектор.

Борден помолчал. Существовало нечто, о чем он не сказал мне. Я ерзала в своем кресле, ожидая, когда он продолжит, в то время как внутри него шла внутренняя борьба. Чем дальше он тянул, тем более неуверенно я себя чувствовала. Затем он, наконец, ответил:

— Я это знаю, потому что получил похожее сообщение через час после убийства Кейт.

Я застыла, уставившись на него. Он не ответил на взгляд. Был полностью сосредоточен на деле, удерживая настойчивый взгляд на Гекторе. Между тем, Хоук выглядел как обычно, словно для него это не было новостью. Уверена, что так и было. Он был в курсе, в то время как я — женщина Бордена, которую он трахал и которая делила с ним постель последние две недели — нет.

Я не знала, как при этом себя чувствовать.

— Я думал, что ты... *позаботился* об этом, — спокойно сказал Гектор, прищурился глазами в сторону Бордена.

Сердце колотилось в груди, я едва могла дышать. Это становилось намного страшнее, чем я могла ожидать. Даже мое тело начало трястись, когда реальность стала доходить до меня. Люди, которые убили близкого Бордену человека, теперь угрожали убить меня. Я не была готова к такому. Совсем нет.

— Я тоже думал, что да, — пробормотал Борден, его лицо потемнело. — Они были братьями. Среднесортная шпана из той части города, которую я только начал скупать. Для начала они решили применить силу против меня и хотели, чтобы я платил им половину своего дохода в месяц. Я отказался, как поступил бы любой здравомыслящий человек. В результате они похитили Кейт. Это был их чертов способ наказать меня за то, что я, якобы, их обдираю. Вскоре после ее убийства я выследил их и *вынудил признаться*. Я уничтожил каждого члена этой банды, пока, в конце концов, никого не осталось. Но этот текст послал кто-то, кто находился в курсе всего этого, кто-то, кого я даже не подозреваю. Я никогда ни одной душе не говорил о том сообщении, пока не пришло это. Ну как, сейчас все по-прежнему звучит, будто это дело рук какого-то дерьмового малолетки под кайфом?

Гектор нахмурился.

— Нет.

— Правильно. Итак, ты хочешь этот порт? Ты можешь его получить.

Байкер медленно кивнул в ответ, размышляя над словами Бордена.

— Хорошо, Борден. По поводу этого мы можем обсудить условия.

— Никаких обсуждений, — твердо возразил он. — Ты делаешь это, и можешь

использовать гребаный порт всякий раз, когда это будет угодно твоей дикой, никчемной душе.

Тишина.

Гектору потребовалось время для размышления. Его глаза были обращены на меня на протяжении всех долгих минут, пока он молча обдумывал условия Бордена. Чувствовалось его отвращение к тому, что он должен будет присматривать за мной, когда все станет совсем хреново. Я не могла понять, почему это должно было произойти. Неожиданное озлобление в его глазах заставило меня отвести взгляд. В спокойном состоянии он казался дружелюбным. Со злобным взглядом он был чертовски страшен.

— Хорошо, — услышала я его напряженный голос. — Но мы собираемся обсудить это, и я не хочу, чтобы *она* присутствовала в этой комнате, пока мы не закончим. Женщине здесь не место, Борден. Папаша меня учил, что на наших встречах не место клубным сучкам, и, независимо от того, что она значит для тебя, я не желаю нарушать свои правила.

Клубная сучка? Какая дебилка захочет называться *клубной сучкой* в окружении этих долбоебов?

Хотя на этот раз я не смотрела на него свирепо. Я действительно не против! Сделаю все, что угодно, лишь бы убраться отсюда и избавить свой мозг от слов, которыми они сейчас просто обменялись. От Бордена, почти признавшегося в убийстве людей, виновных в смерти Кейт.

Я вынудил их признаться. Так он сказал.

Боже, озноб, пронзивший меня, не проходил. Каждая косточка моего тела заоченела. Я сидела в комнате, полной убийц, и мужчина, с которым я делила постель, был самым жестоким среди них.

Дыши, дыши.

— Я, блядь, не обращаю внимания на этот намек о «клубной сучке», но только один раз. Я не выпущу ее отсюда, чтобы она оказалась среди твоих парней, — серьезно сказал Борден. — Она останется.

— Я могу позаботиться о себе, — прошептала я ему. Мое нетерпение становилось заметным. — Грэм будет со мной. Я буду в порядке.

Борден, не взглянув на меня — даже не осознав, что я сказала — повторил:

— Она останется.

Гектор выдохнул, качая головой в знак поражения.

— Я не обращаю на *это* внимания только ради того, что получу в конце, Борден. Но если она остается, то попадает в список людей, которые знают о «Военных баронах» то, о чем только догадываются остальные. Ты действительно хочешь ее имя в этом списке?

Борден вдруг склонился над столом, по его лицу разлилась знакомая ярость, которую я видела раньше.

Дерьмо. Дерьмо.

— Подойди и повтори угрозу ее жизни еще раз, — злобно прорычал он. — Ты сейчас в моем доме, сукин сын. Открой рот и расскажи мне о том списке, в который ее внесут, чтобы я мог перепрыгнуть через этот стол и воткнуть нож тебе в горло, а потом смотреть, как ты истекаешь кровью, словно тупая скотина. Сделай это. **Я, блядь, разрешаю тебе!**

Мое сердце подпрыгнуло к горлу, а желудок рухнул вниз. Я вытаращила глаза на Хоука и Грэма, но они спокойно стояли позади Гектора. Грэм только крепче сжимал пистолет, пристально наблюдая за движениями байкера. Хоук сохранял непроницаемый вид,

единственной подвижной его частью были глаза: он переводит взгляд с Бордена на Гектора и обратно. Я задумалась: если все пойдет далеко, кому он останется по-настоящему предан? Бордену или своему брату?

Я отчаянно надеялась, что до этого не дойдет.

Гектор наклонился, принимая ту же позу, что и Борден. Лицо его изменилось. Стало мрачнее, жестче. Они оба выглядели убийственно.

Очень быстро глаза Гектора блеснули в мою сторону, но я перехватила этот взгляд. Что-то скрывалось за этой темной радужной оболочкой. Что-то, внезапно заставившее сжаться мою грудь.

Наконец, он ответил напряженным голосом:

— Она останется.

Я выдохнула, только сейчас поняв, что не дышала, и Грэм тоже заметно расслабился. Борден кивнул и снова сел прямо.

— Хорошо, — сказал он. Его голос успокаивался, гнев сходил. — А теперь поговорим о деле.

Все напряжение исчезло в мгновение ока... за исключением моего внутреннего — оно только возросло.

Здесь, передо мной, они говорили о делах, и именно сейчас я поняла, что только что оказалась втянутой в особый мир, и Борден упорно работал, чтобы никогда не допускать меня туда.

Не знаю, что думать, и, честно говоря, я была слишком напугана для этого.

***

Они говорили больше часа. О деньгах, сроках, правилах работы порта, о клубном картеле, сбывающем наркотики, и обо всех гребаных незаконных вещах, существующих на свете. Я находилась в состоянии шока, желая отгородиться от их слов, уплывая в свои мысли. Но у меня не получалось этого сделать. Я слышала каждую деталь, о которой они говорили. Достаточно, чтобы узнать о совершенных Борденем нескольких скандальных сделках на стороне. Начиная с суживания денег для записи музыкальных хитов и далее, список продолжался бесконечно.

А еще он отмывал деньги. Я соединила все детали мозаики сама только потому, что Гектор пытался привлечь его к соглашению. Борден отказался, сказав, что деньги его не интересуют. Это неожиданно поразило меня. Он отмывал свои деньги, чтобы скрыть их кровавое происхождение. Это объясняло, почему он приехал сюда и начал так быстро все скупать. Единственная вещь, которая не обсуждалась — как Борден сделал первоначальный капитал, когда вернулся пять лет назад. Гектор либо уже знал, либо его это не волновало.

Видимо, чужие секреты уважались в криминальном мире. Ни с одной стороны не возникла жажда раскрыть их. Бордену не нужно было знать, зачем Гектору нужен порт. Никаких вопросов о том, что там будет происходить. Вроде как, чем меньше знаешь, тем лучше.

Потом речь пошла обо мне и моей защите. Все, что нужно было сделать Бордену — это

щелкнуть пальцами, и байкеры доставили бы меня в их клуб под строгой охраной. Борден ясно дал понять, что если до меня как-то дотронуться или кто-нибудь из «дикарей» обидит меня, он немедленно разрывает договор. Гектор согласился, хотя я могла бы сказать, что для него это было трудно. Да, потому что это было охуенно трудно — нянчиться со мной в их маленьком паскудном клубе и оставить при этом нетронутой, верно? Неважно, что у меня не было права голоса в этом вопросе, и что я с удовольствием не появлялась бы там вообще.

Отчасти, я действительно чувствовала себя куском собственности. В глазах байкера я была предметом, который будет помещен в нужное место в нужное время, и Борден не улучшал моего положения, относясь к этому точно так же. К тому времени, когда все было сказано и сделано, раздражение Гектора исчезло. Он заметно расслабился. Встал со стула и сказал:

— Теперь, когда со всем разобрались, как насчет того, чтобы отбросить это дерьмо и немного повеселиться?

— Валяй, — пренебрежительно сказал ему Борден. — Вы не сможете изгадить мой клуб больше, чем уже есть. Я побуду здесь...

— Ни хрена, — перебил Гектор, решительно качая головой. — Мы только что заключили сделку, решающую все проблемы. Теперь надо отпраздновать, и для этого люди хотят тебя видеть. Это исторический момент для нашего клуба. Ты не представляешь, в каком напряжении мы были. Ты, может, и злобный ублюдок, но как никто должен понимать, что тебе придется поддерживать хорошие деловые отношения, раз заказал нам эту работу.

Борден медленно выдохнул, в глазах показалась усталость.

— Ладно, сейчас.

Гектор удовлетворился, и только когда мы оказались одни за закрытой дверью, Борден сжал мою руку своей ладонью, чтобы я поняла, почему он стремился не выпускать меня из этого офиса.

***

В клубе было все перевернуто вверх дном. Это был ад в наивысшей степени. Байкеры были повсюду. Пили. Смеялись. Спорили. Лапали с десятков находившихся здесь полуголых женщин, выставляющих свою грудь, при этом непринужденно болтая друг с другом. Некоторым женщинам это действительно нравилось, и они улыбались такому вниманию, поощряя к более тесной связи. Другие даже не задумывались над этим, уставившись в пространство остекленевшими глазами, пока мужские руки облапывали каждую часть их тела.

Я далеко не ханжа. В процессе взросления я время от времени наблюдала подобные вещи, но просто пожимала плечами. Я была совершенно невосприимчива к этому. Никогда не реагировала, никогда особо не заботилась, потому что подростки чересчур всему сопротивляются — я в том числе. Так что, я действительно не должна была сильно удивляться такому, но, так или иначе, мое тело напряглось. Все это выглядело пошло и мерзко. Я поймала на себе самодовольный взгляд Гектора, заметившего мою реакцию. Я

отвернулась, что, казалось, только доставило удовольствие его эго, ведь, кроме как полностью отвернуться, здесь ничего нельзя было сделать. В данный момент это оказалось наиболее правильным решением — полностью игнорировать его сексистскую задницу.

Я почувствовала, как волна гнева накрыла Бордена, и его рука сильнее сжала мою. Он прорычал приказы Грэму, и тут же мужчина встал по другую сторону от меня, зажимая между ними. Я нашла это немного парадоксальным: Борден защищает меня от байкеров, на чью помощь в моей защите он рассчитывает, если возникнет такая необходимость. Я почти захотела сказать что-то по этому поводу.

— Когда они пьяны, то не очень управляемы, — внезапно сказал Грэм. — Но они очень дружелюбны, когда ты на их стороне.

Он был прав. В ту секунду, когда Гектор объявил им, что сделка состоялась, люди стали гораздо проще. Никто из них не обращал на меня никакого внимания, пока приветствовали Бордена, при этом хорошо контролируя свое поведение. Я почувствовала, как мое тело облегченно расслабилось. Но хватка Бордена на моей руке не ослабевала. Он выглядел сильно напряженным: челюсти сжаты, взгляд тяжелый. Думаю, его действительно осенило понимание того, что он только что сделал.

Он выглядел, как мужчина, только что продавший душу дьяволу.

И было такое чувство, что во всем этом была виновата я.

Эмма

Труп.

Это я сейчас.

Просто... труп.

После недолгого круга почета с Борденом, я с благодарностью сбежала из клуба. Обратная поездка проходила в полной тишине. Я не смотрела на него, пока Грэм вез нас домой, но ощущала на себе его прожигающий взгляд. Понимала, что если бы встретила с ним глазами, то ощутила бы привычное пульсирующее желание, но сейчас подобное чувство было бы неуместным.

Я боялась его, и, в то же самое время, нуждалась в нем до боли в сердце. Это внутреннее разногласие возникало в основном потому, что я понимала, какой ошибкой было питать к нему чувства. Сегодня впервые я заглянула за кулисы его... деятельности. Он позволил мне — просто так — и это было настолько целенаправленно, что я должна была задуматься, каковы были его мотивы.

В лифте мы ехали молча. Он держал руки в карманах, все еще изучая меня краем глаза. Мужчина чувствовал мое состояние и держал дистанцию. Я была благодарна за это.

Наконец, мы добрались до квартиры. Она роскошна. Борден владел современным пентхаусом площадью в пятьдесят две сотни квадратных метров, с окнами от пола до потолка, полудюжиной спален и кухней, от невероятной элегантности которой у меня поначалу перехватывало дыхание — очень гармоничная, в стиле Инь-Янь, со светлыми мраморными столешницами и высокими темными шкафами. Утром мы обычно сидели на барных стульях возле кухонного островка и общались, пока я готовила свой «дикий» кофе. Затем мы перемещались в гостиную — другую комнату в теплой цветовой гамме, но все же достаточно консервативную. Я пыталась чувствовать себя здесь, как дома, и на некоторое время, когда мы были вместе, это срабатывало, но, войдя сюда сейчас, я просто почувствовала желание убраться отсюда подальше.

Это не было похоже на мою маленькую квартирку, в которой хватало пятидесяти шагов, чтобы пройти от угла до угла. В ванной не было моего душа с треснувшей лейкой, которая выбрасывала струи воды только из половины отверстий, и мне приходилось целую вечность жаться в одном углу, только чтобы намочить волосы. Здесь я не слышала по ночам звуков полицейских сирен или уличных драк по выходным, или скрипа тормозов на автобусной остановке, нарушавшего мой сон в пять утра.

Моя жизнь кардинально изменилась, но по-настоящему я осознала это только сегодня.

Он сказал что-то о том, что ему нужно сделать телефонный звонок, прежде чем исчезнуть в одной из комнат. Не снимая пиджака и даже туфель, я подошла к большим окнам. Взглянула на звезды в ночном небе, почти полностью скрытые облаками, а затем на реку, мерцающую в лунном свете.

Дрожь охватила меня, как только я попыталась представить себе обнаженное тело в воде. В сотый раз, находясь здесь, в моей голове крутилась одна и та же мысль.

Почему его квартира с видом на реку, в которой нашли мертвую Кейт?

Сначала это было шоком для меня, а сейчас просто любопытством. Думал ли он о ней всякий раз, когда смотрел в окно? И сколько раз я была свидетельницей этого?

Десятки. Я сама себе ответила. Десятки раз.

Я нахмурилась и покачала головой. Я устала. Утром снова все будет нормально. Мои мысли перескакивали с одной на другую. Психоз, вызванный разговором в офисе, пожирал меня изнутри.

Маркус Борден был плохим человеком, но я уже знала это. Я смирилась с этим. Просто не ожидала того, что услышу.

— Что с тобой, куколка?

Его голос испугал меня. Я обернулась и обнаружила его стоящим в метре от меня. Он коротко взглянул за мое плечо, а потом снова на меня. Несколько долгих мгновений мы смотрели друг на друга. Затем он приподнял брови, ожидая моего ответа.

— Ты уже знаешь, — наконец, пробормотала я.

Он никак не отреагировал, даже не вздрогнул.

— Что у тебя на уме? — спокойно спросил он. — Выскажи это.

Я повержено вздохнула.

— Почему ты заставил меня слушать все это?

— А ты бы предпочла, чтобы я держал тебя в неведении?

Собралась было сказать «да», но потом засомневалась. Я даже сама не была уверена в своем ответе, потому что, конечно, мне хотелось бы знать, а еще... мне не понравилось то, что я почувствовала, узнав все.

Снова полный пиздец.

— Теперь ты рядом со мной, Эмма, — сказал он затем, ища взглядом мои глаза. — Ты должна знать, с кем ты.

— А что, если мне не нравится то, с кем я? — не подумав, ляпнула я.

Борден замер, вспышка боли исказила его лицо, а затем он снова спрятал свои эмоции. Увидев это, мне сразу же захотелось взять свои слова обратно и прогнать эту боль поцелуем.

— Борден...

— Ты сказала, что знаешь, что делаешь, когда захотела этого, — отрезал он.

— Это было до того, как ты признался в убийстве тех людей!

Он усмехнулся на мои слова.

— Не будь наивной и не ври сама себе. Черт возьми, ты всегда знала, Эмма, и в глубине души это тебя никогда не беспокоило. Это было правосудие...

— Больше похоже на месть.

— Иногда это одно и то же, — он сделал шаг, твердо глядя на меня. — Знаешь, ты поступила бы так же. Если бы у тебя раньше времени, без причины, жестоко отняли любимого человека, ты бы выплеснула всю свою разрушительную силу на виновных в этом ублюдков. Не обманывай себя. Мсть и правосудие работают рука об руку, когда ты этого хочешь. Эти убки не заслуживали права дышать, и теперь, когда их нет, на улицах стало лучше. Это справедливое восстановление мирового баланса. Лучше того правосудия, которое отправило бы их сидеть в тюремную камеру с трехразовым питанием и кроватью, в которой можно спать по ночам. Я же лично засадил пулю в череп каждому, предварительно отметелив их кулаками. Тогда я попробовал месть на вкус и ни на долю секунды не хочу ничего возвращать обратно. Я бы снова сделал это, и я сделаю, когда найду людей, ответственных за угрозы жизни кого-то, кого считаю своей... независимо от того, что этому

кому-то я не нравлюсь.

Чувство вины затопило мою грудь.

— Борден, — с раскаянием начала я, — я не это имела в виду.

— Нет, — сказал он, качая головой. — Знаю, что нет. Я понимаю. Ты боишься меня. Боишься того, на что я способен, но ты не должна. Я не способен причинить тебе вред. Я столько всего чувствую рядом с тобой. Простая мысль о том, что кто-то незаслуженно тронет тебя хоть пальцем, скручивает болью все у меня внутри. Ты не должна меня бояться. Последний человек на этой земле, кого ты должна бояться — это я. Ты выпотрошила меня. Блядь, ты вывернула меня наизнанку, Эмма. Никогда мои руки не причинят тебе никакого вреда. Я просто не смогу.

От его слов я глубоко вздохнула. Я верила ему. В душе я всегда знала, что он никогда не навредит мне.

— В душе я понимаю, но... услышанное сегодня потрясло меня, Маркус.

Он ненадолго прикрыл глаза, когда я произнесла его имя. Он любил, когда я это делала, ведь я нечасто произносила его.

— Ты мог бы все рассказать мне, не заставляя находиться там, — добавила я.

— Нет, — возразил он. — Я хотел, чтобы ты стала свидетелем этого.

— Почему?

— Чтобы имела представление о том, чем я занимаюсь. Теперь ты часть моего мира, куколка, и я тебя не отпущу. Запомни, я — замок, и я заперт чертовски крепко. Мне нужно, чтобы ты знала об угрозах, чтобы понимала, насколько опасно может быть рядом со мной. Но так же и то, что я отправлюсь на край этого гребаного света, чтобы быть уверенным, что с тобой ничего не случится. И, помяни мое слово, Эмма, с тобой никогда ничего не случится.

Мое сердце сжалось в груди. Я не могу отрицать — он сделал бы это ради меня. Но...

— Ты сделал то, чего не хотел, — прошептала я, смахивая с глаз слезы. — Ты не хотел иметь дело с этими байкерами. Ты не должен был этого делать, Борден. Действительно не должен.

Он нахмурился и еще больше приблизился ко мне. Я даже не понимала, насколько близко он ко мне находился, пока не оказался полностью передо мной. Наши тела почти соприкасались.

Глядя сверху на меня, он объяснил:

— Чем больше людей на моей стороне, тем лучше я смогу защитить тебя. Все меняется, когда тебе есть, что терять. Ты права, я не хочу отдавать им порт, но мое отношение к тебе перевешивает это. Неужели ты этого не видишь?

Я кивнула.

— Да, теперь я это вижу, но...

— Но что?

— Думаю, мне нужно было услышать это. Что ты заботишься обо мне.

Что ты любишь меня.

Прижав меня к своей груди, он обхватил мои щеки ладонями, передвигая большой палец вдоль контура моего лица к моим длинным волосам. Он расчесывал их, и глаза его были прикованы к длинным прядям, скользящим между его пальцами. Его тепло обволакивало, успокаивая мои страхи. Я утонула в нем, прижавшись лицом к его груди, и он обнял меня.

— Это нелегко для меня, — прошептал он мне в ухо, его пальцы пробежали вниз вдоль

моего позвоночника, оставляя за собой покаяние. — Раньше я никогда не был в настоящих отношениях. Я пытаюсь, и, несмотря на все, что ты слышала, я все тот же мудака, который преследовал тебя, заставил на себя работать, испугал того педика, который прихватил в бумажнике упаковку для своего хера, словно у него были с тобой какие-то шансы. Я сделал это, пытаюсь вернуть на место свой мозг, погрязший в непонятной для меня зависимости от тебя.

Зависимость. Я зависима от него так же, как и он от меня. Чертовски приятно слышать это.

— Не забудь про то, что ты сделал Джоэлу, — пробормотала я.

— Он ужинал с женщиной, которую я хотел, и имел нездоровые намерения, от которых тебя стошнило бы прямо на месте. Маленький придурок получил по заслугам.

Я не хотела смеяться, но ничего не могла с этим поделать и затряслась в его объятиях, прилагая все усилия, чтобы максимально заглушить звук. Отстранившись, я посмотрела на него и увидела веселье в его глазах, а еще нежность, к которой я постепенно начала привыкать. Словно по щелчку переключателя, я почувствовала себя лучше. То, как быстро он мог менять мое настроение, должно было выбивать меня из колеи, но я была благодарна ему за эту способность. Значит, он больше не пугал меня. Во всяком случае, не в этот момент. Мое сердце не волновало, что он сделал. Оно было слишком занято, получая максимум наслаждения с этим мужчиной. И, возможно, это ошибка, но мои чувства в эти дни не делились на правильные и неправильные.

Он склонил голову в мою сторону и поцеловал меня. Это был еще один мягкий, заставляющий таять сердце поцелуй, сделавший мое тело пьяным от желания. Его язык устремился вперед, томно переплетаясь с моим. Борден крал мое дыхание, высасывая его из меня и втягивая его в свои легкие, углубляя поцелуй с каждой секундой. А потом отстранился. Его грудь часто поднималась и опускалась, когда он посмотрел мне в глаза этим взглядом.

— Пойдем, — прошептал он, взяв меня за руку. — Пойдем в постель.

После событий сегодняшнего вечера мое тело, наконец, начинало расслабляться, пока он вел меня в спальню, держа мою руку в своей. Как только мы оказались в темной комнате, он отпустил руку и повернулся ко мне. Я различала только его огромный силуэт напротив, одним своим зловещим присутствием устанавливающий господство в комнате, пока его глаза наблюдали за мной.

— Подними руки вверх, — тихо потребовал Борден.

Я сделала, как мне было сказано, и он придвинулся ближе. Поцеловав меня в кончик носа, мужчина аккуратно снял с меня топ и позволил ему упасть к нашим ногам. Я почувствовала его пальцы, прослеживающие выпуклость моей груди, и, когда он добрался до середины, то запустил два пальца в мой лифчик и вытащил спрятанный там складной нож. В темноте я увидела его дьявольскую ухмылку, и он пробормотал:

— Это моя девочка, — после чего бросил нож на рядом стоящий туалетный столик.

Борден расстегнул мой лифчик, даря еще один быстрый поцелуй — на этот раз в уголок рта — после чего тоже кинул его вниз. Маркус не обхватил мою грудь, не коснулся сексуально. Он просто нагнулся и начал стягивать с меня джинсы. Я наблюдала за ним с легкой любопытной улыбкой.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Раздеваю свою женщину, — ответил он, приступая к моему нижнему белью. — А на

что еще это похоже?

Его руки деликатно прошлись по моим ногам, спуская трусики до лодыжек. Я почувствовала его горячее дыхание на внутренней стороне моих бедер, и на мгновение он задержался взглядом на моей киске. Я ждала, что он что-нибудь сделает: например, похоронит между моих ног свое лицо с этим горячим влажным ртом, схватит меня за бедра, или... хоть что-нибудь! Вместо этого он отстранился и выпрямился, оставив меня полностью обнаженной и... немного разочарованной.

Затем мужчина начал снимать свою одежду, и вид его голого торса, всех этих татуировок на загорелой коже никогда мне не надоест. Его пресс напрягся, когда он бросил свитер в корзину в ванной комнате, и даже в темноте я смогла разглядеть дорожку волос, спускающуюся вниз, в его джинсы. Вот сейчас бы приказать ему сделать мне что-нибудь: например, нагнуться или встать на колени. Впрочем, он ничего не делал. Начав расстегивать джинсы, Борден поймал мой недоуменный взгляд и улыбнулся.

— Я делаю это не для секса, куколка, — сказал он. — Твоя тугая маленькая киска нуждается в отдыхе как минимум на ближайшие десять часов.

— Это не тебе решать, — тьфу, прозвучало так, будто я действительно дуюсь.

— Когда я безответственно долбился в тебя в душе, ты морщилась, потому что чувствовала боль.

— Мне нравится боль.

Он хмыкнул.

— Несмотря на то, что это чертовски возбуждает, я раздел нас все-таки не для секса.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Просто мне нравится ощущение, когда моя кожа прижимается к твоей.

Мое сердце пропустило удар. Я изучала его в наступившей тишине. Он издевался? Я ожидала чего-то еще, но ничего не последовало. Маркус был совершенно серьезен, и, к сожалению, одно это заставило меня еще больше хотеть быть растерзанной им.

В комнате специально было прохладно — так, как он любил. Он довел меня до кровати, и я свернулась калачиком под одеялом, прижавшись спиной к его груди. Его тепло проникло в меня до костей, и я расслабилась на самом удобном матрасе, известном человечеству, прижавшись к теплой стене в виде этого мужчины.

Это ощущалось таким правильным.

Он обнимал меня, наши пальцы переплелись. Какое-то время существовало только это: тишина, тепло, тихое дыхание. Это казалось почти преступным: быть в одной постели с обнаженным Борденом и не помогать ему, но близость без его сильных прикосновений мне тоже нравилась.

— Мне действительно не понравился тот байкер, — наконец, пробормотала я. — Не уверена, что ты должен доверять ему.

— Чем Гектор вызвал у тебя такую неприязнь? Тем фактом, что он мудака, или тем, что у него хватило ума оставить тебя в покое, несмотря на то, что ты сама вела себя, как мудака?

Я застыла. Как он узнал? В офисе он ни разу не обратил на меня внимания с момента появления там этого байкера.

— Я могу читать тебя лучше, чем ты думаешь, Эмма, — сказал он, забавляясь.

— Ты даже не смотрел на меня.

— Мне это и не нужно.

— Ну, в любом случае, он все равно кусок дерьма, и ты не должен доверять ему.

— Я не доверяю просто так, но, когда все сказано и сделано, Гектор — человек слова.

— Это потому, что он брат Хоука?

Я почувствовала, как Борден покачал головой.

— Нет, отчасти, это потому, что я видел, на что он пошел для защиты своего брата.

— Например?

Борден хмыкнул.

— Некоторые секреты принадлежат не мне, чтобы о них рассказывать.

— Ну же, я никому не расскажу.

— Ты думаешь, это со мной сработает? Трахаясь со мной, ты забыла, кто я?

— Скажи мне. Я обещаю держать рот на замке.

— И что я получу взамен?

Я прикусила губу, обдумывая этот вопрос, прежде чем ответить.

— Ты получишь меня. Я буду ползать для тебя на четвереньках. Сосать тебя, когда ты этого захочешь. Ты сможешь таскать меня за волосы, шлепать по заднице, делать со мной невероятно грязные вещи, а я буду раздирать ногтями твой скальп, пока ты будешь меня трахать.

Он издал глубокий горловой стон от моего ответа, а потом я ощутила его губы на своем ухе, и зубы, прикусывающие мочку. Я вздрогнула от неожиданности, прежде чем растаять. Маркус проложил влажный след от мочки уха вниз к моему плечу, а потом снова вверх, остановившись на моем горле. Легко всосал кожу, и мое дыхание участилось, а каждая уставшая часть ожила от возбуждения. Все это время его пальцы были переплетены с моими, нежно сжимая их, пока он пытал меня своим языком.

Наконец, отстранившись, он пробормотал:

— Боюсь, что все же не смогу сделать всего этого, детка. Это не пройдет.

Я лениво улыбнулась, каждая часть меня покраснела, когда я, затаив дыхание, ответила:

— Справедливо.

Развернувшись в его объятиях, разглядывала его в темноте. Полные губы были приподняты в довольной улыбке, и несколько мгновений я очерчивала пальцем его профиль, удивляясь такой красоте. Он любил мои прикосновения и, коротко моргнув, закрыл глаза, наслаждаясь этим, как человек, лишенный всю жизнь любви. И я напомнила себе, что так оно и было. По большей части его жизнь была дерьмовой.

Я очертила его профиль в последний раз, а затем провела пальцем вниз по его шее и томными кругами обвела мышцы груди. Под моими прикосновениями они ощущались твердыми, как мрамор. Я продолжила свое ленивое путешествие, пробежав пальцами по неровностям его пресса, и он улыбнулся только тогда, когда я добралась до его «дорожки удовольствия».

— Ты уже добралась до пункта назначения? — тихо спросил он.

— Почти, — чуть слышно ответила я.

Неотрывно глядя ему в глаза, я двигалась вниз, прямо к его длине. И не удивилась, обнаружив его твердым, но была определенно удивлена резким вздохом, вырвавшимся у него, когда обернула вокруг него свою ладонь. Он был необычайно возбужден, словно наши объятия завели его больше, чем все остальные прелюдии, которые у нас были, вместе взятые. Это было горячо.

Мое тело немедленно отреагировало. Я чувствовала возбуждение, ощущала, как набухли мои груди и воспалилось тело. Я хотела целовать его везде. Хотела, чтобы мой язык

вращался вокруг головки его члена. Хотела поглощать его божественное тело любимыми возможными способами. Я двинулась вдоль этого тела вниз, чтобы попробовать его, и в это время он резко потянул меня обратно на матрас.

— Нет, — сказал он, задыхаясь, перемещая свое тело на меня. — Сегодня я хочу твой рот напротив моего.

Он поймал мои губы своими, и мы жадно целовались. Я чувствовала его длину, прижатую к моему бедру, и его руку между моих ног. Пальцем он дразняще прошелся вдоль моих складочек, и я задрожала под ним, тихо постанывая от вспышек удовольствия, вызванных его прикосновениями. Поцелуи становились более влажными, более горячими, соединяя наши губы и языки, в то время как мое тело гудело, нуждаясь и требуя, чтобы он заполнил меня. Борден трахал меня своим ртом, кажется, целую вечность, заставляя дрожать от желания под ним, прежде чем, наконец, накрыл меня своим телом.

— Ты действительно готова для меня, куколка? — я чувствовала его тяжелое дыхание возле моего рта, его головку, касающуюся моего входа. — Потому что это будет глубоко и медленно, и, думаю, займет некоторый промежуток времени.

Я опустила руки на его бедра, подгоняя его, и поцеловала в ответ.

— Да, да, черт, да.

— Раздвинь ноги шире, — приказал он мне, в его голосе появилась настойчивость. — Да, вот так.

Я крепко сжала его, когда он толкнулся в меня. Застыла в эйфории, широко открыв рот. Первый толчок всегда был таким. Он заполнял меня медленно, не торопясь, проталкивая себе путь, его пирсинг терся обо все нужные места.

— Хорошо? — спросил он.

— Великолепно.

После того как несколько мгновений спустя мои стенки обхватили его массивную длину, он начал двигаться, ударяясь в эту сладкую точку внутри меня. Я была окутана им. Его запахом, его губами, горячим дыханием и теплыми руками. Когда он застонал, этот звук, словно запустил механизм болезненной жажды внутри меня, приближая оргазм.

Его губы стали жаркими, он скользнул рукой под меня, обхватив мою задницу. Маркус ускорил движения, вколачиваясь в меня мощными жесткими толчками. Его член был впечатляюще твердым. Внутри меня не было места, не заполненного им. Его тело перестало поддаваться контролю. Лицо Бордена стало блестящим от пота, а рука, лежащая возле моей головы, напряглась от его движений. Жаркое покалывание пронеслось сквозь меня, закручиваясь внутри спиралью. Я уперлась пятками в матрас, чувствуя, как меня накрывает волна удовольствия. Переместив руки на его задницу, и я впились в нее пальцами, жадно прижимая его к себе еще ближе. Он перестал двигаться, позволяя мне насладиться ощущениями. Мои предплечья болели от того, насколько крепко я его к себе прижимала.

— Блядь, — простонал он, — с тобой всегда, словно в первый раз, Эмма.

Слова звучали отдаленно. Кровь стучала у меня в ушах, и на мгновение я отключилась. Умерла. Совсем покинула телесную оболочку. А потом, когда ощущения схлынули, я снова сфокусировалась на нем и, слегка высунув язык, облизала его губы.

— Господи, женщина, — прошептал он, облизнув в ответ мой язык.

Отодвинувшись, Маркус схватил меня за бедра и сел. Взглянул на меня сверху вниз — в его глазах была неприкрытая похоть — и продолжил двигаться во мне. В темноте я могла видеть его плотно сжатые губы и волосы, прилипшие ко лбу. И когда он приблизился к

собственному освобождению, его удары превратились в животные. Мужчина трахал меня быстро и жестко, стонал, кончая, но ни разу не остановился. Он двигался и двигался, создавая для меня еще один сотрясающий землю оргазм. Я издала удивленный стон от внезапно нахлынувшей волны трепета, а он все еще двигался, трахая меня, пока не обмяк и не рухнул сверху. Его сердце бешено колотилось над моим, а грудь сотрясалась жуткой дрожью.

— Твою мать, — простонал он. — С тобой это ощущается потрясающе. Я не хочу останавливаться.

Обхватив его руками, я пригладила влажные пряди волос. Его борода щекотала мою шею, пока он лежал на мне, полностью опустошенный. Он замурлыкал от удовольствия, когда пальцами я начала круговыми движениями грубо массировать кожу его головы, предлагая ему эту боль, но и, на этот раз, иное удовольствие.

Я никогда не спрашивала о его мазохистском поведении. Подозреваю, что это как-то связано с его воспитанием. Я не психолог, но знаю, что многие люди ведут себя так, получив подобный пример в детстве. Тем не менее, я была крайне заинтригована.

Когда, наконец, он сдвинулся с меня, мы повернулись лицом друг к другу. Борден заглянул мне в глаза, на его лице появилась улыбка.

— В твоих глазах любопытство, — тихо заметил он. — Чего на этот раз от тебя ожидать?

— Могу я спросить тебя кое о чем личном?

— Ты можешь спросить меня, о чем хочешь.

— Ты продолжаешь общаться со своей семьей?

Он помолчал, а затем ответил:

— Нет.

— Вообще никак?

— Нет, — его голос стал тише, когда он повторил.

— Но они знают, что с тобой происходит, не так ли? Они пытались связаться с тобой?

— Мой отец сделал это, спустя примерно год после моего возвращения. Кейт уже давно не стало, но город все еще лихорадило от последствий. Он пришел в мой клуб, я пригласил его в кабинет, но он даже не поинтересовался, где я был. Ему не хотелось знать ни о чем. Он просто хотел от меня денег. Сказал, что мать больна, и что теперь, раз я стал обеспеченным, должен им помогать. Это был первый раз, когда я вновь увидел его. Сначала я был в шоке, и где-то в глубине души частично ощущал это остаточное чувство... потребности. Я хотел семью; хотел, чтобы мама вернулась, несмотря на то, что забыла обо мне; хотел взаимоотношений с мужчиной, который должен был стать моим примером в жизни; и я почти сломался. *Почти.*

Маркус замолчал, а я терпеливо ждала большего. Все время, пока он говорил, я почти не дышала, в основном потому, что не могла поверить в это — он впустил меня.

Борден выдохнул, на его лице отразились сомнение и горечь.

— Но потом я вспомнил, что сделал со мной этот больной уебок. Вышвырнул меня, словно кусок мусора, сказав, что я неудачник и из меня ничего никогда не выйдет. И он надеялся, что я, в конечном итоге, сдохну, потому что это будет лучше, чем заботиться о каком-то ебанутом ребенке, который не сможет ничего достичь в своей конченной дерьмовой жизни. Когда мы виделись в последний раз, он изрядно разукрасил синяками мое лицо. Вспомнив это, я почувствовал, что меня наполняет злость, и, взглянув ему в глаза,

велел убираться к чертям. Я сказал ему, что хотел бы, чтобы он и моя мать сгнили в земле задолго до того, как сделали это со мной — так ему некого было бы избивать, кроме себя самого. Так все закончилось. Больше я никогда его не видел. Сейчас он либо жив и окончательно спился, либо уже в могиле. В любом случае, мне плевать.

Какое-то время я не отвечала. Не могла сказать ничего утешительного. Он поступил правильно, порвав отношения с ними. Иногда я задаюсь вопросом: как бы я поступила, если бы моя мать не свела счеты с жизнью, а, отсидев срок, вышла из тюрьмы и разыскала бы меня. Приняла бы я ее обратно?

Иногда я вспоминала те немногие эпизоды, когда она вела себя по-человечески и была добра ко мне, не находясь в алкогольном угаре. Я бы сказала «да». В другие дни я вспоминала то чувство заброшенности, и как мне было больно, когда она решила, что мужчина важнее ее собственного ребенка. И тогда я сказала бы «нет». Когда доходило дело до выбора, то однозначного ответа не было. Все зависело от состояния, в котором я бы находилась.

— Я счастлива, — просто прошептала я, придвигаясь к нему для легкого поцелуя. Запечатлела один на его губах, а повернулась и потом прижалась к нему спиной. Борден принял меня, заключая в свои крепкие объятия. Мы оба вздохнули, наши сердца бились друг напротив друга.

Мое место здесь. В объятиях мужчины, о котором мне предстоит еще многое узнать.

Что с тобой произошло? Кем ты был до возвращения сюда?

Я хотела спросить, и в моем полусонном состоянии даже не была уверена: действительно ли я просто подумала об этом или произнесла вслух. Поскольку он молчал, я решила, что ничего не сказала. Ну, и слава Богу.

Пальцами он перебирал мои волосы, когда я, наконец, заснула. И прежде чем провалиться в содержание сна, я услышала его шепот около моего уха:

— Я был контрабандистом.

Эмма

Почти месяц прошел без каких-либо признаков угроз, поэтому байкеры не появлялись. По большей части, все было нормально. Борден стал более спокойным, хотя Грэм и парочка его людей по-прежнему присматривали за мной, когда я выходила одна по своим делам.

Было утро, и мы с Борденом сидели в офисе. Он говорил по телефону, когда мне пришло сообщение. Схватив телефон, я прочла текст.

Блайт: *Привет, не хочешь перекусить?*

Я нахмурилась. Это было странно. В последнее время Блайт не контактировала со мной. Я пыталась ей дозвониться и отправила с десятков сообщений, спрашивая, как у нее дела. Она ни разу не ответила мне. В какой-то момент я решила позвонить Тессе, чтобы выяснить, что происходит. Тесса толком ничего не объяснила, только сказала, что Блайт ведет себя странно, в чем я сейчас и убедилась.

Я таращилась на сообщение, снова и снова прокручивая его в голове. Нереально неделями просто игнорировать подругу, а потом ни с того ни с сего прислать сообщение с просьбой о встрече. По крайней мере, со мной такого раньше не случалось. Несмотря на это, я не стала томить ее ожиданием и написала ответ.

Я: *Привет, конечно. Куда хочешь пойти?*

От нее пришло название кафе, где мы обычно ели.

Я: *Я буду там.*

Спустя несколько секунд мой телефон снова прожужжал.

Блайт: *Отлично! С нетерпением жду встречи =)*

Я положила телефон на стол экраном вниз, но некоторое время продолжала смотреть на него, пытаясь понять ее мотивы.

— Что там, куколка? — спросил Борден, закончив телефонный разговор. — У тебя странный хмурый взгляд.

— Блайт хочет пообедать со мной, — задумчиво ответила я.

— Аллилуйя. Отсутствующая подруга внезапно ведет себя так, будто не игнорировала тебя в течение нескольких недель.

Я слегка пожала плечами.

— Я не могу просто так отказать. Может быть, у нее что-то случилось.

— Да, а, может быть, она просто дерьмовая подруга.

— Нет. Я не уверена.

Уголки его губ взметнулись вверх.

— Иногда ты охуенно милая, Эмма.

Я взглянула на него.

— Значит, мы идеально дополняем друг друга, потому что иногда ты такой мудака.

— Да?

— Полный мудака.

— Прямо сейчас ты делаешь мой член твердым.

Он оглядел меня. Взгляд этих голубых глаз постепенно теплел, когда, словно касаясь, прошелся по моей облегающей юбке и рубашке.

— Нет, — цыкнула я, тыча ручкой ему в лицо. — *Не* смотри на меня так.

— Я же не прикасаюсь к тебе, — возразил он. — Я просто смотрю на тебя.

— Ты смотришь таким взглядом, что я *ощущаю* прикосновения. Мне нужно работать. Ты не можешь больше просто трахать меня посередине рабочего дня. Всему должны быть пределы. Когда ты трахаешь меня на работе, я чувствую себя оплачиваемой проституткой.

— Успокойся, сумасшедшая. Как уже было сказано, прямо сейчас я не прикажусь к тебе. Просто люблю свой товаром.

Я чуть не закашлялась от его слов.

— Твоим товаром? Тебе не кажется, что ты слишком много времени проводишь с Хоуком?

— Почему?

— Это абсолютный сексизм, Борден!

Он ухмыльнулся и, откинувшись в кресле, продолжил пожирать глазами мою грудь.

— Не включай феминистку передо мной, детка. Тебе нравится, что я пользуюсь тобой.

Признай это.

— Нет, — соврала я, поворачиваясь к своему компьютеру. — Мне не нравится.

— Чушь. Тебе очень нравится, когда я говорю в твой адрес грязные словечки. Например, как я хочу, чтобы прямо сейчас ты оказалась у меня на коленях. Хочу, чтобы твоя сладкая маленькая задница объезжала меня...

— Борден! — зашипела я. — Прекрати!

Я услышала, как он рассмеялся надо мной, и, вскипев, швырнула ему в лицо ручку. К моему ужасу, он поймал ее. Я выругалась себе под нос и вернулась к «работе», которая заключалась в разглядывании экрана и раздумьях, что еще он выкинет и как вернуть свою ручку обратно, потому что другой на моем столе не было (это был не первый раз, когда я кинула в него ручкой).

— Иди сюда, — наконец, после нескольких минут молчания сказал он.

— Нет, — упрямо и высокомерно ответила я.

— Я хочу коснуться тебя сейчас же.

— Нет.

— Иди сюда, куколка.

Я притворилась, что не слышу его.

— Не игнорируй меня, Эмма.

— Я не собираюсь приближаться к тебе, Борден. Это закончится твоим языком у меня во рту и твоим членом во мне.

— Другими словами, я трахну тебя, и тебе это понравится.

— Мне больше нравится работать.

— Работа не предоставит тебе двадцатисантиметровый член в твою киску.

Я ахнула.

— Борден! Хватит.

Он ухмыльнулся.

— Я просто хочу прикоснуться к тебе.

Я ехидно рассмеялась.

— Конечно, хочешь.

— Обещаю, что не буду трахать тебя, — сказал он. — Иди сюда.

С побежденным вздохом я встала и подошла к нему. Черные рукава его рубашки были подкатаны, открывая взору татуировки. Блядь, этот парень так горяч с обнаженными руками. Такой танк. Как только я приблизилась, он обвил свои сильные руки вокруг моей талии и прижал меня к краю стола.

— Садись, — тихо сказал он мне.

Я села на край стола, а он поднялся. Опустил руки по обе стороны от меня, словно заключив в клетку, и склонился ко мне. Его лицо было в сантиметре от моего. Он ухмыльнулся над моим настороженным выражением лица, а я боролась с тем, чтобы не попасть под влияние этих ярких голубых глаз. Глубокого голубого цвета. Темные, но, в то же время, яркие.

— Только взгляните на эти напряженные плечи, — пробормотал он. — Я тебя взбесил?

— Да, — ответила я.

— Насколько сильно?

— Очень сильно.

— Попроси меня поцелуем избавить тебя от гнева.

Я колебалась. Этот парень всегда настойчиво вытрясал из меня все дерьмо.

— Давай, куколка, — надавил он. — Попроси меня поцелуем избавить тебя от гнева.

Я облизала губы, и его взгляд опустился на мой рот. Требовательный взгляд из-под полуопущенных век был прикован ко мне. Я сознательно выждала несколько минут, пока в его лице не мелькнуло что-то темное. Он ненавидел ждать, а я обожала его провоцировать. Мы составляли идеальную пару.

— Избавь меня от гнева поцелуем, — сказала я, уже чувствуя, как живот напрягся, а сердце подпрыгнуло.

Этот темный взгляд не исчез, когда он приблизился ко мне. Борден поцеловал, и его губы двигались напротив моих с обманчивой мягкостью. Я намеренно держала губы сжатыми, опасаясь его языка, потому что этот язык практически разрушал меня. Мне нужно было сосредоточиться...

Его язык облизал мою нижнюю губу, и я повисла на нем, тотчас же открыв рот. Я впустила его, теряясь в этом вкусе. Он чертовски хорошо целовался — тут я была бессильна. Нельзя винить меня за это. Я обернула вокруг его шеи руку и углубила поцелуй, чувствуя жар его тела, достигающий пальчиков моих ног. Его язык бесцеремонно проник мне в рот, лаская и наполняя своим вкусом. Движения его языка вызывали возбуждающее покалывание внизу живота и между ног. Я жаждала большего, чем просто поцелуй. Я больше не злилась. И я больше не что иное, как трепещущий комок желания, которое только он мог удовлетворить. Я скользнула ладонями по его спине к бедрам, пытаюсь притянуть его к себе. Наверное, он мог замучить меня до оргазма, не прибегая к помощи члена.

Внезапно он отстранился. Его грудь быстро вздымалась и опадала.

— Задери юбку, — задыхаясь, тихо сказал он. Не медля, я схватилась за подол юбки и задрала ее на бедра, открывая его взору тонкие белые трусики. — Раздвинь ноги.

Я сделала это для него, не отводя взгляда от его лица. Мне было все равно, как я выгляжу. Раскрасневшаяся, возбужденная, все во мне было готово отдаваться его приказам, потому что эти гребаные приказы сейчас были нужны мне, как следующий вдох. Я не знала, что он собирался сделать, и, затаив дыхание, ждала, чтобы он расстегнул брюки и трахнул меня. Вместо этого он опустил на свой стул и уставился мне между ног.

От вида его языка, облизнувшего нижнюю губу, мое сердцебиение ускорилося. Тянулись секунды длиной в вечность, но он не прикасался ко мне.

— Борден, — прошептала я, сгорая от желания.

Он взглянул на меня.

— Да, куколка?

— Сделай что-нибудь.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Ты говорила, чтобы я не трахал тебя. Так что мы в замешательстве, не так ли?

Я не ответила, а мои щеки запылали, когда взгляд его штормовых глаз вернулся на прежнее место. Мои губы приоткрылись, чтобы сказать ему похоронить все сказанное мной ранее и просто трахнуть меня, но ведь потом он будет смотреть с этим раздражающим, самодовольным видом и говорить: «детка, ты всегда рассыпаешься подо мной», а я не хотела рассыпаться к чертям *снова*. Это было сражение гордости со слабостью. Черт возьми, на этот раз мне нужна была победа.

— Борден, — снова прошептала я, облизывая губы умышленно медленным движением.

— Эмма, — он вернул взгляд к моим губам, — скажи слово, и я трахну тебя.

Я прищурилась, и он улыбнулся, но в действительности это была лишь половина его настоящей улыбки. Его больше занимало то, что мои ноги были все еще разведены, и он хотел этого очень сильно. На самом деле я думала, что он сведет их вместе, и, чтобы позлить его, схватила кружевные трусики и сдернула с себя, приподняв на секунду задницу над столом, чтобы спустить их вниз по ногам.

Борден медленно выдохнул, его лицо исказилось, словно я причинила ему физическую боль.

— Ты маленькая шлюха, — почти простонал он.

— *Твоя* шлюха, — самодовольно ответила я, бросая ему свои трусики. Они приземлились на его груди, мужчина взял их в руку и скомкал. — Чертова развратная сучка, ты дразнишь меня.

— Я просто раскладываю себя перед тобой. Демонстрирую тебе твой *товар*.

Он хрипло рассмеялся.

— Думаешь, у тебя получится выиграть, не так ли? У меня больше силы воли, чем у тебя, куколка. До твоего появления я долгое время обходился без секса и научился справляться с синими яйцами.

— Но тебе приходилось справляться с синими яйцами, находясь рядом со мной?

Борден замолчал, обдумывая мой вопрос.

— Нет, — медленно признал он с чуть заметной улыбкой, — не приходилось. Думаю, поначалу я мысленно трахал тебя, тысячи раз сжимая рукой свой член. И теперь, когда узнал вкус этой маленькой киски, стал практически чертовым подкаблучником.

— Так положи конец страданиям.

Он сжал челюсти.

— Сначала попроси.

Черт, он невозможен.

— Нет, — проскрипела я.

Он медленно выдохнул, раздраженно проведя рукой по своим густым волосам. Я увидела что-то, промелькнувшее в выражении его лица, похожее на готовность капитулировать, и подумала, что он сдастся прямо здесь и сейчас... Пока рядом со мной не начал звонить телефон. *Черт возьми.* Наши взгляды снова сцепились — его хищная потребность во мне и очевидная похоть заполняли его глаза. К моему удивлению, он потянулся к телефону, и я, находясь в нерешительности, решила сдвинуть ноги. Он метнул взгляд в мою сторону и рывкнул:

— Нет. Держи их раздвинутыми, иначе пожалеешь.

Прежде чем я успела среагировать, он ответил на звонок и заговорил резким тоном. Я держала ноги разведенными. Мои щеки пылали, пока он разговаривал, глядя мне между ног; его нижняя губа все еще была восхитительно влажной. Он придвинул свой стул ближе ко мне и поднял руку. Я почувствовала, как пальцами он скользнул вверх по внутренней стороне моего бедра, двигаясь со скоростью улитки в направлении центра моего желания. Затем он добрался до средоточия моего жара, и я откинула голову назад. Борден нежно поглаживал мою киску, не спеша разжигая огонь, и продолжал разговаривать. По его голосу ничего невозможно было понять, пока он исследовал мою обнаженную плоть. Я задрожала, сильно закусив нижнюю губу, когда он провел пальцами вдоль моего лона и остановился на клиторе. Он поглаживал его круговыми движениями, и меня затрясло от потока искр, которые заставляли мое тело взлетать и вызывали у меня легкие стоны. *Боже, да, это то, что я люблю. Это то, что мне нужно.*

Мужчина ерзал на своем стуле, сжимая губы в тонкую линию, продолжая ласкать меня. Пальцем он обвел контуры моего входа и медленно толкнулся внутрь, наблюдая за выражением удовольствия на моем лице. Его движения были медленными, и каждый раз, вытаскивая палец, он растирал мои соки по клитору. Я вцепилась в край стола и снова застонала — на этот раз громче. Опустила ладонь на его руку в попытке поторопить, но он сопротивлялся моим прикосновениям. Я вонзила ногти в его запястье, чувствуя все возрастающее удовольствие. *Блядь, это слишком хорошо.*

— Я должен идти, — внезапно сказал он в телефонную трубку низким хриплым голосом. — Позвони мне позже.

Он отшвырнул телефон и полностью вытащил из меня палец. Затем схватил за подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — потребовал низким и строгим голосом.

Я все еще находилась в оцепенении, мое тело было взвинчено до предела. Он просунул палец между моих губ — тот самый, что был во мне, — и приподнял брови.

— Блядь, не заставляй меня повторять, Эмма. Я горю сейчас. Чего ты хочешь?

— Я хочу тебя.

— Чтобы я сделал что? Трахнул тебя? Поедал тебя? *Что?*

— Ешь меня.

Уголки его губ поползли вверх.

— Блядь, один твой рот делает меня твердым.

Прежде чем я успела произнести еще хоть слово, он подхватил меня под ноги и зарылся

между ними лицом. Его язык медленно прокладывал путь по моей возбужденной плоти, и я выгибалась от жарких ощущений, громко всхлипывая от удовольствия, согревающего каждую частичку во мне. Я дрожала, но он только крепче удерживал меня и продолжал сосать, умело работая языком, разжигая этот огонь до тех пор, пока я уже с трудом могла сдерживаться.

Вцепившись руками ему в голову, я схватила его за волосы, потянув за пряди, пока его язык продолжал трахать меня. Мои веки потяжелели, и я смотрела на него сверху вниз: этот широкоплечий мужчина вдвое больше меня, до боли вцепившись пальцами в мои ноги, вытягивал из меня чистое, жаркое наслаждение.

— Маркус, — стонала я, царапая его затылок. — Маркус.

Он застонал в ответ, всасывая мой комок нервов до тех пор, пока я полностью не отдалась его движениям. Покальывающая волна удовольствия прошла по позвоночнику и разлилась по всему телу. Я застонала, не знаю, насколько громко — откровенно говоря, меня это не заботило. Он продолжил лизать меня, продлевая мой оргазм, и оставил задыхающейся и, как ни странно, все еще возбужденной.

Отстранившись от меня, он встал. Обвил руки вокруг меня, и я почувствовала себя словно в клетке. Я все еще была в оцепенении, когда он обрушил свои губы на мой рот, проталкивая язык между моими губами, пропитывая меня своим вкусом, перемешанным с моим. Подняв руки, чтобы обнять его, я притянула его к себе, быстро обернув свои ноги вокруг его бедер. Он вцепился в мою одежду, вытащил нижний край рубашки из юбки и засунул под нее руки, с жадностью касаясь обнаженной кожи. Его поцелуи стали неистовыми, когда он прижал меня вплотную к своему телу, прямо к жесткому гребню его члена. Я прижала к нему ладонь, и он зашипел, толкаясь бедрами к моей руке. Я хотела его. Хотела его внутри себя.

— Маркус, — я обнаружила себя умоляющей, сжимающей его длину, — пожалуйста.

— Пожалуйста, что? — застонал он в ответ, похотливо прижимаясь к моей руке.

Боже, даже в возбужденном состоянии он должен быть победителем.

— Пожалуйста, трахни меня. Пожалуйста.

— Блядь, этот маленький сладкий ротик.

Поддерживая меня рукой за затылок, он отчаянно поцеловал меня, касаясь повсюду своим жаром и телом. Дрожащими пальцами я расстегнула его брюки и скользнула в них рукой. И тут он резко отступил назад. За долю секунды разорвал поцелуй, но все нависал надо мной. Я открыла глаза, чтобы обнаружить его дьявольскую усмешку в миллиметре от моих губ.

— Слишком поздно, — прошептал он. — Тебе следовало умолять раньше.

— Что?

— Меня поджигает время.

— Ты серьезно?

Он поднял мои трусики и натянул их на меня, а я все это время в полном замешательстве глазела на него. Борден хмыкнул, забавляясь моими мучениями. Я не понимала. Он был тверд, как камень, и явно сексуально неудовлетворен. Его грудь вздымалась, зрачки были расширены, взгляд ошалевший.

— Ты же явно хочешь этого, Борден.

— Конечно, хочу.

— Тогда трахни меня. Прямо сейчас тебе никуда не нужно. В любом случае, все всегда тебя подождут. Пожалуйста.

— Боже мой, куколка, только взгляни на все эти *мольбы*, — он наклонился вперед, легким движением вскользь лизнул мои губы, после чего снова отстранился. — Однако обещание есть обещание, и я обещал не трахать тебя.

Моя челюсть отвисла. Невероятно. Он добился того, чего хотел: довел меня до неконтролируемых упрасиваний, а теперь отступал, потому что обещал? Я скрестила руки на груди.

— Что, если я ударю тебя?

Он рухнул обратно в кресло и приподнял брови.

— И что?

— Ты ведь хочешь этого, не так ли?

— С тобой я постоянно хочу этого — с пощечинами или без. Немного боли — это просто дополнительный гарнир к и без того вкусному блюду. Но не обязательный.

Посмотрела вниз на свои ногти, избегая его взгляда, и сказала:

— Я думала, тебе это нужно.

Я почувствовала на себе его серьезный взгляд.

— Насколько нужно?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Просто... нужно.

Несколько минут он молчал, а затем раздался его низкий смех.

— Господи, ты думаешь, мне нравится боль, потому что у меня какие-то проблемы с психикой? Ты думаешь, это проблемы из-за моей матери или что-то в этом роде?

Я взглянула на его удивленное лицо.

— Я никогда не была с парнем, который любил бы это так, как ты, вот и все. И я предположила, что произошло что-то, ну, знаешь, в твоей юности. Ты ведь рассказывал мне, в каком дерьме воспитывался.

— Меня били, но я не подвергался сексуальному насилию, куколка. К тому же, я не участвовал в секс-фестивалях для извращенцев со странными плетками. Прошное не оставило на мне никаких шрамов, дающих объяснение тому, почему мне немного нравится боль.

— Тогда почему она тебе нравится?

Он лениво почесал отросшую бороду, обдумывая этот вопрос.

— Мне нравится адреналин. Нравится, когда кровь быстро бежит по венам. Мне нравится ощущение смеси боли и удовольствия. Нравится, когда женщине приходится быть грубой, чтобы получить желаемое. Это всего лишь элемент игры, который добавляет мне возбуждения. Вот и все.

— Вот и все.

— Ты хотела бы, чтобы я был испорчен немного больше, не так ли?

— Это могло бы объяснить, почему ты такой мудака.

— Но тебе нравится это.

Я сползла со стола и наклонилась, опираясь на подлокотники его кресла. Склоняясь к нему, приблизилась своими губами к его.

— Мне нравится это больше, чем ты думаешь, — прошептала я, после чего отстранилась.

Мужчина резко схватил меня и завалил на себя — спиной на его грудь, а задницей на твердый пах. Он застонал, когда я прижалась к нему, а руками скользнул к моей груди, и,

растянув несколько пуговиц, проник внутрь. Одной рукой он накрыл мою грудь, сжав ее, а другой стиснул мое бедро. Он снова потерся членом о мою задницу и выругался мне меня над ухо.

— Ты так завелся, это отвратительно, — заметила я.

— Ммм, — это все, что он простонал.

Я откинула голову ему на плечо, он повернул лицо к моей открытой шее и возбужденно присосался к коже, облизывая ее и продолжая прижиматься ко мне своей длиной.

— Ты определенно самая сексуальная штучка из всех, что я видел, трогал и трахал, — торжественно заявил он.

— Ну, не знаю, — неуверенно ответила я. — Разве ты не видишь, какие женщины буквально бросаются на тебя?

— Я не вижу никого, кроме тебя, Эмма, — задыхающимся голосом произнес он, раскачивая меня на себе. — Только тебя. Всегда будешь только ты.

Я закрыла глаза, чтобы он не заметил блеска в них. Никогда не желала любви ни одного мужчины, больше, чем Бордена. Я любила этого мужчину. Боже, как сильно я его любила.

— Пользуйся мной, — простонала я. — Пожалуйста.

Он прижал меня к себе.

— Дай мне свой рот.

Я повернула к нему голову и жадно поцеловала. Он посасывал мою нижнюю губу, поглощая мой рот. Облизывал и сосал, продолжая прижиматься ко мне своей каменной длиной. Борден сжал мою грудь, потягивая за соски через ткань лифчика. Я резко выдохнула ему в рот, почувствовав, словно электрический разряд прошел через мое тело.

Его телефон зазвонил снова, и он разочарованно зарычал, опуская руки.

— Вот невезуха.

— Ебанный телефон.

— У меня есть дела. Спрыгивай, куколка. Позже я оттрахаю тебя до беспамятства.

Я соскользнула с него и прежде, чем сделала первый шаг, он отвесил смачный шлепок по моей заднице и застонал:

— Совершенство.

Я улыбнулась и повертела задницей перед ним. Его глаза стали настолько темными, что я рассмеялась.

Да, он точно создан для меня.

***

Я поправила макияж и привела в порядок одежду, чтобы выйти из офиса на обед. Грэм довез меня до кафе.

— Не сбеги, — твердо сказал он, прежде чем я вышла. — Я узнаю об этом, и даже не думай пытаться ускользнуть втихаря.

— Зачем мне это? — ответила я, выразительно взглянув на него. — Зачем мне думать о том, как улизнуть из ресторана, Грэм?

— Я просто сказал, Эмма. Молодые девушки могут быть непредсказуемыми. Ваш мозг

полон глупых дерзких мыслей. Ты сделаешь какую-нибудь глупость и тем самым не только поставишь себя в опасное положение, но и гарантируешь мою смерть. Борден убьет меня, если с тобой что-то случится, да я и сам никогда себе этого не прощу. Понятно?

— Да, мой фюрер, — парировала я, выходя из машины.

Он нахмурился.

— Я серьезно, Эмма.

Я наклонилась, чтобы посмотреть в его серьезные глаза.

— Честно говоря, я не так глупа, какой, возможно, кажусь тебе. Не волнуйся, скучный человек, я не убегу на кубинское ранчо с чистильщиком бассейнов Эстефаном.

Несмотря на мой сарказм, его лицо расслабилось.

— Хорошо.

Я улыбнулась и захлопнула дверь. Знаю, Грэма не волновало, что сделает с ним Борден, если я сотворю какую-нибудь глупость. Глубоко внутри он искренне заботился о моем благополучии, и я предполагаю, что это происходит, когда два человека вынуждены так долго находиться в обществе друг друга.

Я вошла в кафе, огляделась и заметила руку, машущую мне в воздухе. Это была Блайт. Я быстро зашагала к ее столику в задней части зала и подошла, широко улыбаясь. Эта улыбка вскоре сползла, как только я ее разглядела. Она не была похожа на обычную Блайт, которая всегда беспокоилась о своей внешности. Ее светлые волосы были завязаны в свободный пучок на макушке. Одета она была в какую-то мешковатую фиолетовую тунику и черные колготки, но все было мятое, словно она в этом спала. Вид изможденный — ее обычный румянец исчез. Я могла бы предположить, что она с похмелья после сумасшедшей ночи, хотя и не могла себе представить, что она будет делать что-то подобное в будний вечер.

Мы обнялись (она не использовала духи) и сели. Чуть позже подошла официантка, и мы сделали заказ. Все это время Блайт была замкнута, беспокойно смотрела то на меня, то на стол. Я была не в том настроении, чтобы ходить вокруг да около.

— Ты в порядке? — спросила я.

Она пожала плечами, в отчаянии глядя на свои розовые ногти.

— Сразу к делу, да?

— Я точно могу сказать, что что-то не так, и у меня нет желания притворяться, пока ты не сбросишь на меня бомбу.

Она вздохнула.

— Да, ты права. Я была таким дерьмом с тобой, да?

— Ты не отвечала на мои звонки и сообщения. Я немного расстроилась, конечно, но могу понять, если жизнь не позволяет.

— Мой телефонный оператор отключил связь. Вот почему я не могла тебе ответить. Поэтому пришлось звонить с работы.

Мои брови взметнулись вверх.

— Ты что, задолжала по счетам?

Она кивнула, взглянув на меня грустными глазами.

— Да. Мои дела идут не очень хорошо, и я чертовски ненавижу, что вынуждена делать это сейчас, ведь ты знаешь меня и знаешь мою глупую гордость, но... я близка к тому, что меня выселят и...

Она крепилась изо всех сил, и мое сердце сжалось в груди, когда я начала осознавать, в каком нервном напряжении она находилась. Я склонилась над столом и накрыла ее руку

своей.

— Сколько не хватает на аренду? — осторожно спросила я.

Ее глаза заблестели.

— Около двухсот.

— А сколько нужно для оплаты телефонных счетов?

— Со всеми просрочками платежей, не знаю, сто тридцать? Как-то так.

— Ладно, после того, как мы поедим, спустимся вниз к банкомату и я выручу тебя.

Хорошо? У меня скопилась неплохая заначка.

Она часто заморгала, удивленно глядя на меня.

— Я не прошу всю сумму. Я не хочу, чтобы ты разорялась на меня, Эмма.

— Я не разоряюсь. Если бы у меня не было денег, я бы этого не сделала.

— Обещаю, я верну тебе.

— Считай, что это единовременный дар.

Она затаила дыхание, а когда выдохнула, ее выдало все тело. Она откинулась на своем стуле с таким видом, словно гора свалилась с ее плеч.

— Спасибо, Эм, — искренне сказала она. — Знаешь, я сходила с ума. Забегаловка Дэнни идет ко дну, и я ищу работу. Помнишь чувака, с которым я когда-то спала? Адонис...

— Да, выглядел, как бандит или что-то вроде этого.

— Да, в общем, он позвонил мне еще до того, как мой телефон отключили, и я рассказала ему о своей ситуации с работой. Он предложил мне работу в каком-то дерьмовом стриптиз-баре и сказал, что я буду получать отличные чаевые. Но в то время я просто посмеялась, словно это было ниже моего достоинства. Сейчас я чувствую себя такой идиоткой, потому что теперь я упала на самое дно. Обдумав это, я поняла, что должна была согласиться. Бездна разговор, да? Потому что я по-прежнему считаю это правильным. Мои смены в закусочной официально урезали наполовину. Тесса работает по несколько дней в одиночку. На кухне тоже осталась только половина людей, поэтому еда дерьмовая. Посетителей действительно нет. Даже гребаный Джон не появлялся в эти дни. Можешь в это поверить? Ты убралась оттуда в самый подходящий момент.

Я нахмурилась, внезапно почувствовав себя ее покровителем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не соглашайся на ту работу, Блайт. Я имею в виду, если он предложит тебе снова, просто скажи «нет».

— Почему?

— Потому что должно быть что-то еще.

Она пожала плечами.

— Ты знаешь, что это неправда. Кроме того, девушка должна делать то, что должна, Эм. Тебе это известно. Все зависит от нас, и, если это означает светить сиськами, разнося напитки, я буду это делать, — ее глаза заблестели от этой мысли, и она добавила. — Я сделаю это с удовольствием. Что угодно, чтобы выбраться из этой передраги.

Вместо того чтобы отговаривать, я сидела молча. Понимала ее отчаяние. Кто я такая, чтобы говорить ей «нет»? Ты готов делать такие вещи, о которых раньше даже представления не имел, когда дело доходит до крыши над головой и куска пищи в желудке. Это просто... я просто не ожидала увидеть ее в *таком* состоянии. Даже в худшие свои времена я старалась выглядеть прилично, а она всегда была большей модницей, чем я.

— Это безумие, насколько быстро тебя засасывает дерьмо, — продолжила она. — В

один момент у тебя есть возможность отложить немного денег, есть работа, и ты думаешь, что это вполне стабильно, потому что живешь так довольно долго. А потом ты резко лишаешься этого и, в конечном итоге, клянчишь деньги у своей лучшей подруги.

Я слабо ей улыбнулась.

— Справедливости ради замечу, что ты не клянчила.

Она закатила глаза.

— Я собиралась.

— Честно говоря, Блайт, это не так уж важно. Во всяком случае, ты не должна думать, что просьба о деньгах как-то повлияет на нашу дружбу, и я никогда не буду смотреть на это как на попрошайничество.

— Тогда ты чертовски хорошая подруга, — с трудом сглотнув, сказала она. — На прошлой неделе я обращалась за помощью к Тессе. А когда я сделала это повторно, она отшила меня так, что мне стало все понятно. Я имею в виду, что и так все понимаю. Но с тех пор все стало как-то странно: она избегает меня, словно ожидает, что я буду преследовать ее из-за денег или что-то в этом роде. Боже, сейчас в моей жизни творится полная херня.

Она смотрела в стол, избегая моего взгляда. Тяжело видеть лучшую подругу в состоянии, полностью противоположном ее обычной жизнерадостности. Не хотела обнадеживать ее сейчас, но я могла бы спросить Бордена, есть ли возможность пристроить ее куда-нибудь. Может, есть вакансия в одном из его ресторанов или что-то еще. Я расстроилась из-за нее, словно каким-то образом она оказалась под моей ответственностью, и мне нужно было убедиться, что она так же счастлива, как и я. Я любила эту девчонку.

Принесли нашу еду, и она буквально вгрызлась в сэндвич. Я съела половину своего и, хотя была все еще немного голодна, переложила вторую половину на ее тарелку.

— Тебе тоже нужно поесть, — ругала она меня, хотя я видела, как она воспряла духом от этой добавки. — Не жалея меня, Эм.

— Я и не жалею. Просто сегодня вечером я ужинаю в доме бабушки и мне нужно максимум свободного места в желудке. Она сердится, когда я не съедаю все.

Блайт рассмеялась.

— Похоже на мою бабушку. Передавай ей привет.

— Она, скорее всего, даже не услышит меня.

— Почему?

— Борден тоже там будет.

Блайт застыла в попытке откусить сэндвич. Ее глаза вылезли из орбит и она в ужасе уставилась на меня.

— Ты серьезно? Она же ненавидит его. Как, черт возьми, это могло произойти?

— Она хочет познакомиться с ним.

И она не оставила мне выбора в этой ситуации. С ней чуть не случился сердечный приступ, когда она узнала, что я уже какое-то время живу в его доме. Она сказала, что это слишком рано. А я не могла позволить ей узнать обо всей ситуации в сообщении, иначе она умерла бы прямо на месте. Я была в ужасе. Ведь Борден далеко не добрый милый мальчик. Это будет катастрофа.

— Может, он ей понравится, — сказала Блайт, хотя я видела сомнение в ее глазах.

— Она будет ненавидеть его, — хмуро ответила я. — И ему будет это нравиться.

Борден ничего не видел вокруг. Все, что его волновало — это я. Едва ли он даст кому-нибудь шанс. Если вы были настроены против него, ему было на это просто насрать. Даже

если вы — милая старушка. Это будет интересно.

Покончив со своим сэндвичем, я отлучилась в туалет. Пройдя половину пути, заметила знакомое лицо человека, сидящего недалеко от нашего столика, находящегося в его прямой видимости. Хоук развалился на стуле, руки скрещены, глаза сфокусированы на мне. Я тут же остановилась. От неожиданности мое сердце пропустило удар.

Какого черта он здесь делал? Он никогда не следовал за мной.

Чувствуя бессильную злобу, я скрестила руки и с хмурым выражением лица подошла к нему. Остановилась напротив него и секунду разглядывала. Он был похож на жуткого вампира или кого-то в этом роде: одет во все черное, длинные темные волосы спадали на плечи, лицо сегодня бледнее обычного, словно давно было лишено солнечного света. Затем мой взгляд упал на стол, на котором стояло наполовину съеденное клубничное мороженое.

— Ты любишь клубничное мороженое? — вырвалось у меня. *Типа, какого хрена?*

Своим привычным хриплым голосом он ответил:

— А что не так с клубничным мороженым?

Ну, когда мужик весом сто килограммов — и это минимум — выглядит, как долбаный лишенный солнечного света вампир, и при этом ест клубничное мороженое... Что в этом может быть не так?

Я не высказала эту мысль, а просто покачала головой.

— Почему ты здесь, Хоук? Со мной Грэм и целая бригада людей на улице. Мне не нужна здесь нянька.

— Я только выполняю приказы, — просто ответил он.

— С каких пор Борден сказал тебе следить за мной?

Он не ответил и предпочел вместо этого просто смотреть на меня своими темными глазами. Они слишком сильно напомнили мне его брата, и я почувствовала странный холодок, спускающийся вниз по спине. Я не много знала о Хоуке, и, если честно, меня это никогда не заботило. Он ненавидел меня, и все то время, что я работала на Бордена, не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть это. Но после встречи с его братом и присутствия при их странном диалоге, он вдруг вызвал во мне небольшое любопытство. Возможно, отчасти я сомневалась, что ему можно во всем доверять, зная, что он связан с байкерами.

— Нечего сказать? — настаивала я, наклоняясь вперед и сверкая на него глазами. — Значит, ты имеешь возможность оскорблять меня только в офисе, а теперь, когда мы одни, ты вдруг онемел?

Он по-прежнему не отвечал. Его темные глаза продолжали вглядываться в мои. Мужчина не собирался отступать, да и я тоже. Я могла бы играть в гляделки весь день, если бы не подошедшая официантка и Блайт, ожидающая меня за столиком.

— Чудесно, — твердым голосом сказала я, выпрямляясь. — Но не вводи это в привычку, Хоук. Я не нуждаюсь в том, чтобы ты был рядом. Здесь нет ничего, с чем бы не смог справиться один из качков Бордена. Иди и наслаждайся мороженым, следя за кем-нибудь другим.

Я развернулась, чтобы уйти, но раньше заметила легкую улыбку на его губах. Это взбесило меня, но я сдержалась и рванула вперед. Возвращаясь из туалета, увидела, что Хоук исчез, мороженое осталось недоеденным, а рядом лежала десятидолларовая купюра. Он действительно послушался меня? Я оглядела кафе, снова присоединившись к Блайт, но никаких признаков его присутствия не было.

После обеда я прошла с ней до ближайшего банкомата, убедившись, что Грэм

сопровождает нас, иначе он оторвал бы мне голову. Блайт заметила его присутствие, так как его машина с черепашьей скоростью тащилась всю дорогу практически рядом с нами. Он все время демонстративно смотрел на нас прищуренными глазами, а его усы были сегодня особенно пышными.

— Охранник... Бордена, — просто объяснила я.

Она обеспокоенно посмотрела на меня.

— Он посылает своих людей, чтобы везде следить за тобой, Эм? Звучит так, словно он сталкер.

— Это не так.

Но это так. Я не собиралась обманывать сама себя.

Она продолжала таращиться на меня, ожидая продолжения. У меня не было сил оправдывать все его дерьмовые решения, поэтому я просто пожала плечами и вернулась к делам насущным. Я сняла нужную ей сумму и еще сотню сверху на продукты. Не позволив ей пересчитать — она была бы против лишних денег — я свернула банкноты пополам и засунула ей в сумочку.

За все то время, что мы дружили, я никогда не видела ее более благодарной. Она взволнованно раскачивалась на носках вверх-вниз, ее утомленный взгляд засветился. Мы расстались на обещании, что она по-прежнему моя лучшая подруга и отныне будет всегда на связи.

— Это даже не обсуждается, — решительно сказала она.

По дороге домой Грэм продолжал бросать на меня странные взгляды. Я ловила его дюжину раз, и он сразу задумчиво смотрел на дорогу... а потом снова возвращал взгляд на меня.

Я улыбнулась.

— У меня на лице бородавка или что-то в этом роде? Поэтому ты постоянно смотришь на меня?

— Нет, — ответил он, возвращая мне улыбку. — Я просто подумал, как глупо ты поступила, дав подруге деньги.

В мгновение ока моя улыбка исчезла.

— Что? Борден поставил мне жучок или еще что-то? Теперь ты прослушиваешь мои разговоры?

Я убью его, если он это сделал.

— Нет, но она появляется абсолютно потерянная, и после этого ты ведешь ее к банкомату. То, что ты сделала, довольно очевидно.

— А почему дать ей денег — это глупо? — мой голос прозвучал обиженно, что соответствовало действительности. Нет ничего глупого в том, что я сделала. Просто помогла своей лучшей подруге, а он из-за этого смотрел на меня, как на наивного ребенка.

— Она не собирается использовать эти деньги на то, о чем тебе рассказала. Она абсолютно лживая. Это видно за версту. Она просто воспользовалась тобой, отлично зная, насколько вы близки.

— Как ты узнал об этом?

Он просто посмотрел на меня долгим взглядом.

— Как ты думаешь, почему Борден поручил мне присматривать за тобой?

— Потому что ты невероятно хороша собой, — поддразнила я.

Грэм вздохнул.

— Потому что я разбираюсь в этом. Молчаливый наблюдатель, ошибающийся крайне редко. Инстинкт выживания. Не сомневайся во мне.

Я и не сомневаюсь. И ненавидела себя за это. Грэм не лгал. Я доверила ему свою жизнь, а он рассказал все это, потому что заботился обо мне достаточно, чтобы дать понять, что меня использовали.

— Как думаешь, на что ей тогда нужны деньги? — тихо спросила я.

Он рассеянно пожал плечами.

— Имеет ли это значение в конечном итоге? Тебя должна больше беспокоить ложь, не так ли?

— Должна?

Он хмыкнул.

— У тебя большое сердце, Эмма. В этом твоя проблема. Тебя не огорчает, что она солгала. Ты расстроена, что она что-то скрывает, а ты не знаешь, что.

Я более внимательно постаралась вспомнить ее поведение, когда мы обедали. Ни одно из ее действий или взглядов не указывали на то, что она лгала. Либо она чертовски хорошая актриса, либо просто успешно сыграла на моих эмоциях, вот и все. Мне ненавистно было думать, что одно из этих предположений — правда.

— Что мне теперь делать? Оставить все, как есть, или позвонить ей в связи с этим?

Он пожал плечами.

— Если ты позвонишь ей, то можешь спугнуть. Лучше набраться терпения. Ложь обычно выплывает наружу, неважно, как глубоко ты ее прячешь. Кроме того, это не твоя забота. Пусть все идет своим чередом.

Я удивленно моргнула.

— Тебе надо быть психотерапевтом, Грэм. Из твоего усатого рта исходит много мудростей.

Он ухмыльнулся.

— Чего еще можно ожидать в пятьдесят пять лет?

— Пятьдесят пять? Ты выглядишь на тридцать пять.

Он от души рассмеялся, и я улыбнулась своему неубедительному комплименту. Не думаю, что это возможно, но я все же заставила Грэма покраснеть. И, сидя рядом с ним, я почти забыла про сегодняшний ужин.

Почти.

Эмма

Когда мы с Грэмом вернулись в клуб, путь в офис нам преградила Линда. Ее длинные рыжие волосы были зачесаны наверх и собраны в аккуратную прическу. Безупречный, как обычно, макияж настолько подчеркивал ее заостренные скулы, что, казалось, они могли резать сталь. Она была великолепно. Сука или нет, но я не могла не оценить ее внешность.

— Борден занят, — с безучастным лицом проинформировала она нас. — У него встреча с одним из тех сумасшедших байкеров в приватной комнате. Вам он просил передать, чтобы шли в офис и занимались своими делами, пока все не закончится.

— У него встреча с Гектором? — спросила я.

— Я не знаю его имени. Это высокий симпатичный парень с адски нахальной улыбкой. Вел себя так, словно он здесь хозяин, и таранился на меня, как на кусок мяса.

Да, для него это в порядке вещей.

— Если бы не полдюжины особей женского пола, вышагивающих за ним, я бы подумала, что он тоже начнет меня домогаться, — рассеянно добавила она. — Черт, быть женщиной иногда утомительно.

Мое сердце пропустило удар, и я старалась не выказывать своих опасений, когда спросила:

— В комнате присутствуют девушки?

Она кивнула, и, оглянувшись, провела рукой по волосам.

— Ага. Парочка здешних танцовщиц и несколько других, которые пришли с ним. Маленькие шалавы.

— Что за шалавы?

Наши взгляды встретились.

— Ну, знаешь, малюсенькие, едва прикрывающие задницу юбочки, открывающие живот топы и большие сиськи, вываливающиеся из выреза. На вид им чуть больше двадцати. Трутся друг о друга, держатся за руки, как в женском клубе из порно видео. Достаточно, чтобы сделать их шоу горячим. Вот такие шалавы.

— Их шоу, — медленно повторила я.

— Ммм. Байкер сказал, что ему нужен какой-то фон, и они ухватились за эту возможность. Они в одной из самых больших комнат. Знаешь, в тех, которые люди снимают для мальчишников. Не спрашивай меня, зачем для делового разговора двух мужчин нужно такое большое помещение.

Чувство неконтролируемого гнева нарастало в крови, когда я представила себе шлюшек, о которых она говорила. Без сомнения, эти женщины были во вкусе Гектора. Какая бы приличная девушка захотела провести свое время, самым тесным образом общаясь с кем-то, вроде него?

Я протяжно вздохнула и взглянула на Грэма. Мне нужно было успокоиться и не реагировать, подобно безумной ревнивой особе.

— Как думаешь, что там происходит? — спросила я его.

Грэм равнодушно пожал плечами.

— Может быть все, что угодно.

В каком смысле, что угодно? В таком, что Борден дошел до того, что участвует в безумных оргиях с кучей баб в своем собственном клубе? Я вспомнила жесткую выпуклость в его штанах, которую ощущала перед уходом на обед. Он был адски возбужден тогда, и я не позаботилась об этом. Заботились ли об этом прямо сейчас? Внутри еще сильнее заклокотала злость, когда я представила себе всю эту мерзость. Усилием воли сдерживая дрожь, я сглотнула и вынужденно кивнула.

— Давай вернемся в офис, — предложил Грэм.

— Я дождусь Бордена, — упрямо ответила я. — Если это как-то связано с Гектором, значит важно и для меня, и я должна сразу же обо всем узнать.

Грэм приподнял бровь на мою никудашную отговорку, без сомнения, видя насквозь эту чушь. Я не собиралась идти работать, когда прямо сейчас Борден возможно наслаждался эротическими танцами или чем-то похлеще. Нет, если я буду в офисе, то не смогу увидеть, как они выйдут из комнаты. На выходе мое присутствие должно стать неожиданностью, и у меня будет возможность оценить ситуацию — в смысле, насколько он будет раздет. Но это невозможно сделать, находясь вдали от главного помещения.

Раньше у меня никогда не возникало таких параноидальных мыслей. Я никогда не давала повода для подобных чувств, и мне не понравилось, с какой силой это ощущение обрушилось на меня. Мы развернулись и устроились в пустом главном баре. Все это время я прилагала усилия, чтобы сохранить ясность ума.

В ожидании я села на стул, Грэм встал рядом. Он осматривался с этим своим настороженным выражением лица — лица, покрытого морщинами и с темными кругами под глазами. Этот парень когда-нибудь отдыхал? Он в этом отчаянно нуждается.

— Все были реально дергаными, — сказала Линда, подсаживаясь на соседний стул. — Это как-то связано с тобой, верно? Это единственная причина, почему Борден отправляет десять тысяч человек следовать за тобой повсюду.

Я повернулась к ней.

— Нет смысла отрицать очевидное.

Ее холодный взгляд встретился с моим.

— Так что же тогда происходит? Кто-то хочет убить тебя, или что?

Я подавила озноб, вызванный ее словами, и не ответила. В моих мыслях по-прежнему были гигантские сиськи и короткие юбки вокруг моего Бордена, вокруг моего мужчины, вокруг его твердого члена, который я сегодня оставила в его штанах.

Линда высокомерно улыбнулась.

— Ах, какая неприятность. Мне, вроде как, нравилось, что ты рядом.

— Вообще-то, мне, вроде как, нет.

— Точно! Я скучаю по тому, как все было раньше, до тебя. Все было менее запутанным. Но это временно.

— Уже списала меня?

— Мм, не совсем, но у Бордена много врагов. Достаточно будет одного из них.

Я вздохнула.

— Вовремя предупредила, Линда. Спасибо за оптимизм.

Она улыбнулась шире. Эти маленькие розовые губы сейчас бесконечно раздражали меня.

— Это маловероятно, но, если вдруг действительно что-то произойдет, просто знай, что

я буду хорошо заботиться о боссе, ладно?

Я вся напряглась и прищурилась на нее.

— Как насчет того, чтобы ты прямо сейчас съебалась отсюда, Линда, иначе я могу случайно не заплатить тебе за эту неделю. Ты же знаешь, я занимаюсь расчетами зарплаты.

Именно сейчас ее улыбка обнажила зубы. Реально белые.

— Ну, тогда ладушки. Увидимся позже, *куколка*.

Я сжала кулаки, дрожа от желания ударить ее. Она развернулась и вышла, покачивая бедрами из стороны в сторону, отчего любой мужик захлебнулся бы слюнями. Я же хотела разрезать ее лицо пополам — ни дать ни взять злобная сучка. Какого черта должен был разглядеть в ней Борден, чтобы нанять менеджером — скототившим уже небольшое состояние, не меньше — в это заведение? Как можно было доверить ей такую большую ответственность, если она настолько ебанутая? Я провожала взглядом ее стройную высокую фигуру, пока она не исчезла в другой комнате, и на мгновение задумалась: а прикасался ли он к ней вообще? Неужели между ними что-то было, и именно поэтому она испытывает к нему такой голод?

Разумная часть меня говорила, что ни черта между ними не было. Борден никогда так не сделал бы. Просто сейчас меня одолевали мучительные мысли, ведь он находился в комнате с полуголыми девицами, и я закипала от этого. Неужели он чувствовал такую же злость, когда мужчины смотрели на меня? Неужели я ощущала такие же собственнические чувства? Если да, то это хреново, но теперь я хорошо его понимала.

Минуты тянулись в тоскливой тишине. И я словно варилась на медленном огне в чане мыслей, наполненных жалостью к себе, потому что мне изменил криминальный авторитет, держащий под каблуком весь город. Я посмеялась над собой: ты не заслуживаешь никакого сочувствия за то, что находишься здесь и сейчас, потому что добровольно втянула свою задницу во все это.

Я услышала, как открылась входная дверь, после чего последовал звук тяжелых шагов. Подняв взгляд, я закатила глаза при виде Хоука. Первым он заметил Грэма и остановился перед ним.

— Что произошло? Ты должен был быть с Эммой.

Грэм склонил голову в мою сторону.

— Я с ней. Борден сейчас с Гектором.

— Значит, он что-то обнаружил.

— Возможно.

— Тогда почему вы здесь, а не в офисе?

Грэм дернул головой в мою сторону и ничего не сказал. После чего Хоук глянул на меня, поняв причину.

— Ладно.

Я отвернулась от них и уткнулась в свой мобильник, без особого энтузиазма возвращаясь к одной из отупляющих сознание игр. Заметив его приближение, я пересела на стул, где до этого сидела Линда, вздохнула и повернулась к нему спиной, полностью игнорируя его присутствие.

— Эта твоя подруга, с которой ты просто обедала, сколько денег ты ей дала? — внезапно спросил он.

Я сделала вид, что не услышала. Этот мудака по-прежнему следил за мной.

— Эмма, — надавил он.

— Я думала, что ты все знаешь, — безучастно ответила я. — Ты можешь пролистать всю мою жизнь, но не знаешь моих банковских реквизитов?

— Я мог бы, если бы захотел, взломать твой банковский аккаунт, но ты можешь сэкономить мне несколько минут, просто открыв свой рот и ответив.

Сначала я общалась с подружкой, которая соврала мне про свои проблемы. Потом я столкнулась лицом к лицу с этой сучкой Линдой, которая сказала мне, что Борден находится в приватной комнате в окружении полуголых баб. И вот теперь Хоук доставал меня своей херней.

А я действительно не хотела иметь дело с херней Хоука.

Неудержимый вихрь бушевал во мне, и, в итоге, развернувшись к нему, я ответила ледяным тоном:

— Как насчет того, что это не твое дело, Хоук? Я ни хуя не собираюсь добровольно рассказывать тебе о деньгах, имеющихся на моем банковском счете. Ты мог бы и сам разобраться в этом дерьме. Если тебя это не устраивает, присоединяйся к клубу Линды «Я ненавижу Эмму» и убивай на все четыре стороны.

Он прищурился, его темные глаза несколько мгновений изучали мое лицо.

— Ты закончила?

— Закончила что?

— Закончила свою тираду маленькой сучки? Потому что у меня много времени, и если тебе есть что еще сказать, тогда, блядь, говори сразу.

Я кивнула, чувствуя, как сдерживаемый гнев начинает просачиваться наружу.

— Да, есть кое-что еще.

— Да? Что еще ты приготовила для меня, деточка?

Соскользнув со стула, я встала перед ним и, задрав вверх голову, выплюнула:

— Я не понимаю тебя, Хоук. Я не знаю, почему ты такой мудака и всегда им был. Ты расхаживаешь за мной повсюду и гадишь. Я ничего тебе не сделала!

— Правда?

— Да, и меня тошнит от твоего чертового самомнения.

— Моего самомнения?

— Да, и от того, что ты повсюду следуешь за мной.

— Что еще?

Что еще? Я с беспокойством оглядела всю его охрененно массивную фигуру, после чего указала на его лицо/

— И я чертовски ненавижу твою бороду с застревающими в ней крошками. Сбрей ее к черту, ты выглядишь, как Чубакка. (Прим.: Чубакка — персонаж киносаги «звездные войны», у которого все тело, включая лицо, было покрыто длинной шерстью).

Он помолчал, а затем сказал:

— Отлично. Теперь ты ведешь себя, как капризный пятнадцатилетний подросток, а не как взрослая женщина?

Я что, веду себя, как капризная пятнадцатилетняя девчонка? Сделав несколько глубоких вдохов, я попыталась определить свое состояние. Злость все еще присутствовала, но после моей тирады она немного поутихла. Я уже не чувствовала себя бомбой замедленного действия, так что...

— Да, я закончила.

— Хорошо, — проскрежетал он. — Итак, сколько ты ей дала, черт возьми?

Я на автомате ответила:

— Четыреста тридцать долларов.

Он просто уставился на меня, недоуменно подняв брови.

— Четыреста гребаных долларов, Эмма?

— Она идиотка, — воскликнул рядом Грэм.

— Я пыталась помочь подруге, — обороняясь, уточнила я. — Я не сделала ничего плохого.

Грэм рассмеялся в ответ, а Хоук выругался и полез в карман, качая головой, но больше для себя. Вытащив бумажник, он достал несколько стодолларовых купюр. Я в растерянности смотрела на то, как он грохнул ими по барной стойке передо мной.

— После того, как Бордену станет известно, что ты сделала, он потребует компенсировать все, что ты ей дала, — объяснил он. — Вот здесь пятьсот долларов. Возьми их и положи обратно на счет. В следующий раз дай нам знать, когда соберешься помогать друзьям, и мы сделаем это правильно.

— Что значит правильно? — возразила я.

Он шагнул ближе и склонил голову ко мне. Я ощутила тревогу из-за его непосредственной близости. Хоук всегда предпочитал держать дистанцию, а тут внезапно вторгся в мое личное пространство своими карими глазами.

— Ты не даешь людям денег, — медленно и твердо сказал он. — Если они ноют, что голодают, ты, если можешь, покупаешь им какую-то гребаную еду. Если они жалуются, что не могут оплатить аренду квартиры, ты, если можешь, оплачиваешь их сраную аренду. Лучше всего решать проблему, перейдя к источнику проблемы, а не слепо раздавать наличные. Поняла? Или с этим ты тоже будешь спорить?

Я нахмурилась. Мне была ненавистна его правота. Даже бабуля избегала давать мне денег, а все эти годы готовила мне еду, чтобы я брала ее домой. Таким способом она убеждалась, что я поем, вместо того, чтобы давать мне деньги и переживать, что я потрачу их на что-то другое. Если бы я рассказала ей об этом, она устроила бы мне взбучку.

Я побеждено вздохнула, снова села и пробормотала, глядя на деньги:

— Да, ты прав. Я поступила импульсивно и необдуманно. Мне так сильно хотелось хоть как-то ей помочь, потому что выглядела она очень дерьмово. Я имею в виду, она выглядела доведенной до отчаяния, и мне было тяжело это видеть. Я не поступлю так снова.

Когда он не ответил, я взглянула на него. Хоук смотрел на меня так, словно я говорила на иностранном языке: лоб наморщен, брови сдвинуты.

— Я прав? Вот так просто? — сказал он.

Я кивнула.

— Да. Продолжай сыпать соль мне на раны. Я знаю, ты этого давно хотел.

Он развернул свое большое тело и обменялся взглядом с Грэмом. Казалось, они без слов о чем-то общались. В итоге Грэм пожал плечами, и Хоук повернулся ко мне.

— Знаешь, впервые с тех пор, как твоя круглая попка появилась здесь, ты охуенно благоразумна, — заявил он. И, прежде чем я успела ответить, сердито добавил: — Теперь возьми деньги и убери в карман до того, как Борден выйдет и увидит их. Он будет в плохом настроении после разговора с моим мудаком-братцем. И последнее, чего я хотел бы, чтобы он выплеснул все это дерьмо на тебя.

Моя челюсть почти отвалилась. Стараясь не показывать ему своего удивленного лица, я быстро собрала деньги. Убирая купюры в карман, все время краем глаза поглядывала на

крепкую фигуру Хоука, прислонившегося спиной к барной стойке и скрестившего руки на груди. Почему его заботило то, что Борден может сорвать на мне свою злость? Неужели этот мудака действительно способен на какие-то чувства? Видимо, да, но он чертовски хорошо умеет скрывать это.

Я, кажется, поняла, в чем дело. Когда ты проводишь много времени с людьми, они, естественно, начинают, скрепя сердце, принимать тебя, особенно, когда смирились с тем, что ты уже никуда не денешься. А учитывая то, что Борден вцепился в меня мертвой хваткой, я, скорее всего, здесь навсегда. Может, Хоук, наконец, смирился с этим?

Он задержался еще на некоторое время, оглядываясь по сторонам, действуя так, как обычно вел себя Грэм. Я практически улыбнулась этим парням. Они — мои защитники, и, возможно, я была слишком жестока с ними. Может быть... мне стоило еще немного обдумать мое отношение и перестать смотреть на них с ненавистью.

Лениво постукивая пальцем по барной стойке, я спокойно заметила:

— Кстати, Борден с твоим братом и кучей девочек в приватной комнате.

Когда он не ответил, я скользнула взглядом по его суровому лицу. Все в Хоуке было жестким, вплоть до этих плотно сжатых губ. Но сейчас... ну, его лицо стало лишенным эмоций. Прямо как Борден, он мастерски владел искусством скрывать эмоции за пустым выражением лица.

Заметив мой взгляд, он быстро взглянул на меня и спросил:

— В какой?

— По-видимому, в большой.

— С дурацкими красными шторами?

Я раздраженно выдохнула.

— Я ни черта не знаю. Я там не была. А что? Ты там бывал?

Он пожал одним плечом.

— Конечно, бывал.

Я почувствовала, как запульсировала вена на шее.

— И Борден?

— Это не первый раз, когда Борден говорит о делах, а девушки вокруг них танцуют стриптиз. Насколько я знаю, он никогда не ходил туда один, если ты это имеешь в виду.

— Правильно, — пробормотала я, чувствуя, как задержался глаз.

Он внимательно наблюдал за мной.

— И что ты почувствовала, когда узнала, что он там?

Я помолчала, а потом призналась:

— Бешенство. Отсюда и мое раздраженное поведение впавшего в ярость подростка.

Он кивнул.

— Но это неважно, — добавила я, больше для себя. — Я имею в виду... ну и что? Парни делают это постоянно, и женщины совершенно нормально к этому относятся. Я в порядке. Я имею в виду, буду в порядке, понимаешь? Так что... без разницы.

Я заставила свой рот заткнуться, прежде чем это прозвучало бы так, словно я упорно пыталась убедить его в том, что для меня это не имело никакого значения, и снова уткнулась в телефон. Он зашагал прочь, и я поняла, что ляпнула что-то глупое. Я такая раздраженная, потому что должны начаться месячные, это точно. Черт. Когда в последний чертов раз они были? *Две недели назад.* Эта мысль утешала. Слава Богу. Мне нужно обновить противозачаточную блокаду в следующем месяце.

Спустя несколько минут снова послышались его шаги. Я посмотрела вовремя, чтобы увидеть, как он поставил передо мной бутылку ледяного пива.

— С этим ты почувствуешь себя лучше, — пробормотал он, прежде чем сесть рядом со мной спиной к бару.

Принес мне выпить? Теперь моя челюсть действительно отпала. Прогресс. Это единственное слово, пришедшее мне на ум в связи с нашими наполненными ненавистью отношениями. Мы просто добились прогресса. Несколько мгновений я в недоумении смотрела на пиво, а потом сказала:

— Хотя этот жест и произвел на меня впечатление, Хоук, но я не пью.

— Заткнись, — возразил он. — Все пьют. Возьми и опустоши ее махом.

— Но...

— Когда в последний раз ты пила такое ледяное пиво, как это?

— Сто лет назад, — неопределенно ответила я.

— Ты алкоголик?

— Нет.

— Тогда пей, — когда я не пошевелилась, он наклонился и поднес бутылку ближе ко мне. — Сейчас и время, и место для хорошей выпивки, Эмма. Посмотри, как запотела бутылка. Ты скажешь этой малышке «нет»? Нет, на самом деле скажи этому гневу, который кипит внутри тебя и позволь попробовать прогнать его с помощью порции янтарной жидкости.

Я посмотрела на бутылку, и она выглядела очень привлекательно.

— Я не могу пить. Сегодня у меня ужин с бабушкой. И Борден. Понимаешь, что это обещает быть равносильно крушению поезда?

— Еще больше оснований, чтобы расслабиться.

Я стрельнула в него взглядом.

— Ты оказываешь дурное влияние, и я хочу, чтобы мы снова игнорировали друг друга.

Его губы растянулись в улыбке. Она не была самодовольной или наполненной холодной ненавистью, как я привыкла. Это была искренняя улыбка, адресованная мне. Она ему очень шла. Он был привлекательным парнем и, вероятно, будет убийственно хорош без этой чертовой чубаккиной бороды. Я почувствовала, словно вошла в сумеречную зону. Мне нужно было насладиться этим моментом спокойствия. Несколько часов отделяли меня от надвигающейся катастрофы у бабушки. Борден свободно чувствовал себя в обстановке, из-за которой меня трясло от ревности.

И Хоук, черт возьми, просто улыбался мне.

— А знаешь, что, — смело сказала я, хватая бутылку, словно судьбу за яйца. — Я выпью это. Где твое?

Расслабляя плечи, он усмехнулся.

— На работе пить нельзя.

— Я хочу выпить на работе, — отчаянно встрял Грэм, глядя поверх нас. — Принеси мне тоже пива. День обещает быть долгим.

— Да! — заорала я. — Давай, Хоук. Ты слышал его.

Лицо Хоука с сомнением поморщилось. Он оглянулся на меня — незнакомое озорство и задумчивость проглядывали в выражении его лица. Это был непривычный для него взгляд, но мне понравилось, как он смотрелся на нем.

— Отлично, — пробормотал он, уступая моей настойчивости.

Я улыбнулась. Это было официально. Он выстроил мостик доверия и разрешил маленькой Эмме Уорн пересечь его. Белый флаг был поднят.

Борден

Борден потер виски — его терпение было на исходе. Гектор — мудака. Заявился без звонка (что доставило охуенные неудобства, не говоря уже о неуважении), ввалился с важным видом в офис, захватив с собой кучу длинноногих пустышек с вываливающимися наружу сиськами, и заявил, что в деле есть продвижение. Но вместо того, чтобы выложить всю информацию, эта «принцесса» захотела приватную комнату, дабы «расслабиться» перед разговором.

С тех пор прошло полтора часа, а байкер все болтал ни о чем, потом немного потанцевал с девицами на сцене и опрокинул в себя два пива. Борден сожалел об их соглашении каждую проходящую минуту, пока, наконец, этот уродец не решил сесть и приступить к гребаному делу.

— Мы нашли парня, — сказал он, неотрывно следя взглядом за блондинкой, двигающейся в такт негромко звучащей музыке. И больше ни на долбаный шаг не приблизил Бордена к этому дерьму. Сукин сын не отступал от своей прошлой теории о том, что женщины не должны допускаться на серьезные встречи. А сейчас их было здесь четыре, хотя со своих мест они вряд ли могли бы что-то расслышать.

Ни слова. *Полная херня.*

Борден медленно выдохнул.

— Кто он?

— Известен как Бык. Он даже чертовски на него похож. Мы еще не копнули под него, но выяснили, что он работает на какого-то мужика по имени Терри Маллиган, у которого под контролем улицы.

— Терри Маллиган. Не могу сказать, что слышал о нем. Что-нибудь узнали про него?

— Пока нет. Мы практически подкупили детектива в департаменте полиции. Передадим ему имя.

— На хер взятки. У меня уже есть несколько прикормленных копов, я передам им имя, и в течение дня будет ответ.

— Хорошо.

— А как насчет разговорить этого мудака? Что он знает?

Гектор отхлебнул от третьей бутылки пива.

— Он при деньгах. Купил у нас килограмм кокса и пригласил некоторых наших на вечеринку в реально солидный дом в городе. Ребята пошли, и после того, как парень ужрался в говно, он начал трепаться про тебя. Ему неизвестно о наших новых взаимоотношениях. На самом деле, никому, блядь, это неизвестно. Он сказал, что твое правление подходит к концу, и грядет кровавая бойня.

— Бойня, — повторил Борден, рассеянно переводя взгляд на сцену. — С чьей армией?

— В точку. Я чувствую, что все это пахнет дерьмом, Борден. И я начинаю думать, что это дерьмо ни к чему в итоге не приведет. Кто здесь более влиятельный, чем ты? Никто. Если кто-то хочет захватить власть, для них это совершенно безнадежно — слишком много людей будут бороться на твоей стороне.

— Деньги, — хладнокровно ответил Борден. — Преданность большинства людей можно купить, если у человека есть достаточно денег. Я не доверяю никому из тех, кого купил, а куплены у меня девять из десяти. И если они захотят скинуть меня, я не смогу их остановить. Быть наверху — это огромный риск.

Гектор сжал губы.

— Звучит одиноко.

Так и было. На долю секунды Борден задумался: как он выживал все эти годы без Эммы? Если она исчезнет, он станет никем. Такого одиночества еще раз он не выдержит. Он разрушит себя, впад в ярость и ступив на тропу войны, оставляя за собой только кровь и трупы.

— Понравилась? — неожиданно спросил Гектор, указывая на какую-то брюнетку, извивающуюся около шеста на небольшой сцене. — Ты не отводишь от нее взгляда.

Борден даже не осознавал, куда смотрел — его мысли были очень далеко. Он изучающе посмотрел на девчонку — на каждый обнаженный сантиметр ее тела — и ничего не почувствовал. Абсолютно ничего. Ни малейшего шевеления желаний. Никакого любопытства выяснить, что под ее коротенькой юбочкой. Это стало неинтересным после встречи с Кейт, но теперь превратилось в явное сравнение, которое он мысленно проводил. Ни одна девушка не дотягивала до Эммы. Это все, о чем он думал в эти последние долбаные дни. *Эмма. Эмма. Эмма.*

— У меня лучше, — ответил он.

Гектор хмыкнул.

— Ясное дело.

Борден прищурился на байкера.

— Ты можешь продолжать втыкать свой член в бесчисленное количество кисок, но это не означает, что нельзя остановиться на одной.

— При всем моем уважении, Борден, она должна быть сделана из золота, иметь вкус рома и запах охуенных разноцветных лилий. А, по моим последним сведениям, таких кисок не существует.

Впервые с тех пор, как он узнал этого кретина, Борден по-настоящему улыбнулся.

— Это, скорее всего, к лучшему, Гектор. Ни одна девушка не должна в конечном итоге остаться с таким мужчиной, как ты.

Гектор согласно кивнул.

— Черт, нет. Мне нравятся мои женщины. И их *множественное количество*. Так оно и останется.

Типичный байкер.

— Тогда ты такой же, как и твой брат.

Гектор недоверчиво засмеялся.

— Судя по внешнему виду этого ублюдка, у него нет никаких шансов закрутить с цыпочками.

— Ты будешь удивлен количеством женщин, которые находят шрамы привлекательными.

— Шрамы? Это отвратительно. Они либо слепые, либо им платят за это.

— Если бы он побрился, то выглядел бы лучше тебя.

— Ну, мы знаем, почему это случится.

Верно. Хоук тщательно охранял тайну своей личности. Только клуб и Борден знали, кто

он. И так должно было остаться — это вопрос жизни и смерти.

— Итак, каков план? — спросил Гектор Бордена, возвращаясь к насущной теме.

— Что ты хочешь, чтобы произошло?

Лицо Бордена потемнело.

— Чего я хочу? Я хочу, чтобы Бык запел.

Гектор широко улыбнулся, указывая горлышком бутылки в сторону Бордена.

— Это мы можем.

Эмма

Прошло два часа, а Борден и Гектор до сих пор не появились, и к этому времени я уже немного пошатывалась и хихикала, как дурочка. Кто же знал, что Хоук и Грэм окажутся лучшими собутыльниками?

Хоук сознательно выпил только одно пиво, а Грэм при этом сказал:

— К черту все! Я работаю каждый сраный день по двадцать четыре часа. Я заслужил это.

Я ахнула:

— Грэм, ты только что выругался?

— Он, блядь, сделал это, — сказал Хоук, награждая Грэма увесистым шлепком по спине. — На хер эти сопли! Это операция «Напои Грэма», и мы, блядь, собираемся продолжать это, пока его рот не заставит нас покраснеть.

И Грэм сделал это. Пиво лилось в него, как вода. После четвертой бутылки он встал и включил стереосистему, установив радиостанцию с ужасной кантри-музыкой.

— Нет, — закричала я, спрыгнув со стула и рванув к стерео. — Только не деревенщина! Все, что угодно, кроме деревенщины!

Но Грэм преградил мне путь, с торжественным видом покачав головой.

— Это мой джем, Эмма. Не будь занудой. (*Прим.: сокр. от jamsession — джем-сейшн*).

Я умерла. Сдохла. Взорвавшись смехом, я воскликнула:

— Я зануда?

— Да, ты обсираешь мою вечеринку.

Такой смешной.

Я услышала, как Хоук подавился глотком своего пива.

— Оставь, Эмма. Это неплохое дерьмо.

— Тебе тоже нравится кантри? — я изумленно уставилась на него, хотя знала, что он — кусок дерьма. — Вы, должно быть, безбашенные! Я нахожусь в окружении жестоких преступных засранцев, которым нравятся ритмы банджо и скрипки вместо хрипатых голосов, поющих о смерти и беспорядках.

— В нашей жизни и так достаточно смертей и беспорядков, — ответил он.

Пожав плечами самой себе, я вернулась к своему пиву, оставив Грэма с его кантри-музыкой. Пила я маленькими глоточками, удостоверившись, что растяну бутылку, дабы не зайти слишком далеко. В воспоминаниях о днях моей юности я была способна выпить нереально много за короткий промежуток времени. Теперь я перешла в легкую весовую категорию и нуждаюсь в минимальном количестве. Хотя часть меня хотела тупо нажраться, чтобы появился предлог не поехать к бабушке.

О, Боже! Я же собиралась ехать к бабушке!

И даже если не из-за этого, мне следует вести себя здесь прилично. Сейчас рабочее время, и если бы Борден меня не трахал, то, вероятнее всего, уволил бы за такое поведение. *Минуточку...*

— Борден разозлится на нас за это? — спросила я.

— Скорее всего, — ответил Грэм.

Хоук сделал еще глоток.

— Борден злится на все. Почему это должно иметь значение?

Я пожала плечами.

— Верно подмечено.

Мы зависли в главном баре. Не могу вспомнить, о чем мы разговаривали. В основном, о чем-то незначительном. Бесцельные разговоры: от случайных фактов до пошлых шуток, которых у Хоука оказался бесконечный запас. В данный момент это была уже сотая его шутка. Они были бестактными и грубыми — именно такими, как я любила.

— Какая разница между наркодилером и проституткой? — спросил он, переводя взгляд с Грэма на меня с таким серьезным лицом, что делало ситуацию еще смешнее.

Я ахнула и подскочила:

— Ой, ой, это я действительно знаю! Проститутка может помыть и перепродать свою щель. (*Прим.: игра на одинаковом звучании слов: crack — щель и crack — крэк, кристаллическая форма кокаина*).

Хоук рассмеялся.

— Что за херня? Где ты это услышала?

— Ой, да ладно тебе! Я была поблизости.

Грэм покачал головой, фыркнув носом.

— Мерзость!

— До этого я рассказывал о мешочке Санта Клауса, а почему-то мерзостью стало только это? — возразил Хоук.

— У Грэма деликатные уши.

— Больше похожи на уши какого-нибудь ссыкуна.

Грэм вздохнул.

— Вы дерьмовые собутыльники. Вы оба.

Он словно впал в хандру и отсел в противоположную сторону бара, правым ухом прислонившись к динамику. Мы наблюдали, как он расслаблялся в своем маленьком мире: глаза прикрыты, губы шевелятся синхронно со словами звучащей песни.

— Часто Грэм так делает? — спросила я Хоука.

Он кивнул.

— Раньше постоянно. До того, как появилась ты. Он заканчивал работу и часами просиживал в баре.

— У него нет жены или... мужа?

Хоук хмыкнул.

— Не-а, много лет назад он потерял свою жену.

Я распахнула глаза.

— Как она умерла?

— Она не умерла. Просто сбежала с его напарником. И через неделю он ушел из полиции.

Вау! Что?

— Он был полицейским?

Хоук глотнул еще пива.

— Да. Одним из лучших.

— Как случилось, что в итоге он работает на Бордена?

— Не знаю. Борден пришел к нему и предложил работу. Может, он устал следовать правилам и захотел заботиться только о себе. Или, возможно, плата была слишком хороша, чтобы отказываться — даже для полицейского.

Несколько минут я ничего не говорила, а продолжала смотреть на Грэма, растворившегося в его дерьмовой музыке. А затем повернулась к Хоуку лицом к лицу.

— А что насчет тебя? — спросила вслух, вглядываясь в его лицо. — Как ты в итоге оказался с Борденом?

Его губы сжались, а затем он сделал еще один глоток пива. Его кадык подскакивал, и от этого я засмотрелась на него на несколько минут. Мои глаза блуждали по его верхней части тела. Хоук был большим парнем. Почти таким же большим, как Борден. Он перестал пить, когда заметил мои подглядывания, и я небрежно посмотрела в сторону.

— А что насчет меня? — низким голосом спросил он.

— Как ты в итоге оказался с Борденом? — с трудом выдавила я.

Он бросил взгляд на свою изуродованную шрамами руку. Я тоже посмотрела на нее — средний палец отсутствовал. Теперь, имея возможность открыто рассматривать, я обратила внимание, насколько ужасно это выглядело. Это определенно был не чистый срез, как если бы он случайно отрезал его или что-то подобное. Нет, это выглядело коряво, с толстыми рубцами, пересекающими всю руку.

— У меня были свои причины, — наконец, пробормотал он.

— Ты мог бы быть байкером.

— Мог бы.

— Но вместо этого выбрал Бордена.

Он медленно кивнул, не раскрыв рта.

Я склонила голову набок. Мой расслабленный алкоголем мозг переполняли вопросы.

— Ты предан ему, не так ли?

Он посмотрел на меня. В его глазах я увидела замешательство.

— Ты же не думаешь, что это я?

— Та первая встреча с Гектором была довольно напряженной.

Я увидела, как до него постепенно доходит.

— Ты думала, я бы стал защищать своего брата?

Я пожала плечами.

— А разве нет?

— Нет.

И это все, что он собирался сказать по этому вопросу. Не знаю, почему поверила ему, но это так. Несмотря на то, что после истории с Блайт я больше не доверяла собственным суждениям, здесь было что-то более реальное, касающееся Хоука и его преданности Бордену.

— Почему я не нравлюсь тебе? — с любопытством спросила я.

Его губы дернулись.

— У меня нет антипатии к тебе, Эмма.

— Но ты всегда такой мудака по отношению ко мне.

— Как раньше уже говорил Борден, я мудака по отношению ко всем.

— Но со мной ты ведешь себя особенно по-мудацки. Я уже так долго с Борденом, он так сильно обо мне заботится. Неужели хотя бы из-за него ты не можешь смягчиться по отношению ко мне?

Он стрельнул в меня взглядом своих карих глаз.

— Именно потому, что ты с Борденом, я не могу смягчить свое отношение к тебе.

— Почему?

— Ты можешь обманывать его.

Я приподняла бровь.

— Изначально я не хотела быть с ним, Хоук.

— Ты лжешь. В тот первый вечер в клубе, когда я притащил тебя к нему. Я видел, как ты на него смотрела.

— Я испугалась его.

— А еще он заинтересовал тебя, — он внимательно наблюдал за мной, пытаюсь прочитать правду на моем лице. — Во всяком случае, я видел, что происходило. Я не хотел, чтобы он потерял контроль. Думал, что ты будешь очередной из. Он никогда не заботился о девушках, Эмма. Мы регулярно направляли в его квартиру девушек из эскорт-услуг, но они прибегали обратно десять минут спустя, проклиная его. Некоторые из них считали его геем. Говорили, что никакие их усилия не могли заставить его член шевельнуться. Затем появляешься ты собственной персоной. И вдруг он готов сделать все, что угодно, лишь бы добиться тебя. Такое было впервые.

Я почувствовала, как к щекам прилило тепло.

— Да, и теперь он в одной из комнат с целой кучей женщин.

— А ты будешь гребаной идиоткой, если станешь волноваться об этом.

— Я просто девушка. И ничего не могу с собой поделаться.

— Вот тебе раз! Из всех вещей, о которых следует волноваться рядом с таким парнем, ты переживаешь по поводу полуголых девиц, фланирующих вокруг него? Брось, девочка. Разве ты никогда не просыпалась посреди ночи от мысли, какого хуя ты делаешь в нашем мире?

— Да, — честно ответила я, чувствуя, что сама втянула себя в этот разговор. Но мне нужно было с кем-нибудь об этом поговорить. Блайт никогда бы не поняла, а Грэм никогда не захочет об этом разговаривать. — Бывало, я не могла заснуть и каждую ночь думала об этом. Все время сомневалась в своем здравомыслии. Задавалась вопросом, как я могу любить кого-то настолько сумасшедшего, а потом вспоминала некоторые вещи, которые совершала, пока выросла. То, чем я не горжусь или выбор, о котором действительно не жалею. И я поняла, что, возможно, мы все немного сумасшедшие.

— Борден убивал людей.

— Я знаю.

— И все равно любишь его?

Я кивнула, глядя в его серьезные карие глаза.

— Да. Это неправильно?

Мгновение он не отвечал, а потом усмехнулся.

— Дорогуша, какого хера я могу знать о том, что правильно или неправильно? Я рос байкером, в байкерском рассаднике, и все это гребаное время вокруг были только кровь и убийства, пока не угодил за решетку за собственные преступления. Я не самый подходящий

человек, чтобы ответить на твой вопрос.

— Я по-прежнему хочу знать твое мнение, — надавила я.

Он помедлил, удивленный моей настойчивостью.

— Да, — наконец, сказал он. — Это неправильно.

Я опустила взгляд и нахмурилась, когда он добавил:

— Но иногда неправильное не так уж плохо. Иногда бывает, что именно это и нужно человеку. Иногда два минуса дают плюс.

— Но в жизни не так, как в поговорке.

— К хренам поговорки. Это правда.

Я почувствовала, как на сердце немного полегчало. Он разговаривал со мной так, словно его искренне волновал этот разговор. Никогда не думала, что ненависть к кому-то сможет в мгновение ока перерасти в дружбу. Мне нужна была горькая правда. Возможно, Грэм не хотел, чтобы я услышала это, но, могу сказать, Хоук всегда говорил напрямик, независимо от того, с кем разговаривал.

— Прости, что был мудаком с тобой, — с раскаянием добавил Хоук. — Я так веду себя, когда пытаюсь выстроить границы.

— Зачем тебе границы со мной? Если бы ты вел себя со мной так, как сейчас, у нас с бы самого начала были хорошие отношения.

Его улыбка исчезла, и он просто смотрел на меня. Этот взгляд говорил о том, о чем лучше не говорить вслух ради собственного же блага.

— Какого хрена! — прокричал знакомый голос. Мы повернули головы и в очередной раз увидели Линду: руки в боки, сердитый взгляд направлен на нас. — Вы бы не убавили проклятую громкость? К вашему сведению, все остальные работают, в то время как вы, ребята, напиваетесь здесь, как безответственные говнюки. Я пытаюсь нанять нового бармена после того, как Соня решила бросить меня на произвол судьбы, и я НИХУЯ НЕ СЛЫШУ из за этого раздражающего дерьма, что доносится из стерео!

Но Грэм только повернулся к системе и сделал музыку еще громче, заглушая все ее остальные слова. Она покраснела от злости, показала ему средний палец и в гневе выбежала. Мы покатались со смеху. Черт, да! Было отлично поставить ее на место. Я залезла ногами на стул и зааплодировала Грэму за его выходку.

— Молодец! — выкрикнула я. До того момента, как попыталась слезть вниз, я не осознавала степень своего опьянения. Потеряв равновесие, я свалилась со стула, но Хоук подхватил меня, не дав рухнуть на пол, и быстро поставил в вертикальное положение. Я рассмеялась над своей глупостью, и он улыбнулся, глядя на меня сверху вниз и качая головой.

— Спасибо, — сказала я.

— Что? — прокричал он.

Я приподнялась на цыпочках и крикнула ему в ухо:

— Я сказала «спасибо»!

Он кивнул.

— Нет проблем.

Я отстранилась от него и добавила:

— Прости, что обозвала тебя Чубаккой! Ты не похож на него. Даю слово. На самом деле, ты хороший.

Он снова стал кивать, но резко замер. Его тело напряглось. Я взглянула на него: взгляд

направлен прямо перед собой, улыбка исчезла. Мне не нужно было оглядываться, чтобы понять. Присутствие Бордена я почувствовала в воздухе. Даже при включенной музыке я была уверена, что замолчали все.

Я медленно обернулась. Его стоящая в середине комнаты фигура была высокой и застывшей. Голубые глаза на мгновение, показавшееся вечностью, задержались на мне. Изучив меня с ног до головы, он сжал челюсти — его гнев возрос. Затем он мельком взглянул на Грэма, и этот простой жест был тому приказом повернуться к стереосистеме и выключить кантри.

Последовала неловкая тишина — из тех, что заставляют ваши легкие работать сильнее — пока Борден спокойно анализировал ситуацию. Я поймала взгляд Гектора, стоящего в метре за его спиной — он забавлялся нашей ситуацией, привалившись спиной к стене. Боже, он выглядел довольным, словно какое-то время уже наблюдал за нами. О, Господи, как долго? Я оглянулась на Бордена. Он переводил взгляд с Хоука на меня с выражением неприкрытого презрения. Я ожидала, что он скажет что-нибудь, спросит, какого хера мы делаем. Никогда не думала, что его лицо может быть еще мрачнее. На днях я уже видела этот взгляд, но только мимолетно и в виде небольшой вспышки. То самое выражение лица, которое появлялось, когда его чувство собственности зашкаливало. Обычно это происходило, когда на меня неподобающим образом смотрел мужчина.

Наконец, он склонил голову в направлении Грэма.

— Ты пьян? — низким голосом спросил Борден.

Грэм спокойно кивнул.

— Чертовски близок к этому, мистер Борден.

— Тогда ты бесполезен. Уходи домой. Возвращайся, когда соберешься относиться к своей работе более серьезно. Тебя это тоже касается, Хоук. Уебывай отсюда.

В то время как Грэм кивнул и начал собирать свои вещи, чтобы уйти, Хоук остался на месте. Его лицо и тело были напряжены.

— Я выпил от силы одно пиво, — сказал он. — Я в порядке.

— Меня не волнует, даже если ты выпил чайную ложку этого дерьма. Я хочу, чтобы ты убрался.

— Ты серьезно отправляешь меня домой?

— А что я только что сказал?

— Борден, — негромко прервала я его, поднимая к нему руку, — это моя вина. Я вынудила их к этому...

— Не лезь в это, куколка, — резко оборвал он, давая мне во всей красе насладиться его свирепым видом. — Я говорю с этими людьми, которым поручил заботиться о тебе и которые решили, что могут пить на гребаной работе, как будто я управляю клубом, подобным тому, в котором вырос Хоук.

По лицу Хоука растекся гнев, губы подергивались, когда он ответил:

— Это полный пиздеж, и ты знаешь об этом. Я только что сказал тебе, что выпил всего одно пиво...

— И я только что сказал тебе, что мне похуй.

— Ладно, это убогая отмазка, Борден! Я знаю, что происходит. Ты распереживался, потому что я совершенно безобидно поболтал с твоей девушкой? В самом деле, после всего, что я для тебя сделал, ты будешь стоять здесь и сомневаться в моих намерениях? Да пошел ты на хуй!

Борден шагнул ближе и, сжав кулаки, прорычал:

— Не смей хамить мне! Вспомни, кому ты подчиняешься с тех пор, как я спас твою гребаную задницу. Убирайся на хуй отсюда, прежде чем я напому тебе каждую секунду этого, мудака! Возвращайся, когда твои желания к кому-то, кого ты не можешь иметь, станут не так охуенно очевидны.

В мгновение ока Хоук схватил недопитую бутылку и резко швырнул ее через всю комнату — мимо Бордена и в паре метров от Гектора. Она разбилась о стену, достав осколками лицо и руку Гектора. Он отстранился, бросив на старшего брата шокированный взгляд. Хоук сделал пару лихорадочных шагов в направлении Бордена. Все его тело дрожало от ярости, но Грэм даже в пьяном ступоре успел вовремя добраться до него. Он навалился на Хоука, толкая его в грудь, и несколько раз сказал ему прогуляться. Гектор подскочил так же быстро, схватив Хоука за руку и толкнув в сторону выхода.

— Пойдем, брат, — сказал Гектор. — Это плохо закончится, если ты не уймешься.

— Я ничего, блядь, не сделал, — прорычал Хоук.

Как раз тогда я поняла, что Хоук, ростом выше метра восьмидесяти и с телосложением борца, мог бы легко их отшвырнуть, чтобы добраться до Бордена. Но он позволил им вытолкать себя, все время сверля Бордена взглядом, в котором отражалось так много противоречивых эмоций: ненависть, предательство, печаль. И тяжело было наблюдать практически полное отсутствие реакции со стороны Бордена. Он смотрел этим пустым жестким взглядом, по-прежнему сжимая кулаки.

— Пошел ты на хер, Борден! — последнее, что сказал Хоук, прежде чем убраться отсюда. Борден даже не моргнул — настолько сдержанно-холодным он был на протяжении тех секунд, пока они уходили. Затем он повернулся ко мне, и я увидела, как это выражение исчезло с его лица. Быстро подойдя ко мне и чуть не сбив с ног, он резко схватил меня за подбородок и заставил взглянуть на него снизу вверх. Хватка была грубой, но его прикосновение заставляло меня дрожать. Миллиметр за миллиметром он изучал мое лицо. Его ноздри раздулись, и я в ответ уставилась на него. Мой рот слегка приоткрылся, глаза были прикованы к нему.

— Ты на самом деле чертова пьянь, — с отвращением выплюнул он. — После всего, что ты рассказывала о своей матери и о том, почему ты не пьешь, ты, блядь, хватаешься за бутылку и решительно окунаешься в это дерьмо? Какого хрена с тобой не так, Эмма?

Что не так со мной?

Я вскипела и гневно выпалила:

— Я просто устала ждать, пока ты насладишься чертовым стриптизом! Ты получил удовольствие?

Его лицо окаменело.

— Твой мозг отказывает, когда ты выпьешь? Тебя перемкнуло или что-то в этом роде? Потому что это, должно быть, алкоголь сейчас вытрахал у тебя все мозги.

— Я не пьяная. Я знаю, что говорю.

С раздраженным ворчанием он опустил руку и, резко схватив меня за запястье, потащил через весь клуб к одной из частных комнат. Впихнув меня туда, он с грохотом захлопнул за собой дверь. В комнате был полумрак. С одной стороны стояли черные кожаные диваны, стена была задрапирована красными шторами — видимо, это те самые дурацкие шторы, про которые говорил Хоук. Несколько небольших подиумов с шестами — каждый рассчитан на одного человека — занимали другую сторону комнаты. Похоже на некую смесь зала для

вечеринок и мини-стриптиз-клуба. Смотрелось все шикарно и элитно, но все же напоминало пещеру. Пахло смесью свежего одеколона — таким же пахло от Бордена — и духами. Мой позвоночник напрягся, когда я осознала, что именно здесь он был с Гектором и девушками.

— Ты думала, что я наслаждался здесь приватными танцами? — прорычал он, заставляя меня встать перед ним. Он прижал меня спиной к своей груди и обвил рукой талию.

— А что девочки делали здесь, если не танцевали, Борден?

— Да, они танцевали, но я, блядь, даже не взглянул на них, куколка. Я разговаривал о делах, пока ты снаружи напивалась с таким, как Хоук.

— Повторюсь, я не пьяная, — парировала я. — И почему в комнате, где вы говорите о делах, присутствуют девушки, когда Гектор совершенно четко сказал что-то вроде, — я сделала воздушные кавычки, — «место сучек за дверью и на коленях».

— Потому что Гектор — это кусок сраной туалетной бумаги. Но я вижу, что здесь произошло. Ты услышала, что я здесь с девочками, и решила отплатить мне...

— Теперь ты думаешь обо мне самое, черт возьми, худшее!

Он вдруг развернул меня кругом, сжимая плечи обеими руками, прижал к себе и гневно посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты могла бы пойти в офис, закончить работу с какими-нибудь долбаными документами, которые не успеваешь сделать, вместо того, чтобы, блядь, крутиться в компании самых близких моих охранников, в придачу ко всему — в руках, блядь, одного из них...

— Я упала, и он поймал меня.

— Я предпочел бы, чтобы он не находился настолько близко, чтобы мог поймать тебя, куколка.

— Ты говоришь, что лучше, чтобы мне было больно?

— Я бы предпочел, чтобы ты в общем и целом избегала выпивки.

Я прищурилась на него.

— Ты ревнуешь, так ведь? Вот что происходит?

Он стиснул зубы, наклонился ближе ко мне и прошипел:

— Да, я чертовски сильно ревную. Я чувствую это везде: оно бурлит в моей крови, стучит в мозгу, как сраный кирпич по черепу, — и все, о чем я продолжаю думать, это твой гребаный взгляд, когда он, сука, поймал тебя. Меня взбесил этот гребаный взгляд, Эмма. Я хочу нагнуть тебя над этим диваном, вцепиться тебе в волосы, вогнать внутрь тебя свой член и трахать до тех пор, пока ты, блядь, не запомнишь, на кого ты должна смотреть таким взглядом. Вот степень моей ревности.

Я была слишком ошеломлена, чтобы ответить. Сердце колотилось в груди, и я пыталась подобрать слова. Пыталась так мучительно, ломая себе мозг. Но ничего толкового не получилось, кроме дрожащего:

— Ты не должен делать этого с Хоуком. Это не его вина. Мы просто помирились и...

— Давай начистоту, Эмма. Он не твой друг. Ни он, ни Грэм. Они никогда не будут твоими друзьями. Они работают на меня и защищают тебя.

— Это неправда. Грэм много значит для нас. Он всегда был рядом.

— Он рядом, потому что я плачу ему за это.

— Я в это не верю. Я не верю также, что ты так относишься к своим людям.

Лицо Бордена напряглось.

— Ты не понимаешь, да? Я не хороший человек, Эмма. И то, что тырываешь меня

изнутри, не означает, что я мягкий. Если кто-то из них завтра предаст меня, я вгоню пулю в их гребаные головы. Если Хоук посмотрит на тебя так, как делал это десять минут назад, я привяжу его к стулу и скормлю ему его же собственный член. Я не хороший человек. Кроме тебя, я ничего ни к кому не чувствую.

Он не дал мне возможности задать вопрос. Просто отпустил меня и шагнул назад.

— Забирайся на диван, — сказал он. — Колени раздвинуты, грудью на подушку.

Мое сердцебиение ускорилося.

— Зачем?

Он склонил голову набок, глядя на меня, как на идиотку.

— Я только что сказал тебе, что хочу нагнуть тебя над диваном и оттрахать.

— Ты имеешь в виду, наказать.

Его губы растянулись в дьявольской ухмылке и прежде, чем я успела ответить, он схватился за ремень, одним быстрым движением расстегивая и вытаскивая его. Держа в одной руке ремень, второй он, схватив меня за запястье, развернул и толкнул в сторону дивана, совершенно уверенный, что одного этого движения будет достаточно. Но я не взобралась на диван, а встала напротив него и спиной к Бордену, настороженно прислушиваясь к его движениям.

Я решила, что не собираюсь делать этого. Я все еще была слишком зла на него и на его приказы, чтобы принимать сексуальные позы в комнате, которую он совсем недавно занимал в компании голых девок. Пошел он на хер.

— Ты действительно собираешься усложнить это? — спросил он. — Хочешь, чтобы тебе было больно?

— Я хочу, чтобы больно было тебе, — меня охватил гнев. — За то, что ты такой гребаный мудака.

— Ты просто бесишься из-за девочек.

— Я бешусь не из-за девочек, а из-за того, как ты разговаривал с Хоуком, из-за того, как сильно ты стараешься делать вид, что тебя не заботят другие люди.

Он приближался, пока не оказался практически вплотную за моей спиной. Я почувствовала, как он собрал мои волосы в кулак и резко дернул их. Моя голова откинулась, и зубами он вцепился в мочку моего уха. Последовал укус, после чего он отпустил и прошептал:

— Залезай на диван.

— Ты не можешь все исправить с помощью траха, Борден.

— Я не пытаюсь что-то исправлять, трахая тебя, Эмма. Я подтверждаю гребаные факты.

— Какие факты?

— Что ты принадлежишь мне. Что ты никогда больше не будешь касаться другого мужчины. Что ты, блядь, моя не потому, что я потребовал, а потому, что ты сама этого захотела. А что касается девушек, Эмма... Они никуда для меня не значат. И в глубине души ты знаешь это.

Прежде чем я успела ответить, он рывком нагнул меня, и я с готовностью подчинилась. Я принадлежу ему — всеми возможными грязными способами. Этого никогда нельзя было отрицать, как бы сильно я не злилась. Я услышала, как он расстегнул молнию брюк. Его дыхание стало резким и прерывистым, когда он подошел вплотную ко мне.

— Не смей пить, если рядом нет меня, — сказал он. — Поняла?

Я кивнула.

Он схватился за мою юбку и задрал ее на бедра. Потом сгреб мои трусики и, разорвав, бросил где-то рядом. Вцепился руками в мою задницу, сминая плоть, после чего последовал резкий шлепок по одной ягодице. Я вздрогнула. Острая боль ощущалась хорошо, особенно когда он начал поглаживать линию между моих ягодиц по направлению вниз, до самой киски. Попутно он бормотал, какая мокрая я была, какой тугой я буду и как, отправляясь на сегодняшний ужин вечером, я буду скрывать боль, которую он оставит у меня внутри.

Я закрыла глаза, смакуя его слова, а потом он схватил меня за бедра и резко толкнулся внутрь. Тут не было ни капли нежности. Он трахал меня быстро и жестко, склонившись над моим изогнутым телом, кусая и всасывая любой открытый участок кожи. Его удары отдавались глубоко внутри. Я чувствовала, как его яйца с громкими хлопками бились о мою плоть, а длинный и толстый член скользил внутри, опустошая меня каждым своим движением. И этот его волшебный пирсинг всегда добавлял в нашу близость дополнительную искру. Когда удовольствие стало почти невыносимым, я начала извиваться, а потом взорвалась. Стенки моей киски сжимались вокруг него, пока я тонула в волнах наслаждения.

Очень скоро он сдался, кончив в меня, но не вышел и не отстранился. Оставаясь глубоко во мне, он обнял и потянул меня вниз на диванные подушки. Прижавшись грудью к моей спине, он поцеловал меня в плечо и сказал:

— Как я уже говорил, куколка, это только ты.

Борден

Старики.

Самые предвзятые люди из всех.

И сегодня он должен стойко перенести ужин со старой, воинственно настроенной женщиной, которая, скорее всего, попытается оторвать ему яйца — это будет что-то! Но он не стал бы осуждать Дарлин, окажись на ее месте. В конце концов, он трахал ее внучку — нужно добавить, *весьма основательно* — и, конечно, был далеко не рыцарем в сверкающих доспехах.

Она, вероятно, замечала синяки на коже Эммы и, наверняка, хмурилась на ее нелепые объяснения, когда внучка приходила к ней домой в сопровождении его людей. Наверное, слушая, как Эмма всякий раз защищала его, старуха убеждала ее держаться от него подальше.

В глазах Дарлин он, скорее всего, жестокий сталкер с патологической манией контроля и хорошо подвешенным языком. Он настолько хорошо промыл мозги ее внучке, что она защищает его, как послушная маленькая рабыня, у которой желание к нему стоит на первом месте.

Другими словами, это будет потрясюще.

Он ухмыльнулся своей маленькой бродячей кошке, сидящей рядом с ним, практически прижав лицо к стеклу. Она была встревожена. Все эмоции, после произошедшего днем в баре, утикли. На ней был этот сексуальный маленький ансамбль: подчеркивающее фигуру серое мини-платье и белые колготки. По его мнению, колготки были лишними. Без них у него был бы прекрасный доступ к ее маленькой податливой киске, которой он не смог должным образом насладиться сегодня в клубе. Там был яростный секс, так необходимый его организму, прежде чем он сделал бы какую-нибудь глупость, вроде той, чтобы действительно изувечить Хоука. Он не сожалел о том, что прогнал его. Едва взглянув, он увидел желание в темных глазах бородатого мудака. И Борден послал его на хер для его же собственной безопасности. Если бы тот простоял на мгновение дольше, глядя на его женщину таким взглядом, Борден просто пристрелил бы его. Оглядываясь назад, он должен был обратить внимание на то, что Хоук стал мягче относиться к Эмме. Он должен был заметить, что по отношению к ней мудака стал более терпимым, и вспомнить все его высказывания о ней, которые делались мимоходом, но Борден никогда не принимал их всерьез.

Меры к нему будут предприняты позже.

Он продолжил наблюдать за Эммой. Если бы сейчас она не была в таком подавленном состоянии, словно шла на погибель, он мог бы поднять перегородку за водительским сиденьем и попробовать ее на вкус. К сожалению, по тревожным морщинкам на ее лице он понял, что этому не суждено произойти.

Из-за старухи.

— Ты уверена, что готова к этому? — спросил он. — По твоему желанию мы можем развернуть машину в любой момент, куколка.

— Это только все ухудшит, — тихо ответила она.

— Не совсем. Ты можешь сказать ей, что я занят. Что мне нужно упаковывать трупы в мешки.

Глаза Эммы округлились от шока.

— Борден!

— Ну, тогда, может быть, что у меня запланирована пытка кого-нибудь. Знаешь, назови ей любую из тех вещей, которыми — по ее вероятному убеждению — я занимаюсь в своем логове зла, уходящем десятью этажами под землю.

— Моя бабушка очень старая и слабая, и мне нужно, чтобы ты был джентльменом.

— Ты серьезно считаешь, что во мне есть хоть одна джентльменская косточка, куколка?

— Отрасти одну, потому что мне нужно, чтобы ты произвел хорошее впечатление. Это возможно?

— Абсолютно, черт возьми!

— И ни одного ругательства!

— Тогда все ругательства я оставлю для твоего маленького развратного ротика.

Он продолжал ухмыляться ей, но облизнулся, когда увидел, как она, нервничая, кусала свои губы. Он мог бы сделать это за нее: втянул бы эту нижнюю губу в рот и нежно покусывал, пока ее дыхание не участилось бы, а кожа не стала бы горячей. Словно почувствовав его мысли, она отвернулась и снова стала печальной. Она снова и снова сжимала и разжимала руки, и игривое настроение Бордена исчезло, как только он понял, насколько она была напугана.

— Эмма, — мягко сказал он. — Все пройдет хорошо.

Она с сомнением взглянула на него, словно ожидая какого-то завершения. Неужели ей так трудно было поверить в его искренность?

Он скользнул по кожаному сиденью, обнял ее за плечи и притянул ближе к себе, прижимая ее личико к своей груди. Она нехотя позволила это и, уткнувшись в него лицом, наконец, крепко обхватила его за талию. Словно цеплялась за свою жизнь. Борден выдохнул, удивленный ее уязвимостью. Черт возьми, в конце концов, это важно для нее.

Возможно, она и потеряла своих родителей, но бабушка была ее миром, и он не должен относиться к этому легкомысленно. К этому надо подходить с вниманием, и ему нужна... *осторожность*.

Он погладил рукой ее длинные черные волосы и рассеянно взглянул в ночь, когда автомобиль начал маневрировать между старых домов. По этим улицам ребенком Эмма ходила бесчисленное количество раз. Он отдал бы все, что угодно, лишь бы заглянуть в ее жизнь до своего появления. Увидеть ее ребенком, одиноким и запутавшимся. Именно тогда в груди Бордена что-то перевернулось. Он узнал это чувство. Сострадание. Ему не хотелось, чтобы его маленькая петарда так огорчалась.

— Я буду истинным джентльменом, — мрачно пообещал он. — Потому что это важно для тебя, а я хочу, чтобы ты была счастлива.

Она отстранилась от его груди, и взгляд ее теплых карих глаз встретился с его взглядом.

— Правда? — спросила она.

— Конечно, — ответил он.

Она расслабилась.

— Спасибо, Маркус. Я никогда не просила тебя об одолжении, но, думаю, после всего, во что ты меня втянул, я заслуживаю этой малости. Бабушка будет слишком строга к тебе, и ты будешь злиться из-за этого, но я хочу, чтобы ты держал себя в руках. Чтобы ты просто...

потерпел.

— С небольшим изнасилованием я смогу справиться.

Она внимательно посмотрела на него, и небольшая улыбка изогнула ее губы.

Он сухо рассмеялся.

— Не пытайся разглядеть в моей фразе слишком многое. Ты знаешь, что я имею в виду.

Но ее улыбка не изменилась.

— Эмма, это будет возможным, только если насиловать будешь ты. Со старушкой у меня ничего не получится.

— Нет?

— Нет.

Она прошлась нежными поцелуями вдоль его шеи и, когда добралась до уха, сделала то, что он сам делал так много раз. Она взяла мочку его уха в рот и нежно прикусила. Он ощутил это всем телом от головы до члена и задохнулся от ее дерзости.

— Ты должна быть несчастной, — проворчал он, когда губами она добралась до его рта. — Ты не должна ко мне приставать. Знаешь же, как я на это реагирую. Знаешь, как я теряю волю рядом с тобой. Один маленький взгляд, и мне уже необходимо трахнуть тебя.

— Ничего не могу с собой поделаться, когда ты со мной.

— Тебе придется. Потому что если ты сделаешь это перед бабушкой, то травмируешь ее на весь оставшийся вечер и не сможешь ручаться за мои действия.

Эмма засмеялась.

— Знаешь, а ты любую дерьмовую ситуацию можешь сделать сносной.

Он улыбнулся бы, если б сердце в груди не сдавило. Вместо этого мужчина нежно поцеловал ее. Ему было чертовски приятно, что он мог заставить ее почувствовать себя лучше. Эмма отстранилась от него сразу, как только Джерри припарковал машину на обочине перед домом ее бабушки. Они вышли, и она быстро заправила волосы за уши и пригладила их ладонями.

Свет на переднем крыльце был включен, и к тому времени, как они подошли, Эмма отдалилась от Бордена на несколько шагов. Он нахмурился оттого, что она решила держаться на расстоянии, и протянул к ней руку.

— Не надо, — шепнул он ей. — Мы сделаем это вместе.

Она не осознавала, что сделала это.

— Прости, — прошептала она, извиняясь, и взяла его за руку.

Он притянул ее к себе и позвонил в дверь. Ее напряжение явственно ощутилось, когда дверь открылась не сразу. Бабушка стояла перед ними, и, если бы не желчное выражение лица, он бы решил, что это самая очаровательная пожилая леди из всех, что ему доводилось видеть. Белые волосы собраны в пучок, легкий румянец на бледной морщинистой коже ее щек.

— Входите, — просто сказала она, открывая дверь. Взглядом своих темных глаз она в отвращении скользнула по Бордену.

Он не отреагировал на этот взгляд. Если угодно, его это даже забавляло. Прежде чем войти, он вскользь через плечо посмотрел на Джерри, который все еще сидел в своей машине, а затем на два других автомобиля сопровождения, припаркованных поблизости.

Его охрана была надежной, хотя он предпочел бы, чтобы среди них были Грэм и Хоук.

Повернувшись, он холодно улыбнулся старушке и шагнул в дом. Дарлин обменялась с ними взглядами, когда они вошли. Ее лицо было мрачным, но она заставила себя

улыбнуться, когда Эмма взглянула на нее. Когда же та отвернулась, Дарлин оценивающе посмотрела на Бордена, но он игнорировал каждую секунду ее глубокого обращенного на него взгляда. Она осмотрела его обычные брюки и серую рубашку с длинным рукавом. Отросшая борода делала его более пугающим, и, как следствие, ее волнение усилилось.

— Будьте добры снять свою обувь, мистер Борден, — неожиданно приказала она жестким тоном.

Борден моргнул от этого требования. На мгновение он смог увидеть, у кого Эмма научилась своему дерьмовому тону. Это хрупкое создание не заботило, насколько сильно она была напугана. Он словно смотрел на Эмму через шестьдесят лет.

Но не Эмма сейчас приказывала ему, поэтому он не слишком был готов терпеть это. Но, стиснув зубы, напомнил себе, что делает это для Эммы. Ему удалось кивнуть Дарлин. Она отвернулась и направилась в кухню, попутно потянув Эмму с собой за руку. Эмма с тревогой оглянулась на него через плечо, прежде чем исчезнуть, и он выдавил фальшивую улыбку, которая исчезла в ту же секунду, как девушка завернула за угол. Коротко вздохнув, Борден наклонился и снял ботинки, аккуратно прислонив их к облупленной желтой стене возле двери. А затем последовал за женщинами.

— Пожалуйста, не будь предвзятой, — услышал он тихий голос Эммы. — Пожалуйста, бабушка.

— А почему, ты думаешь, он здесь, Эмма? — ответила Дарлин. — Потому что я так и делаю.

Он выждал еще несколько секунд, пока снова не воцарилась тишина, и вошел.

Эмма

Ужин был тяжелым.

Глаза бабушки были прикованы к Бордену, в результате чего меня не переставая трясло. Я не могла даже удержать вилку, чтобы есть свою пасту, не лязгая по тарелке.

Я никогда раньше этого не делала. Имею в виду, никогда не приводила домой мужчину. И все это усугублялось тем, что я привела мужчину в дом, в котором моя бабуля провела самые отвратительные годы. Все это оказалось такой катастрофой, что я начала смотреть на настенные часы, подгоняя время, чтобы мы могли скорее убраться отсюда. Но мы пробыли здесь ничтожные пятнадцать минут и съели только пару кусочков.

Я ждала от Бордена, что он скажет что-нибудь приятное, типа «У вас очень красивый дом», чтобы как-то начать. Но по Бордену было не похоже, что это когда-нибудь произойдет, и, к тому же, бабушка никогда бы не купилась на подобное.

Через стол я взглянула на него. Он беззаботно копался в своих макаронах и, поймав мой взгляд, подмигнул. Нервное напряжение внутри меня немного поутихло, и я улыбнулась ему. Он ненавидел макароны, но сейчас поглощал их, как наркоман дозу. Я любила его за это.

— Ты не хочешь есть? — спросила бабушка, глядя на мою полную тарелку.

— Хочу, — ответила я. — Просто... я днем обедала с Блайт, вот и все.

— Ты должна питаться, Эмма. К тому же в салате нет ничего вредного. Здоровое питание. Или это тоже изменилось?

Я поймала ее полный неодобрения взгляд в сторону Бордена. Ну, сейчас-то в чем, черт возьми, она его обвиняла?

Я подавила вздох.

— Я ем, — заверила я ее.

Еще больше осуждения.

Еще более неловкое молчание.

А Борден... просто ухмылялся.

Я заставила себя немного поесть. Прошло еще три с половиной минуты.

Это гребаная агония.

— Ну, как работа? — сказала, наконец, бабушка с поддельным интересом, нарушая висящее в воздухе напряжение.

— Хорошо, — просто ответила я.

— Когда ты сказала, что вы двое работаете вместе, это значило в одном помещении?

— Да.

— Так вы постоянно видитеесь?

— Каждый день.

Она натянуто кивнула.

— Я вижу.

А затем повернулась к Бордену, и мое сердце практически приготовилось выпрыгнуть из горла, потому что у нее появилось это по-детски убежденное выражение лица, и я поняла — допрос начинается.

Три, два, один...

— Эмма в течение нескольких лет работала в закусочной. Я тоже всю свою жизнь проработала официанткой, но мне посчастливилось трудиться в более приличном заведении, чем ей. Мне не очень нравился ее босс. Он был жестоким. Ей не нравится признаваться в этом, но я знаю, что там она была несчастна и очень старалась найти другую работу. Но она застряла там и продолжала выполнять свою работу. Я восхищалась ею за это. Не так много людей из тех, что я знаю, попав в те же обстоятельства, по доброй воле оставались бы там так долго.

— Вы правы, — ответил Борден. — Они не смогли бы.

— Это был очень волнительный момент, когда она сказала мне, что нашла другую работу. Я очень благодарна, что вы решили нанять ее и найти достойное применение ее мозгам, мистер Борден.

Вау. Благодарна? Хорошо, хорошо, это может сработать. Теперь все, что должен сделать Борден — не провалиться. Я осторожно посмотрела на него, но он удивил меня ответом.

— Вы можете поставить Эмму в любые обстоятельства, и, я уверен, она будет на высоте.

Бабушка кивнула и вернулась к своей тарелке.

Еще немного еды. Еще несколько минут. Моя надежда воспряла, и я протяжно выдохнула, пытаясь расслабиться. Это была простая вежливость, но в любой день недели я предпочту вежливость враждебности. Это хорошо...

— Эмма очень туманно рассказала, как вы познакомились, и как она стала у вас работать, — добавила бабушка, задумчиво глядя на него. — Мне всегда это было интересно. Что вы увидели в моей внучке, мистер Борден, когда решили взять ее на работу?

Ответ Бордена последовал незамедлительно.

— Я увидел прекрасную молодую женщину, которая меня заинтриговала.

— И как она это сделала?

Борден улыбнулся ей, не размыкая губ. Эту улыбку можно было расценить двояко, если бы он сразу не ответил:

— Своим ртом, — сказал он голосом, вызвавшим озноб в позвоночнике. — Она заинтриговала меня своим ртом, миссис Уорн.

Бабуля просто уставилась на него, ее лицо побледнело, рот приоткрылся.

— Эмма очень эмоциональная женщина, — сказал Борден, поворачиваясь ко мне. — Она говорит все напрямую, без колебаний. Мне понравилась ее честность. Это было ново для меня.

Он вернулся к своей тарелке и съел еще немного, пока бабуля пыталась что-то разглядеть в нем прищуренными глазами. Она отодвинула свою еду, поставила локти на стол и, сложив руки, смотрела на нас с выражением неудовлетворенности.

— Насколько это серьезно? — поинтересовалась она вслух.

Я с ужасом выдохнула:

— Бабуля...

— Я имею право знать, не так ли?

— Но не в первый же день, когда я пригласила мужчину к нам на ужин.

— Именно потому, что это первый раз, когда ты привела мужчину на ужин, я и спрашиваю. Я не хочу переживать повторную трагедию в этой жизни, — настойчиво ответила она. — Думаю, у меня есть все права испытывать опасения, раз ты пошла по тому же пути, что и твоя мать.

— Я совсем не как моя мать, — огрызнулась я. Словно кто-то повернул кран, и мои глаза тут же наполнились слезами. Почему она должна была поднимать эту тему? Сравнить меня с матерью было ударом ниже пояса.

Она с раскаянием посмотрела на меня.

— Я старалась сказать об этом деликатнее, Эмма. Прости, дорогая, если у меня не получилось.

Я смотрела вниз на свою недоеденную пищу. Чувствовала на себе взгляд Бордена, но не могла встретиться с ним глазами. Моя мать была моей слабостью. Вы поднимаете эту тему — и я рассыпаюсь. Внутри меня похоронено слишком много обид, нерешенных и заброшенных.

Стало тихо и неудобно. Никто не ел.

— Так вот что вам не дает покоя, миссис Уорн? — спросил Борден, попадая в самую точку. — Вы сравниваете меня с человеком, который надругался над вашей дочерью?

Я бросила взгляд на бабушку. Она была удивлена его вопросом. Возможно, она не ожидала, что он знает обо всем, что произошло.

— Я просто беспокоюсь о своей внучке, — ответила она. — Я хочу понять ваши отношения.

— Я не причиню ей боли, — сурово сказал он ей. — Только, если она сама этого захочет.

Я чуть не застонала. Мое лицо вспыхнуло, а бабушкины глаза вылезли из орбит. Он умышленно упомянул о синяках, которые она всегда внимательно разглядывала. Он позволил *бабушке* узнать, и теперь ее воображение разыграется.

Но он казался довольным такой реакцией и спросил:

— Что еще вы хотели бы знать, чтобы ваше беспокойство стало меньше, миссис Уорн? Я собираюсь сделать это только один раз. Спрашивайте все, что хотите, и я буду честен с вами.

Бабушка пристально вглядывалась в него. От предыдущего шока не осталось и следа.

— Вы все еще наркоман?

Борден не выглядел оскорбленным.

— Нет.

— Это был героин, не так ли?

На этот раз для ответа ему потребовалась пара секунд.

— Да.

— Как давно вы чисты?

— Четыре года.

Я удивленно моргнула. Удивилась только потому, что ожидала большего срока. По сути это означало, что, даже вернувшись, он употреблял наркотики. Увидев мое удивление, он сжал губы в тонкую линию. Могу сказать, моя реакция обеспокоила его.

— Моя внучка, — продолжила бабушка, — она ничего не видела, не так ли?

Я напряглась, сердце пронзила боль. Неужели он будет рассказывать об инциденте в переулке? Будет ли? Тогда я осознала, что для меня Борден слишком непредсказуем.

— Бабушка, — начала я.

— Нет, Эмма, пожалуйста. Я разговариваю с твоим парнем. Разве он им не является? Ведь сейчас он твой парень?

Назвать Бордена моим парнем звучало как-то по-детски, но я кивнула.

— Да, это так. Но мы пришли сюда не на допрос. Мы пришли вкусно поесть...

— Ты моя плоть и кровь, и я не была бы твоим опекуном, если бы не задала правильных вопросов этому человеку. Я хочу знать, видела ли ты что-нибудь, и хочу услышать ответ от него.

Глядя совершенно непроницаемым взглядом, Борден ответил:

— Например, что, миссис Уорн?

— Вы знаете, что, — медленно ответила бабушка. — Не оскорбляйте меня, делая вид, что не понимаете, о чем я говорю. Я слышана о том, чем вы занимаетесь, и не хочу, чтобы моя внучка находилась в центре всего этого.

— И чем же таким, по-вашему, я занимаюсь?

— Незаконными вещами.

— Это очень расплывчато. Что-нибудь конкретное?

— Это касается наркотиков, тем более у вас есть репутация наркомана... Убийства. Все, что связано с преисподней, в которой вы находитесь. Малейшее соприкосновение с этой грязью, и моя внучка может оказаться в большой опасности. Вам не приходило это на ум? Или вы понимаете, что делаете, и все равно тянете ее к точке невозврата?

Я крепко сжала вилку. *Черт.*

Борден оставался спокойным, хотя я слышала, как разок скрипнули его зубы.

— Весь мой бизнес легален, а все, что вы слышали — это слухи, распускаемые ничего не знающими, несведущими людьми, которые создают себе известность, превращая все это в спектакль. Мне нечего скрывать. Я понимаю ваше беспокойство, но могу обещать, что со мной ваша внучка в безопасности. Она не была бы моей, если было бы по-другому.

Он лгал так гладко, без следов сомнения. Если бы я не была осведомлена лучше, он бы почти убедил меня.

— Вот интересно, мистер Борден, — задумчиво сказала бабушка, — Кейт вы тоже давали такие обещания, прежде чем ее жестоко убили?

Борден застыл, и одновременно с этим моя душа ушла в пятки. Время замерло, и в эту

пролетающую секунду я увидела, как боль Бордена слоями поднимается кверху. Его защитная оболочка треснула, и он истекал кровью прямо передо мной — вся незаживающая боль, все еще живущая в нем, выплескивалась наружу. Он сделал глубокий вдох и начал медленно выдыхать. Бесстрастное выражение лица вернулось к нему, и он открыл рот, чтобы ответить.

— Не отвечай на это, Маркус! — быстро сказала я.

Он стрельнул в меня взглядом своих голубых глаз. Я покачала головой и снова четко произнесла:

— Не надо, — потом я повернулась к бабуле. — Достаточно, бабушка.

Она не обратила на меня внимания. Ее укоризненный взгляд испепелял мужчину, когда она продолжила:

— Он утверждает, что может защитить тебя, что у него все законно, но, тем не менее, перед нашим домом стоят автомобили. И те несколько раз, что ты навещала меня, наш дом был окружен какими-то людьми. Скажите, как она может быть в безопасности, когда вы первый прилагаете столько усилий, чтобы охранять ее, мистер Борден? От чего такого вы ее защищаете?

— Бабушка, — прошипела я, — прекрати.

— Мне нужно знать...

— Тебе нужно остановиться...

— Я не собираюсь останавливаться, пока он не ответит...

— *Достаточно!* — сорвалась я и стукнула кулаком по столу, напугав ее. Она выпучила на меня глаза, прижимая руку к сердцу. Моя же грудь быстро поднималась и опадала, сердцебиение тревожно ускорилося.

Это была ошибка. Ужасная ошибка. Я знала, что так будет. И что, в первую очередь, меня заставило это сделать? Это никогда бы не сработало. Она никогда не примет нас. Какое-то время я держала глаза опущенными в свою тарелку, пытаюсь успокоить дыхание. Зрение было нечетким из-за невыплаканных слез, и я продолжала дышать, пытаюсь остановить беспорядочный поток мыслей, проносящийся сквозь меня. Когда же самообладание, наконец, вернулось, я еще раз взглянула на нее и спокойно сказала:

— Больше никаких вопросов.

Она просто уставилась на меня так, словно впервые видела. Словно вообще меня не знала. И я бы солгала, если бы сказала, что это не разбивало мое сердце. С трудом сглотнув, она медленно кивнула.

Мы снова продолжили есть, или, по крайней мере, делали вид, но за все время больше не было произнесено ни слова. Когда мы закончили, я встала, убрала со стола и помыла посуду. Тем временем бабуля сидела на месте, ее тело обмякло, но взгляд, обращенный к Бордену, все еще был полон ненависти.

— Пора ехать, — сказала я ему.

Он не стал заставлять ждать. Встал и с непроницаемым видом взглянул на нас с бабушкой. Нахмурившись, бабушка наблюдала за каждым его шагом и движением.

— Я не хотел создавать проблем, — прошептал он в мои волосы, проходя мимо.

— Ты их не создал.

— Я буду в машине.

Я кивнула. Его губы скривились, когда он, выходя, повернулся к бабушке, остановившись на пороге кухни. Бабушка наблюдала за ним краем глаза, ее тело было

совершенно неподвижно.

Он вздохнул, и было ощущение, что прошла вечность до того, когда он, наконец, заговорил с осуждением в голосе:

— Я давал Кейт такое обещание, миссис Уорн. Я говорил ей, что все будет хорошо, но подвел ее. Однако, я не собираюсь подводить вашу внучку. Она хочет меня, и я совершенно не собираюсь извиняться за то, что тоже хочу ее. Она будет моей так долго, как сама этого захочет. И чем раньше вы примете это, тем быстрее сможете продолжить свои отношения с ней.

Он исчез из кухни, и через минуту входная дверь закрылась. Теперь, когда мы остались одни, воздвигнутая ею стена рухнула. Она посмотрела на меня — в ее глазах ясно читалось опустошение. Мы посмотрели друг на друга, и вдруг слезы заструились по нашим щекам.

— Бабуля, — нерешительно сказала я.

— Я разочарована в тебе, — дрогнувшим голосом прошептала она в ответ. — И я никогда раньше не чувствовала такого по отношению к тебе. Я не смогла сдержаться, поэтому прости, если сделала тебе больно тем, как отреагировала.

Я вытерла слезы, умоляя понять меня.

— Я люблю его, бабушка.

Она ненадолго прикрыла глаза.

— Да, я вижу, что ты его любишь. Но когда дойдет до дела, этот человек не сможет пообещать, что ты не закончишь смертью, как его прошлая любовь. Когда у тебя слишком много врагов, которые мечтают увидеть твоё падение, один из них всегда найдет для этого способ. И для этого больше не нужно, Эмма. Всего один.

Слова Линды всплыли в моей памяти. Достаточно всего одного.

— Этого не случится. Я знаю, что делаю, и ты должна отступить и довериться мне.

— Я доверяю тебе. Просто я не доверяю мужчине, с которым ты рядом.

В ее словах была окончательная убежденность. Разговор окончен, и не было никакого смысла пытаться переубедить ее. Мне было ненавистно покидать ее вот так. Я ненавидела, что собиралась выйти за дверь. Сегодняшний день останется выжженным в моей памяти навсегда. Выйдя из подросткового возраста, я столько времени потратила, пытаюсь убедить ее и доказать ей, что я сильная и независимая женщина. И теперь я была полностью уверена, что все это полная фигня. Потому что главная проблема любви в том, что вы начинаете совершать такое, чем в нормальном состоянии вряд ли гордились бы. Я отказалась от своей независимости, чтобы быть с мужчиной, у которого достаточно сильных врагов, желающих навредить мне. Рассудив здраво, то, что я делаю, выглядело абсолютной глупостью. Но сердце действительно чертовски глупое, и я с удовольствием разрушаю собственные убеждения, чтобы осчастливить эту мышцу, качающую кровь. Даже если это означает разочаровать мою бабушку.

Может быть, со временем она изменит свое мнение.

Я медленно подошла и положила руку ей на плечи. Она обвила свои руки вокруг меня, и, несмотря на общее разочарование, мы обнялись. Мы любили друг друга.

— Приходи в следующий раз одна, — прошептала она, прежде чем я отстранилась.

Я кивнула, вытирая новую слезу, скатившуюся из глаза, и пристально посмотрела в ее теплые темные глаза.

— Я люблю тебя, бабуля, и обещаю, что все будет хорошо.

Она сглотнула, ее глаза были все еще полны слез.

— Не волнуйся обо мне. Просто береги себя.
Я еще раз кивнула, поцеловала ее в щеку и ушла.

***

Всю обратную дорогу Борден молчал. Он держал меня за руку, и это обнадеживало, но его глаза были направлены в окно, глядя куда-то вдаль. Бабушка ударила по больному, и я не виню его, что он сразу закрылся. Но когда мы добрались до квартиры, он не стал выходить со мной из машины.

— Мне кое-что нужно сделать, — сказал он после того, как я отстегнула ремень безопасности.

Я нахмурилась.

— Например, что? Сейчас восемь вечера.

— Гектор нашел парня, который кое-что знает, и мне нужно его расспросить.

В машине было слишком темно, чтобы я могла рассмотреть его лицо. Но вряд ли я смогла бы что-либо узнать, даже если бы попыталась. Он был закрыт и непроницаем.

— Ладно, — неуверенно сказала я. — Когда ты вернешься?

Он покачал головой.

— Не могу сказать точно. В крайнем случае, если к ночи я не вернусь, Джерри и ребята будут присматривать за тобой.

Словно по команде, Джерри вышел из машины и встал, ожидая меня. Еще один баран, чьего имени я не могла вспомнить, скользнул на переднее сиденье, глядя прямо перед собой.

Я нахмурилась.

— Если ты не вернешься к ночи, можешь позвонить Грэму и вызвать его ко мне вместо них?

— Почему?

— Я привыкла к нему.

— Эмма...

— Пожалуйста.

Борден вздохнул.

— Хорошо.

Я не стала испытывать судьбу и также просить за Хоука. Это было небезопасно и рискованно, поэтому я отвернулась и открыла дверь. Едва я выставила ногу из машины, как Борден схватил меня за руку. Я посмотрела на него. Он нежно поцеловал меня — поцелуем, полным уверенности — и, ничего не сказав, отстранился. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, а затем я отвернулась, и он отпустил меня.

Борден

Было непривычно входить на склад без Хоука — его правой руки — рядом. Ему не нравилось находиться в окружении байкеров, которые кружили вокруг, как голодные стервятники. Но сейчас они не смотрели на него. Их взгляды были сосредоточены на жирном уебке, прикованном к металлическому стулу. Гектор стоял рядом со скрещенными руками и оскалом во все лицо.

— Это Бык? — спросил Борден, наблюдая за потным толстяком. Ничтожество в грязных белых трусах, с потной волосатой грудью, лысой лоснящейся головой и завязанными глазами. Борден был сильно разочарован. Такого легко сломать. Вокруг него витал липкий запах страха, точно указывающий на то, что этот человек сделает все для сохранения своей жизни. Но он не выживет. Эта печальная истина вошла сюда рука об руку с Маркусом Борденом. Этот человек встал у него на пути, и в ту секунду, когда открыл свой рот, он подписал себе смертный приговор.

— Да, — ответил Гектор. — Как ты хотел бы сделать это? Нож?

Человек захныкал.

— Молоток и гвозди?

Губы мужчины затряслись.

— Здесь со мной несколько ребят, которым в этом нет равных и у которых охуенный арсенал методов пыток. Они заставят любого мудака визжать, как порнозвезду.

Борден вздохнул. Ему не хотелось этим заниматься. Он хотел бы быть в постели со своей женщиной, обнимать ее и шептать на ухо разные пошлости. Пытки — это совсем не похоже на быстрое чистое убийство. Пытки — это грязная работа, которая обычно разрушала его психику.

Он полез в карман джинсов и достал кастет. Этот малыш искупался в море крови.

— Настало время вспомнить старое, а? — пробормотал он. Хотя его энтузиазм словно умер. Такой вид расправы ничего более чем просто способ отвести душу, и единственная вещь, дающая ему шанс найти человека, приславшего то сообщение.

— Откровенно говоря, мне бы хотелось побыстрее закончить это. Я займусь этим сам, а это значит, что мне нужно остаться с ним наедине.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Только твои люди.

Без лишних вопросов Гектор кивнул. Он повернулся к своим людям и приказал своим братьям выйти вон. Когда склад совершенно опустел, Гектор встал рядом, наблюдая, как Борден подошел к стулу и снял повязку с ничтожества, сидящего там. Воспаленные опухшие глаза мужчины распахнулись и быстро заморгали. Он взглянул на Бордена, и его рот исказился от ужаса.

— Тебя зовут Бык, не так ли? — сказал Борден голосом, лишенным эмоций, глядя на мужчину сверху-вниз. — Тебе известно, кто я?

Мужчина не ответил. Он едва ли мог смотреть в глаза Бордену. Манжеты наручников, которыми он был прикован к стулу, задрожали, и он захныкал, увидев, что Борден надевает

кастет. Борден брезгливо посмотрел вниз на трусы мужчины, на которых между ногами расплывалось свежее мокрое пятно, увеличивающееся с каждой секундой. Резкий запах ударил ему в ноздри, и он на мгновение отпрянул.

— Он обоссался, — отозвался Гектор, когда струя мочи потекла вдоль ноги мужчины. — Парни сказали, что он обоссался уже четыре раза.

— Ты, вроде как, сам напросился, Бык? Я бы предпочел разобраться в этом дерьме как можно быстрее.

— Я-я не знаю, почему я здесь, — вскрикнул Бык.

— Не лги.

— Я ничего не сделал, мистер Борден.

— Не лги. — Борден повторил это медленно, с нарастающим гневом. — И не смей, блядь, думать, что, обоссав свои трусы и расплакавшись, как маленький пиздюк, ты сможешь отвлечь меня от того, кто ты есть и что сделал. Людям свойственно болтать, Бык. Они поведали много всего, и все в один голос говорили о тебе и о том, сколько ты наплел про меня.

— Это неправда! Клянусь.

Тот час же Борден замахнулся ему в лицо и одним точным ударом рассек его губы в кровь. За долю секунды лицо мужчины покрылось кровью, и он взвыл от боли.

Склонившись над ним, Борден крепко схватил его за окровавленный подбородок и рявкнул:

— Повторяю! Не смей, блядь, мне врать. За каждую ложь я собираюсь отрезать по куску от твоего тела. Либо ты расколешься прямо сейчас и скажешь мне все то, что знаешь, либо я буду вырезать из тебя каждое слово, пока ты не превратишься просто в лужу крови и груды костей. Понял?

Но мужчина только всхлипнул и умоляюще покачал головой.

Такой допрос пойдет ему на пользу.

Борден покачал головой и снова замахнулся.

***

Мужчина удивил Бордена. Он был сильнее, чем казался на первый взгляд. Хотя и рыдал, как маленькая девчонка, но боль переносил удивительно стойко. Борден понимал, что происходило. Бык надеялся, что если будет врать, заливаясь слезами, они поверят ему. Снова и снова он отрицал то, что говорил о Бордене. Он убеждал, что понятия не имел, кто хочет смерти Бордена. У него и в мыслях не было никакого заговора против него. Он просто невинный человек, над которым несправедливо издеваются.

Чем больше Борден слушал, тем злее становился. Он устал играть мягко. Ошибочно понадеявшись на то, что этого человека можно легко расколоть, в итоге он понял, что Бык требовал большей работы. И Борден сорвался. Потерял контроль. Он перестал себя сдерживать во время ударов. Он взорвался.

В какой-то момент приблизился Гектор, стараясь не соприкоснуться с Борденом, находящемся на взводе и задыхающимся от бешенства.

— Он не сможет говорить, если ты сломаешь ему челюсть, Борден.

— Мне похуй на все, что он скажет, — ответил Борден. — Я готовлю ему долгую и мучительную смерть.

— Нет, — прохрипел Бык. Его лицо распухло до неузнаваемости. Глаза практически не открывались, но из них продолжали капать слезы. Он взмолился, захлебываясь соплями: — Не убивайте меня. Не убивайте...

— Тогда, блядь, говори, или я выбью к хренам твои гребаные глаза.

Опять злость.

Опять кровь.

Опять удары.

Глазное яблоко вылетело из глазницы, и Бык наконец-то сломался.

— Терри Маллиган! — завизжал он от боли, неудержимо рыдая. — Его зовут Терри Маллиган.

— Кто он? — потребовал Борден, вытираясь от крови старой тряпкой, которую бросил ему Гектор.

— Ему нужен ты!

— Зачем?

Бык захрипел, пытаясь глотнуть воздуха:

— И-из-за того, что ты сделал.

Борден отшвырнул тряпку и схватил его за низ подбородка, заставляя смотреть вверх.

— Блядь, договаривай до конца. Что я сделал?

— Ты убил его сыновей.

— Я убил до хрена людей. Конкретнее.

— Братья, которых ты убил... за убийство девушки.

Борден застыл. Он спился взглядом в этого червя, но не обнаружил ничего, кроме подтверждения правдивости этих слов.

— За ним есть люди? — вмешался Гектор. — Какая сила стоит за ним? Давай, Бык, не заставляй нас всю ночь дожидаться.

Глядя на них единственным опухшим глазом — второй был выбит и залит кровью — он задрожал сильнее и прохрипел:

— Он дьявол. Отсидел в тюрьме пятнадцать лет. Недавно, месяцев пять назад, вышел. Когда-то он был хозяином этих улиц и хочет вернуть их себе. Он на дне, мужик. Глубоко на дне. Ты не сможешь найти его. Он кукловод, дергающий за веревочки. И он хочет вернуть себе Нью-Рэйвен и убить тебя.

Борден почувствовал, что Гектор наблюдает за ним, ожидая его следующего хода. Но правда была в том, что его застигли врасплох. У тех братьев, которых он убил, была другая фамилия. Не Маллиган. С этой фамилией не было никаких ассоциаций.

— Что ты собираешься делать? — спросил, наконец, Гектор.

Борден медленно выдохнул.

— Мне нужен еще один стул, чтобы я мог поподробнее пообщаться с нашим приятелем Быком. Потребовалось приличное количество ударов, чтобы разговорить его, и, если он не дурак, то захочет сохранить свой второй глаз.

Гектор заржал и пошел искать второй стул.

А в это время Борден, взглянув в единственный глаз Быка, увидел там такой страх, от которого сам содрогнулся. Этот человек боялся Маллигана больше, чем Бордена.

Эмма

Вечер я провела, принимая долгую горячую ванну, чтобы успокоить свое ноющее тело. На моих плечах и предплечьях появились новые синяки. От ключицы до горла тянулись следы укусов. Расчесываясь, я обнаружила в воде приличные пряди волос, которые он выдрал, трахая меня. Даже теперь я была удивлена тем, что мне нравилось видеть это. Синяки, которые, на первый взгляд, незнакомыми людьми могли быть истолкованы как нечто ужасное, для меня были словно маленькие временные трофеи, напоминающие о его удовольствии. Это был своего рода самообман.

Этот мужчина безумец. Но мне все равно.

У него инстинкты собственника. Он вспыльчивый. Мне по-прежнему все равно.

Он ревнив и груб. Берет то, что хочет, без страха и сожаления. *И мне, черт возьми, все равно.*

Я задремала, и моей последней мыслью было то, как мало меня заботило, что наши отношения строились на таком количестве совершенно противоестественного дерьма, что у любого психотерапевта взорвался бы мозг при попытке разобраться в этом.

Мои глаза распахнулись от звука закрывающейся двери. Подскочив на кровати, я не могла понять, прошло ли несколько часов или несколько минут. Посмотрела на часы на ночном столике. Два часа ночи. Место Бордена в кровати пустовало. Легкий шум заставил меня быстро повернуть голову в сторону ванной, и сердце в груди сжалось от страха. Я прислушивалась, внимательно наблюдая за дверью. По звуку, кто-то снял с себя одежду и бросил ее на пол. А потом послышался звук льющейся из душа воды.

Это Борден.

Ну, конечно.

Это не какой-то вооруженный мужик, замышляющий мое убийство или что-то в этом роде. Я присела на край кровати, вслушиваясь в каждое его движение. С момента, как он вошел в душевую кабину и до звука закрывающейся стеклянной двери, я практически не дышала. Интересно, где он был после того, как высадил меня? Не знаю, что могло его заставить пойти в душ сразу же по приходу домой.

И мое любопытство победило.

Я выскользнула из кровати, подкралась на цыпочках к двери ванной и прижалась к ней ухом. Слышно было едва различимое бормотание и ругательства, а потом наступила тишина. Я не очень понимала своих опасений, но пересилила их и повернула ручку. Дверь бесшумно открылась, и мой взгляд уловил его, стоящего в центре кабины под струями воды. Он был обнажен и яростно тер себя. Я уже было собралась позвать его по имени, когда увидела, что именно смывает с него вода и уносит в сливной водоворот. Моему мозгу потребовалось несколько полных секунд, чтобы понять это.

Кровь.

Я замерла как вкопанная, уставившись на красный цвет. Боже, красного было слишком много. Он ранен?

— Борден, — произнесла я в панике. Сердце билось с бешеной скоростью.

Он обернулся, прищурившись.

— Что ты здесь делаешь?

— Почему с тебя течет кровь? — я быстро зашла в ванную комнату, открыв дверь душевой кабины, чтобы лучше разглядеть его красные руки.

— Возвращайся в постель, Эмма, — приказал он.

— Ты ранен.

— Нет.

— Ты весь в крови!

— Это не моя кровь.

Я замерла, мои широко открытые глаза встретились с его безучастными голубыми. Я почувствовала, как кровь стекает по моему лицу, и представила себе, на что была похожа — вся бледная и в шоке. Он не хотел встречаться с моим вопрошающим взглядом. Вместо этого отвернулся и продолжил мыться, как будто ничего не произошло и меня просто не было рядом. Но я знала, что краем глаза он наблюдал за мной. По скованности в его плечах и по медленным движениям рук я поняла, что он травмирован.

— Что случилось? — тихо спросила я, стараясь сдержать тошноту при виде крови, стекающей в водосток.

Он не ответил.

— Я не уйду, пока ты не ответишь мне, Маркус.

Я закрыла стеклянную дверь и села на унитаз, пристально наблюдая за ним. Он продолжил ополаскиваться, вычищать под ногтями грязь, поглядывая на меня каждые несколько минут. Я ждала. Когда он, наконец, закончил и вышел, то не стал заморачиваться с полотенцем, а встал передо мной — мокрый, борода отросла на несколько сантиметров, завитки волос прилипли ко лбу, вода ручейками стекала по лицу. Он весь блестел, его черно-серые татуировки на груди контрастировали с загорелой кожей.

— Мы идем спать, — просто сказал он. — Пойдем.

— Нет, — упрямо ответила я. — Что произошло?

Он сжал руку в кулак, как для удара. Я уловила это движение, и мой взгляд заметался между кулаком и его сердитым лицом. *Он никогда не причинит мне боли.*

— Маркус, — прошептала я, заметив, как его тело начало дрожать — это говорило о том, что он был во власти гнева. Я почувствовала, как во мне поднимается страх, и напоминала себе снова и снова, что он никогда не причинит мне боли. Он не такой. Хотя и пугал меня, находясь в такой ярости. Я нерешительно протянула к нему руку.

— Маркус, — сказала я мягким тоном, — все хорошо.

Он взял меня за руку и опустился на колени передо мной, глядя совершенно отрешенным взглядом, который я не могла прочесть.

— Прости, — быстро извинилась я, прижав ладонь свободной руки к его лицу. — Я не должна была давить. Прости. Ты не обязан говорить мне. Не сердись, Маркус. Оно того не стоит.

Он не отреагировал на мои слова. Он был так далеко. Что-то пошло не так, и я не знала, как это исправить. Я высвободила руку, положила ее ему на лицо и стала гладить по бородатым щекам, изо всех сил пытаюсь рассеять его гнев своими прикосновениями.

— Эй, — продолжала я, — не уходи далеко от меня. Вернись.

Каждый раз, когда он отворачивался, я повторяла свои слова, пока не заставила его взглянуть на меня. Мы смотрели друг на друга, кажется, целую вечность, пока его гнев

медленно не стал отступать. Его взгляд прояснился, и он по-настоящему посмотрел на меня. Я мягко улыбнулась.

— Вот так. Вот этого мужчину я люблю.

Он резко вдохнул от моих слов, синева его глаз стала ярче.

— Я устал от этого, — хрипло сказал он. — Я так сильно устал от этого.

— Устал от чего, Маркус?

— Устал смывать кровь со своих рук.

Я с трудом сглотнула, услышав боль в его голосе.

— Все хорошо.

— Это не хорошо, — ожесточенно ответил он, его губы задрожали. — Это охуеть как не хорошо. Не могу больше этим заниматься. Я думал, что окаменел. Думал, что не могу ничего чувствовать, но сегодня ночью после каждого удара я чувствовал, как внутри что-то разрывается. Я чувствовал эту боль, скручивающую мои внутренности. Эту гребаную жалость, от которой не мог отделаться. Блядское осознание того, что я продолжаю делать со всеми людьми, вставшими у меня на пути: борюсь с ними, мучаю их, убиваю их, хороню их, и смываю их с моих рук. Смываю кровь. Смываю совсем, но она по-прежнему везде. Я вижу красный повсюду и не могу остановиться. Я ни хрена не смогу остановиться, пока не найду этого ублюдка и не разорву его.

Его трясло. Лицо побледнело, губы посинели. Я быстро схватила полотенце с крючка за дверью и обернула вокруг его ледяного тела. Боже, его кожа была совершенно холодной, словно он мылся в ледяной воде.

— Давай уложим тебя в кровать, ты устал, — сказала я, потрясенная его словами. — Мы поговорим об этом завтра, когда твои мысли прояснятся.

Он схватил меня за плечи, крепко сжав их.

— Ты меня не слушаешь! Мне придется заниматься этим всю мою гребаную жизнь, Эмма.

— Тогда остановись.

— Я не могу просто взять и остановиться. Люди вроде меня не могут. Я увяз в этой власти, увяз в борьбе за то, чтобы остаться наверху. Стоит мне отвлечься, и я — долбаный труп. Ты слышишь меня?

— Да, я слышу тебя.

— И ты все еще хочешь остаться? Все еще хочешь быть рядом с гребаной мишенью всю свою жизнь?

— Маркус...

— Ответь мне!

— Да! — выкрикнула я, слезы обжигали глаза.

— Почему?

— Потому что я люблю тебя.

Он опустил руки и рухнул на пол, привалившись спиной к стене. Откинув голову назад, он посмотрел в потолок, и очередная волна злости сотрясла его. Минуты шли в полной тишине. Я наблюдала за ним каждую секунду и задавалась вопросом, какого черта должно было произойти, чтобы довести его до такого.

— Твоя бабушка была права, — наконец, с горечью прошептал он. — Я не смог защитить Кейт. Как, черт возьми, я смогу защитить тебя? Как я смогу спасти тебя от всего этого дерьма, Эмма?

Я покачала головой. Он не понял.

— Ты *можешь* защитить меня, и ты делаешь это. Грэм и Хоук никогда тебя не подведут. У тебя не было поддержки в том, что ты делал сегодня. И я знаю, во что ввязываюсь. Я добровольно соглашаюсь на такую жизнь. Это просто... Я делаю это, потому что хочу быть с тобой, и... я не хочу быть спасенной, Маркус. Я просто хочу быть любимой.

Он выглядел беззащитным. Разбитым. Сомневающимся. С трудом сглотнув, он сказал:

— В те годы, когда я был наркоманом, я действительно убивал людей и после этого кололся. После смерти Кейт это перестало помогать. Вот почему мне нужен Хоук. Рядом. Он всегда был рядом, чтобы сделать все чисто, когда ситуация становилась совсем дерьмовой. Он заставил меня отказаться от героина. Он оставлял для меня чистые убийства, а всю грязную работу поручал своим парням. Сегодня я был без него — пытал парня — и у меня не было никакого способа избавиться от этого ощущения, — Борден сделал паузу и, наконец-то, посмотрел на меня. Внутренняя борьба, отразившаяся на его лице, разрывала мне сердце. — И теперь здесь ты. Ты видишь мою уродливую сторону, видишь меня такого, абсолютно, блядь, открытого — мужчину, смывающего со своих рук чью-то кровь, и все еще остаешься рядом. Ты... не сбежала в ту же секунду, и, бьюсь об заклад, у тебя даже не возникло такой мысли.

Я сморгнула наворачнувшиеся слезы.

— Нет.

— Потому что ты любишь меня.

— Да.

— Блядь, — он покачал головой, его лицо исказилось от боли. — Ты разрываешь и обнажаешь мое сердце. Ты, черт возьми, рвешь его на части, Эмма.

— Ты предпочел бы, чтобы я этого не делала?

— Я стал зависим от этого, куколка. Я чертовски люблю тебя за это. Чертовски люблю каждый миллиметр тебя, и ни одного из этих миллиметров я не заслуживаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сердце сжалось в моей груди, а голова пошла кругом от его слов. Я быстро придвинулась к нему и обвила своими руками его торс. Прижимала к себе его холодное тело, прижимаясь лицом к его груди, и молча плакала. Как много это значило для меня! Он любит меня. Это были слезы счастья.

Он обнял меня, успокаивая, хотя я первая должна была успокаивать его после такого срыва.

— Нас преследует страшный человек, Эмма, — очень серьезным тоном сказал Маркус через несколько минут. — Он очень силен.

— Кто он?

— Его зовут Терри Маллиган, и он очень могущественный. Лет десять назад он был хозяином улиц. Потом его посадили за убийство, когда кто-то из своих сдал его.

— Ты никогда не слышал о нем?

— В городе было так много банд, и я не копал так глубоко в прошлое — для этого не было никаких оснований. Меня заботило настоящее.

— Зачем он вернулся?

— Он вышел из тюрьмы. У него было два пасынка, потихоньку продолжавшие его дело, пока он был за решеткой. Они достаточно успели сделать, ожидая, пока их старик выйдет на свободу. Оказалось, за ним стоит много людей, которые ждали его. А это значит, что у него

где-то припасено очень много денег.

Я непонимающе нахмурилась.

— Почему он напоминает о себе таким образом?

— Эти его пасынки — те самые братья, которых я порешил за убийство Кейт.

— О, Боже мой, — прошептала я.

— Он хочет отыметь меня. Он использует тот же почерк, что и его пасынки применили тогда ко мне. Он жаждет мести, и у него есть свои способы. Он хотел, чтобы человек, оскорбивший его, оставался неприкосновенным, чтобы, выйдя на свободу, иметь возможность убить его лично. И он сделает это по-своему. Он часами выслеживает жертву, потом медленно выпускает ей потроха. У него патологическое влечение к пыткам. Он делает это медленно, растягивая на несколько недель, пока человек не ослабевает настолько, что едва может двигаться. А затем он отпускает его и охотится, как на животное. Ему нравится играть, и это такой пиздец, что даже я не могу себе представить.

Я почувствовала, как желчь поднимается к горлу от возникших после его слов картинок в голове.

— И то же самое он хочет сделать с нами?

— Не думай об этом — этого не произойдет. Когда дойдет до дела, он захочет занять мое место. Если ему удастся свалить меня, он заберет мой бизнес и расплодит хренову гору безработных. Но этого не произойдет. Я не позволю ему.

Я отстранилась и посмотрела на Бордена, не в силах побороть свой страх.

— Что мы будем делать?

— Я собираюсь добраться до него, а ты собираешь свои манатки и сваливаешь отсюда, пока я его не найду.

Я застыла, рот буквально распахнулся от шока.

— Что?

Он медленно кивнул.

— Я не могу допустить, чтобы ты пострадала, Эмма.

— Я не хочу быть вдали от тебя.

— А какие у меня варианты?

— Оставь меня рядом.

— Нет.

Я отодвинулась от него, чувствуя, как горячие злые слезы текут по лицу.

— И куда ты собираешься отправить меня? К этим вонючим байкерам? Они изнасилуют меня, Борден.

— Они даже пальцем тебя не тронут.

— Я не доверяю им, — вскипела я. — Если этот псих захочет добраться до тебя, то им-то что до этого? Для них это очередной парень, через которого они будут вести свой бизнес. Я не настолько важна...

— Ты думаешь, что этот мудака убьет меня, но этого не случится. Я крепкий орешек, куколка. Мое убийство потребует огромнейших усилий, потому что я собираюсь жестоко биться. Байкеры меня не касаются. Я знаю, кто отвечает за свои слова, и Гектор не подведет меня.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что Хоук уверен в этом. И ты была права насчет того, что я чувствую к своим парням. Грэм и Хоук для меня тоже очень много значат, но я был слишком высокомерен,

чтобы признать это. Хоук мне как брат, невзирая на то, что он трахает тебя своими глазами. Я верю ему, поэтому доверяю его мнению. Байкеры не причинят тебе вреда.

Я только покачала головой, опустошенная таким поворотом событий. Мне не хотелось никуда уезжать. Я не хотела оставлять бабушку. Казалось, он прочитал мои мысли.

— Твоя бабушка тоже будет под присмотром.

— Ты собираешься и бабушку отправить к байкерам, Борден?

— Нет, для старой упрямицы я придумаю что-нибудь другое.

— Она не сдвинется с места, если ты попросишь ее об этом.

— Я не буду просить — у нее просто не будет выбора.

— Я не уеду, — вызывающе ответила я. — Ты не можешь просто отослать меня, как часть собственности.

— В глазах всех остальных ты — моя собственность, — сухо ответил он. — И ты поедешь.

О, как он меня бесит! Не знаю, что лучше: ругаться на него или умолять изменить свое решение! Он совершенно непробиваем, если решил для себя что-то. И этим что-то было отправить меня отсюда. Не в силах скрыть горечь в голосе, я выдавила:

— И когда же ты собираешься отослать свою собственность?

— Скоро.

— Как скоро?

— Пока не знаю.

Его сраные расплывчатые ответы. Я проглотила свою печаль и требовательно спросила:

— Ты будешь навещать меня?

— Да.

— Как часто?

Его губы расплылись в восхитительной улыбке:

— Посмотри на себя. Ты не можешь побыть вдали от меня, словно я для тебя кислород или что-то в этом роде.

Я раздраженно прищурилась от его слов и почти беззвучно произнесла:

— Так и есть.

Он протяжно выдохнул, его улыбка исчезла.

— Я знаю, куколка. Знаю, потому что и ты являешься для меня тем же.

Слеза скатилась по моей щеке, и он с трудом сглотнул, наблюдая, как она скользит по моей щеке. Маркус жестом попросил меня придвинуться ближе и тихо сказал:

— Иди сюда, красавица. Дай я обниму тебя.

Я подползла к нему, и он обвил меня своими руками, прижимая ближе и говоря, что все будет хорошо. Но я так не думала. Во мне чувствовалось какое-то шевеление, тревожное чувство, от которого болело все внутри.

Это было затишье перед бурей.

Эмма

На следующее утро я проснулась от ощущения нежных поцелуев, перемещающихся по моей обнаженной руке. Борден скользнул рукой под подол его безразмерной футболки — единственного предмета одежды, который я надела перед сном прошлой ночью после того, как вышла из ванной. Тогда мне пришлось переодеться, потому что за время сидения на мокром полу на мне все промокло. Я тихо вздохнула, когда он с легким щекотанием провел ладонью по моему животу. Поцелуями он передвигался по моей шее, языком оставляя влажный след в чувствительном местечке за ухом, рукой обхватил мою грудь, крепко сжимая ее и перекачивая сосок между кончиками пальцев. Я подтолкнула задницу ближе к нему, чувствуя его обнаженное тело, крепкие мышцы, длинную эрекцию, и улыбнулась.

— Вижу, сегодня у нас в меню утренний секс.

— Ммм, — простонал он, отпуская мою грудь и двигаясь вниз по моему телу. — Ты всю ночь прижималась своей задницей к моему члену, детка. Я всего лишь мужчина.

— Мужчина? Когда трахаешься, ты — Бог.

— Сегодня никакого траха.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но он опустил руку между моих ног, раздвигая их и открывая себе доступ. Через секунду все мои мысли испарились. Он потер мой клитор, и, словно фейерверк, удовольствие накатило и взорвалось во мне. Я извивалась рядом с ним, тяжело дыша открытым ртом, а он продолжал свои движения, заставляя меня истекать влагой. Я чувствовала его горячее дыхание на своей шее и его язык, облизывающий мою кожу. Это было настолько пьянящее сочетание, что я вскрикнула и приглашающе задвигала бедрами, прося продолжения. Он скользнул пальцами вверх-вниз по моему клитору, проталкивая кончик указательного пальца внутрь меня. Борден ласкал и ласкал меня, вызывая напряжение в каждой моей клеточке и заставляя прижиматься к нему с тихим стоном, когда напряжение стало невыносимым.

— Мне нравится, когда ты так близко, — пробормотал он, прижимая свой до невозможности твердый член к моей заднице. — Я хочу контролировать твой оргазм. Хочу подвести тебя к краю и оставить в таком подвешенном состоянии.

— Садист, — простонала я, сдерживая улыбку.

— Да, а ты моя маленькая шлюха, не так ли?

Я кивнула, наслаждаясь его словами, от которых во мне все расцветало. Он убрал руку, оставив меня голодной и неудовлетворенной. А затем толкнул меня на спину и лег сверху. Прежде чем я успела открыть глаза, его губы обрушились на мой рот. Он целовал меня так, словно я была источником кислорода, без которого ему невозможно было дышать. Он целовал меня так, словно никогда не сможет этого сделать снова: глубоко, медленно, не желая останавливаться. Я обняла его, прижимая ближе к себе. Когда наши языки соприкоснулись, мы оба застонали. Не в силах ждать, он раздвинул мои ноги и толкнулся в меня, ни на секунду не разрывая поцелуя. А потом замер, и мое тело вспыхнуло от ощущения наполненности им. Это никогда не надоест. Никогда.

— Вот чего мне будет не хватать, — прошептал он напротив моих губ. — Тебя в моей

постели. Ощущения твоей маленькой влажной киски, сжимающейся вокруг меня. Я почти готов передумать.

Я медленно открыла глаза. Он практически пожирал меня взглядом, его лицо, наполненное похотью, было в миллиметре от моего.

— Ты ведешь себя так, словно я не увижу тебя очень долго, — прошептала я, без труда маскируя беспокойство в своем голосе возбуждением.

Он снова поцеловал меня, на этот раз мягко и нежно.

— Это больше, чем я хочу от тебя в любое время каждый день. Я хочу слышать твой голос, хочу, чтобы твои ноги обвивали меня всякий раз, когда у меня возникает желание трахнуть тебя, хочу, чтобы твой маленький сексуальный язычок облизывал каждый мой сантиметр.

— В таком случае, тебе будет затруднительно навещать меня, — шутливо сказала я.

— Нет, — серьезно ответил он, его лицо отражало так много эмоций. — Я поеду за тобой на край света, Эмма. Потому что так и должно быть, правда? Такое ощущение, словно мне необходимо, чтобы часть меня была в тебе.

У меня сдавило грудь, и я кивнула.

— Так и должно быть.

Он снова нежно поцеловал меня, начав двигать бедрами вперед-назад. Его толчки были жесткими, но медленными, каждый раз попадающими в то самое заветное место. То место, которое заставляло меня упираться пятками в матрас; то место, благодаря которому я задыхалась возле его губ, выдыхая его имя. Рукой я скользнула вниз по его твердой спине, слегка царапая ногтями кожу. Обхватывала его ягодицы каждый раз, когда он погружался в меня на всю длину. Он нашептывал мне все подряд: как я прекрасна, как хорошо я ощущаюсь, как это правильно.

Он занимался со мной любовью, и это было лучше, чем весь наш жесткий секс вместе взятый. Потому что чувствовалось, что он не просто дарил мне часть души — он отдавал ее целиком. Мы кончили одновременно, и он переплел свои пальцы с моими. Затем, еще раз нежно поцеловав, посмотрел в глаза и сказал:

— Я люблю тебя, Эмма.

Это не было сказано сгоряча в момент оргазма. Это не было сказано в эмоциональном порыве. Он сказал это потому, что хотел, и все воздвигнутые мной защитные стены разрушились.

— Я тоже люблю тебя, Маркус, — уверенно сказала я, прижимаясь к его губам, прежде чем он увидел бы катящиеся из моих глаз слезы.

Борден

Борден чертовски любил ее.

Он наблюдал за ней в душе, хотя и делал вид, что поглощен чисткой зубов. И что за нелепая херня — дождался этих семейных мелочей, когда он чистит зубы, а она намыливает волосы шампунем в той же кабине, где он провел прошлую ночь, смывая с себя кровь другого человека. Но здесь, в этом месте, и заканчивалось семейное дерьмо. Жизнь — это коктейль, в котором смешивались обыденность и полный пиздец. Но, тем не менее, с Эммой это не ощущалось неподъемной ношей. Эмма приняла его всего. Ему не нужно было меняться. Не нужно было ничего доказывать.

Он смотрел, как она крутила своей восхитительной задницей, пока намыливала кожу, и ничего не мог с собой поделаться. Прополоскав рот, он скинул с себя одежду. Кожа Эммы покраснелась под горячей водой, когда он вошел в кабину. Она подарила ему улыбку — ту самую особую улыбку, когда прикусывала зубами нижнюю губу — пред которой он не мог устоять.

— Опустись на колени, — сказал он полным желанием голосом.

Ее улыбка угасла, сменившись похотью. Она тут же опустилась на колени, и он медленно приблизился к ней, мгновенно твердея при виде ее обнаженной груди и полных губ. Блядь, ему нужны были эти маленькие сладкие губки вокруг его члена.

— Трахни меня своим ртом, куколка, — задыхаясь, приказал он.

Она сомкнула пальцы вокруг его длины и втянула кончик в рот. Волна дрожи прошла по его спине от этого восхитительного чувства удовольствия. Эмма подняла на него глаза, встречаясь с ним взглядом, и не отводила его, пока дарила Бордену это удовольствие. Он опустил ладонь ей на затылок, направляя ее движения вперед-назад. Постепенно его бедра начали двигаться самостоятельно, заставляя глубже проникать в ее рот.

— Блядь, да, — простонал он, пока она сосала его.

Она выглядела невероятно. Этот момент не изгладится из его мозга даже в следующей жизни. Девушка ускоряла свои движения, и он становился все тверже. Она обожала целовать взасос его член не меньше, чем рот. Обведя языком пирсинг, застонала вместе с ним, как будто получала такое же удовольствие даже без прикосновений к себе.

Вот так. Вот так. Мужчина чувствовал, как набухает и тяжелеет. Внутри начали вспыхивать удивительные искры, и он, потеряв контроль, взял ее голову обеими руками и начал быстро трахать ее рот. Внутрь-наружу, внутрь-наружу... А потом он кончил. Жестко кончил.

— Охуеть, — прохрипел он. — Охуеть.

Она проглотила всю сперму и продолжила сосать его даже после того, как он кончил. Затем встала, и ее улыбка стала еще ярче. Ему никогда не надоест эта улыбка, этот рот, это сладкое маленькое тело. Он замер на несколько секунд, разглядывая свою маленькую дерзкую девчонку, и тут его осенило. Его собственнический инстинкт официально поднялся на новую ступень — ступень, которая, определенно, становится смертельно опасной территорией.

Сердце Бордена грохотало. Она подошла и обняла его за шею. Он изумленно всматривался в ее темные глаза, в каждый миллиметр ее лица. Проглотив в горле ком, он задумался, что же она с ним сделала.

«Ты будешь моей женой, — подумал он про себя, когда она поцеловала его. — Ты будешь моей женой. Я сделаю тебя своей, и больше ни один залетный тощий член не посмеет даже на шаг приблизиться к тебе».

А потом он стал подталкивать ее назад, пока она не оказалась прижатой к выложенной кафелем стене, и сам опустился на колени.

— Твоя очередь, куколка, — сказал он, прежде чем зарыться лицом между ее ног.

***

Через час он забросил Эмму на работу.

— Сегодня у меня кое-какие дела в порту, — сказал он.

Не желая отпускать его, она прижалась к его груди, пока они сидели на заднем сиденье автомобиля.

— Можно я пойду с тобой?

— Нет, детка, ты не должна ввязываться в это дерьмо.

— Что за дерьмо?

— Дерьмо главаря байкеров.

Она нахмурилась.

— О.

Первая партия наркотиков Гектора должна была прибыть с минуты на минуту, если уже не прибыла. Члены клуба заявятся в полдень, и к этому времени ему нужно было подготовить таможенные документы. Был у него там человек — перед ним в большом долгу — который смог дать взятку для оформления этого груза. Вчера Борден звонил удостовериться, что этот человек сегодня будет на рабочем месте.

Эмма улыбнулась.

— Похоже, мне действительно придется сегодня поработать.

— Тебе лучше сегодня быть на чертовой работе. Большая часть людей мне понадобится снаружи — на случай, если что-то произойдет. А это значит, что ты должна оставаться в офисе с Грэмом. Больше никаких посиделок в баре.

— Безусловно. Ты очень ясно дал это понять. А от себя добавлю, что никаких больше девушек, танцующих перед тобой стриптиз.

Он хмыкнул.

— Я смогу это пережить.

Когда водитель остановил машину перед клубом, Эмма повернулась всем телом и поцеловала Бордена. Она целовала его каждой клеточкой своего существа, посасывая его язык, пока его пресыщенный и неутомимый член не дернулся.

— Я люблю тебя, — снова и снова повторяла она. — Я так сильно люблю тебя, Маркус. Я уже скучаю по тебе.

Он опустил руки на ее задницу, обхватывая и сжимая обе ягодицы.

— Я постараюсь не задерживаться, но с отгрузкой всегда все непредсказуемо...

Она целовала его везде, словно они никогда больше не увидятся. Затем отстранилась и открыла дверцу машины. Но прежде чем она вышла из салона, он схватил ее за руку. Она оглянулась, и эти ее порабощающие глаза пришили его к месту.

— Я тоже охуенно люблю тебя, Эмма.

Она зарделась. Послав ему воздушный поцелуй, выскользнула из машины и закрыла за собой дверь. Пока автомобиль отъезжал, Борден смотрел в окно, уставившись на задницу идущей в сторону входа Эммы.

Блядь, она такая сексуальная.

***

Твою мать, этот день не закончится никогда.

Только что пробило два часа дня, и спустя два часа корабль с грузом наконец-то пришвартовался в порту. Два гребаных часа! Нужно бы поговорить с Кларенсом (он же ебаная черепаха). Через полчаса на мотоциклах прибыли Гектор и его головорезы. Гектор снял шлем и подошел к Бордену.

— Все идет нормально? — спросил он.

— Как мы и договаривались, судно разгрузят краном, — ответил Борден.

— Дорожные тракторы доставят ваш контейнер в условленное место, а я на таможене решу вопрос с документами.

— Блядь, да! — сказал Гектор с улыбкой. — Хочешь, чтобы мы рассчитались сейчас или позже?

— Я предпочитаю после выполнения работы.

— Отлично.

Борден перевел взгляд на их огромные «Харлеи».

— Как вы собираетесь перевозить это?

— У нас поблизости большой грузовик. Он загружен под завязку фурнитурой и готов к отправлению. Должен без проблем пройти через радары. Он пойдет напрямик к нашему заказчику. Так что у нас сегодня гребаная зарплата!

Борден просто кивнул. Он не даст себя обмануть.

— И Бык... с ним все чисто?

Гектор выдал очаровательную улыбку.

— Бык — это кто?

— Хорошо.

Тем временем Гектор оглянулся.

— Где Хоук? Я думал, он будет здесь. Не может быть, что из-за того, что произошло, он все еще в опале.

— Нет, он занят кое-чем другим, — соврал Борден, но ему не хотелось, чтобы Гектор знал об их проблемах.

Потребовался еще час, чтобы выгрузить конкретно их контейнер. Борден схватил документы и велел своим парням не спускать с байкеров глаз, пока не вернется. Ему

потребовалось всего двадцать минут. Он прыгнул в машину и уехал, а по дороге получил сообщение от Эммы.

Эмма: Я скучаю по твоему члену. Ой... кажется, по лицу тоже .

Он улыбнулся.

Она станет его женой.

Эмма

Когда я пришла на работу, Грэм уже был на месте. Глаза налиты кровью, в руке кружка кофе, из которой он глотал так, будто от этого зависела его жизнь. Я пожелала ему доброго утра, на что он проворчал нечто неразборчивое.

— Думала, ты приедешь прошлой ночью, — сказала я, усаживаясь за свой стол.

— Мне не поступало вызова до утра, — ответил он, делая очередной глоток кофе. — Я напился до потери сознания.

— Ты оказался в баре после того, как уехал из клуба?

— Я нашел несколько бутылок дома. Подумал: к черту все, имею право расслабиться по полной. Теперь у меня адская головная боль.

Я засмеялась.

— Могу сказать, что выглядишь ты дерьмово, Грэм.

Он кивнул. Его усы взъерошены, лицо бледное.

— Я так себя и чувствую.

— Может, тебе стоит пойти домой?

— Нет. Ты — моя главная задача.

Я включила компьютер и с нежной улыбкой посмотрела на него.

— Так не должно быть. Ты присматриваешь за мной практически круглосуточно. Ты сам вчера это сказал. Будет правильно пойти домой и подлечить твоё похмелье.

— Я лучше буду здесь. Теперь работа — это практически и есть мой дом. С тех пор, как я начал работать на Бордена.

Я кивнула, вспоминая свой разговор с Хоуком. Грэм был полицейским. Господи, что же должно было случиться? Мне не хотелось спрашивать об этом Бордена (кажется, это не мое дело), но было чертовски любопытно. Я продолжала пристально всматриваться в Грэма — сквозь похмелье прямо в его душу. Он был хорошим парнем, даже если и работал на очень плохого. Если подумать, то сейчас фактически большинство мужчин, работающих на Бордена, оказались вполне приличными. В частности, Джерри, когда был рядом, оказался милейшим в мире парнем: умный, молодой, с телосложением футболиста. Иногда он разговаривал со мной и даже рассказал, что после работы учится на вечернем отделении. Для большинства из них это была обычная работа с девяти до пяти. А еще был Хоук, который в какой-то степени все еще оставался мудаком, но я увидела в нем нечто, скрытое глубоко внутри.

— А Хоук здесь? — с любопытством спросила Грэма. — Я не видела его, когда входила. Он поехал с Борденом в порт?

— Нет, — ответил Грэм. — На данный момент он ушел в тень. Скорее всего, после перепалки с Борденом он на какое-то время исчезнет. Обычно так и бывало, когда они срывались.

— Так это не впервые?

Грэм рассмеялся.

— Куда там! Они сцеплялись много раз, и всегда по пустякам. После этого Хоук

ненадолго исчезал, а потом у них снова царил полный мир. Никто не вспоминает о ссоре, никто не говорит ни слова, и у них все снова, как было.

Я рассмеялась.

— Кровопийцы.

На этом я повернулась к компьютеру и принялась за работу.

***

Борден весь день провел в порту — там ничего не клеилось. После обеда он перестал отвечать на мои сообщения, и я решила, что он действительно занят. Когда вернулась, дома его не было.

Грэм вошел со мной в квартиру и устроился в гостиной, пока я быстро позвонила бабушке, чтобы поболтать с ней. Она разговаривала довольно бодрым голосом, словно наш ужин не был абсолютно дерьмовым. Закончив разговор, пошла в ванную и приняла долгий душ. Едва я вышла, оборачивая полотенцем волосы, как зазвонил мой телефон. Думая, что это Борден, я не глядя нажала кнопку ответа.

— Когда ты приедешь? — с улыбкой спросила я. — Я соскучилась.

— Эмма? — прозвучал плачущий голос.

Я замерла, моя улыбка исчезла.

— Блайт? Что случилось? Почему ты плачешь?

— Мне нужна твоя помощь, — взмолилась она дрожащим охрипшим голосом. — Я... я... влипла.

— Что ты имеешь в виду? Где ты?

— Неделю назад я устроилась работать в стриптиз-бар, и сегодня несколько парней домогались меня. Человек, который меня подвозит, не работает здесь, а эти парни стоят перед входом в бар. Мне никак не выбраться домой, и я боюсь, что они со мной что-то сделают.

Я сильнее стиснула полотенце в руке.

— Нет никого, чтобы помочь? Никого из девушек или босс...

— Я здесь на хер никому не нужна! Моя смена закончилась, значит, я не на работе. Остальное их не колышет. Я... я просто не знаю, что делать, и мне страшно.

— Ты можешь вызвать такси?

— У меня нет денег, Эмма. Кроме того, если такси подъедет ко входу, что им помешает поймать меня, когда я буду выходить? Они выглядят подозрительно и жутко. И я знаю, что они обидят меня, — она сделала несколько вдохов. — Ты можешь приехать за мной?

В раздумье я провела рукой по волосам.

— Блайт... я не могу просто так выйти... я... я тоже на привязи.

— Что ты имеешь в виду? Как это ты на привязи? Ты нужна мне.

— У нас все очень херово, — попыталась я объяснить. — Мне не разрешат просто выйти и поехать за тобой.

— Тебе запрещено? У меня больше никого нет! Что мне делать? Позволить изнасиловать себя?

Я поежилась. *Дерьмо. Блядь.*

— Нет, конечно, нет, — вздохнула я. — Пришли мне адрес.

— Сейчас запишу. Я не знаю его наизусть, мне нужно спросить у кого-нибудь.

— Ты не знаешь адрес места, где работаешь?

— Просто подожди секундочку.

Я услышала, как она положила трубку и спросила кого-то поблизости, ее голос был приглушен. Вернувшись к телефону, она шмыгнула носом и сказала: — Да, я только сейчас это поняла. У тебя есть ручка?

Я помчалась в спальню и схватила с тумбочки блокнот и ручку.

— Да, диктуй.

Она продиктовала мне адрес, и я быстро записала его.

— Хорошо, Блайт, держись. Я приеду, хорошо? Просто никуда не уходи. Я позвоню, когда доберусь.

— Хорошо, Эмма.

Отключив телефон, я сразу переоделась в джинсы и рубашку. На улице холодно, надвигался снегопад, а я была с мокрыми волосами. Но времени не было. Схватив телефон, я помчалась в гостиную, где Грэм смотрел «Обманщиков» на огромном экране телевизора и качал головой.

— Гребаные обманщики, — пробормотал он.

— Грэм! — истерически прокричала я.

Он быстро обернулся и посмотрел на меня.

— Что? Что такое?

— Это Блайт, Грэм. У нее проблемы. Она застряла в баре, и ее нужно отвезти домой. Кажется, ей всерьез угрожает компания парней, которые собираются усложнить ее жизнь. Нам нужно забрать ее.

Он прищурился, пытаясь переварить мои слова.

— Я не понял.

Я вырвала у него пульт и выключила телевизор на том моменте, когда обманщик упал на колени, вымаливая прощение.

— Что непонятного? Мы должны забрать ее!

— Во-первых, не кричи на меня, Эмма.

— Грэм, пожалуйста...

— Во-вторых, большинство людей Бордена находятся с ним в порту, занимаясь делом байкеров.

— Меня не волнует, что они делают!

— И, в-третьих, не надо *опять* на меня кричать. И тебя должно заботить, что они делают, потому что тебе не позволено бродить по городу без группы сопровождения рядом...

— Блайт нужно забрать! Я не собираюсь бродить по городу и устраивать долбаную сиесту или что-то в этом роде!

Он снова прищурился.

— Что я сказал по поводу крика?

С сердитым рычанием я выдавила:

— Грэм, у нее проблемы.

— Она может подождать несколько часов.

— Грэм, я серьезно. Она испугана и плачет. Я так волнуюсь за нее, что едва могу дышать. Она устроилась на очень плохую работу, и сейчас нуждается в моей помощи. Ты должен знать, что это такое. Ты ведь когда-то был полицейским и помогал тем, кто в этом нуждался.

Он обдумывал мои слова, ежеминутно вздыхая.

— Я не собираюсь спрашивать, откуда тебе известно о моей прошлой работе, Эмма, но если бы ты беспокоилась о моей *нынешней* работе, то не просила бы меня этого делать. Борден оторвет мне голову.

— Тебя может хоть на секунду перестать заботить Борден?

Он еле слышно выругался и встал, обратив на меня взгляд своих усталых глаз.

— Тебе легко говорить. Я не сплю с ним в одной постели. Сейчас я позвоню и спрошу его по поводу этого. И если он разрешит нам ехать, то мы поедem. Если нет, то это не моя вина, что твоя подруга решила совершить глупость.

Я наблюдала, как он полазил в телефоне и набрал номер Бордена. Вскоре он нахмурился, делая попытку за попыткой дозвониться до него.

— Никто не отвечает, — сказал он. — Одни гудки. Должно быть, он занят.

Я вернулась к своему телефону и тоже попыталась дозвониться. Как и сказал Грэм, трубку никто не брал. Мы пробовали дозвониться в течение нескольких минут, но безуспешно. Я кипела от гнева, готовая разбить телефон.

— Мы должны ехать, — сказала я. — Борден поймет. Черт, да мы, скорее всего, вернемся раньше него.

Грэм нахмурился.

— Я не могу просто так выйти с тобой, Эмма. Все не так просто. Нам нужна охрана.

— Разве поблизости нет других людей? Я видела троих за этим проклятым домом, Грэм. Не говори мне, что этого мало. Вы, ребята, слишком помешаны на этом дерьме.

Минуту он не отвечал, и я устала от ощущения себя зверем в клетке.

— Как насчет копов? — спросила я. — Мы можем отправить за ней нескольких, правильно?

Он закатил глаза.

— Господи, Эмма, почему, ты думаешь, я ушел из полиции? В этой ситуации они бесполезны. Пока они доедут до нее, она может оказаться настолько глупой, что попытается выйти. Женщины.

— И что же нам делать?

— Дай мне адрес.

Я протянула ему бумажку, и он, уставившись на нее, нахмурился еще сильнее.

— Это очень плохой район, совсем отдаленный. Какого черта эта идиотка там делает?

— Это бар.

— Идиотка, — повторил он, сунув бумажку в карман, после чего перевел на меня свой серьезный взгляд. — А теперь слушай сюда, Эмма. Если из-за этого я потеряю свою работу, тебе придется идти на край земли в поисках такого же безупречного, как я. Кого-то немного помоложе. Немного более накачанного. Не такого милашки, как Джерри, не такого сурового, как Хоук. Такого, чтоб в самый раз.

Я не смогла сдержать улыбку. Что, черт возьми, случилось с этим парнем?

— Грэм, ты незаменим.

Он улыбнулся в ответ и провел пальцами по своим пышным усам, аккуратно

приглаживая их, словно это было очень важно.

— Отличный ответ. Теперь давай сделаем это, и побыстрее.

Эмма

С нами было четверо: двое в машине позади нас и двое впереди. Грэм привлек к делу всех, кем мы располагали, и я только закатила на это глаза. Чувствовала себя дорогой фарфоровой куклой, не заслуживающей всей этой сверхзащиты. Я выросла в гетто и привыкла сама о себе заботиться. И самым безумным было то, что я знала: будь все люди Бордена на месте, поблизости ехали бы еще с полдюжины автомобилей с десятком людей.

Мы ехали в восточную часть Нью-Рэйвен, где город начинал встречаться с густыми сосновыми лесами многочисленных нетронутых природных заповедников. Исчезли небоскребы, роскошные высотки и перегруженные транспортом дороги, такие привычные в центре города. Мы имели смелость заехать на окраины, где домов было мало, и они стояли на отшибе, где на сомнительных улицах стояли сомнительные магазинчики и бары, а парковки были заполнены подозрительными, выдавшими виды фургонами. Все стало казаться еще более жутким, когда небо потемнело и солнце скрылось за горизонтом. Навигатор показывал, что до места назначения нам ехать пятнадцать минут по извилистой дороге, идущей через Хиксвилл. Лес выглядел зловеще, и единственным источником света были фары наших машин и полная луна.

— Почему твою подругу занесло работать в такую даль? — удивлялся Грэм, качая головой.

— Потому что она в отчаянном положении, — тупо ответила я. — Но надо признать, это очень далеко от ее дома.

— Эта карта ведет нас в очень старый район. Я помню, что исколесил здесь все дорожки, гоня пьяных и обдолбанных придурков, которым моя полицейская сирена была до лампочки. Здесь много наркоманов. Много насильников. Я рад, что у нее есть такая подруга, как ты, Эмма. Не думаю, что кто-то еще сделал бы это для нее.

— Ты, — тихо сказала я.

— Я бы на это не рассчитывал.

— Ты бы сделал. На тебя можно рассчитывать.

На секунду он повернулся ко мне, оценивая мою искренность.

— На тебя тоже можно положиться, Эмма. Увидев тебя в первый раз, я понял, что ты станешь кем-то значимым для Бордена. Внутри ты боец. Я знал, что ты — единственный человек, который сможет опустить этого упряма на землю и снова вернуть его к жизни. Он был сломлен, но ты не только исцелила, но и изменила его.

— Изменила как?

— Если бы до твоего появления мне кто-то сказал бы, что у него есть слабая сторона, я бы поспорил на собственную жизнь, что это полное дерьмо.

— А сейчас?

Он широко улыбнулся.

— А сейчас я вижу мужчину, который смотрит на тебя, словно ты его луч света в темноте.

Я не могла не улыбнуться в ответ, а он тихо добавил:

— Он любит тебя. Он никогда не захочет отпустить тебя, и ты осталась с ним, даже узнав об этих угрозах. Для этого нужно большое мужество, и все люди уважают тебя за это. Ты замечательная женщина. Твоя любовь настоящая, и поверь мне — мужчине, который в прошлом обжегся — такую женщину, как ты, трудно найти.

— Спасибо, Грэм, но обжечься — еще не означает, что ты больше никогда не встретишь подходящего человека.

Когда он посмотрел на меня с вопросом во взгляде, я смущенно призналась:

— Хоук рассказал мне о твоём браке.

— А, — проворчал он, — ну, конечно. С тех пор много воды утекло. Я справился с этим. Иногда нужно понять, что люди не те, за кого себя выдают, и, как бы глубоко мы их не любили, они на самом деле не изменятся. Это трудно принять, но я все же справился.

— Так почему ты в конечном итоге стал работать на Бордена?

— Потому что все, во что я верил, оказалось ложью. Моя жена смеялась надо мной за моей спиной и прыгнула в постель к моему лучшему другу. После этого мой мир рухнул. Думаю, хуже всего было то, что меня больше ничего не волновало. Ни мои друзья, ни семья, ни люди, с которыми я работал в участке. А с Борденом... ну, это была возможность послать всех к чертям и сделать что-то для себя. Он щедро платит и всегда заботится о своих сотрудниках. Я без труда сделал этот выбор.

Я понимающе кивнула. Борден всегда говорил, что его люди — это просто оплачиваемые сотрудники, но, как и у Грэма, их преданность была очевидна. Борден был суров, но справедлив, и я вдруг затосковала по нему. Снова достав телефон, я еще раз попыталась дозвониться до него.

— Ничего? — спросил Грэм.

— Нет, — ответила я, засовывая телефон в карман. — Должно быть, он очень занят сейчас.

— Какого черта? — Грэм неожиданно ударил по тормозам, и нас бросило вперед. Машина резко остановилась, и я проследила за его взглядом в сторону первого автомобиля. Он тоже остановился, и оба мужчины вышли наружу.

— Что происходит? — спросила я.

— Не знаю, — Грэм посмотрел в зеркало заднего вида. Машина позади нас тоже остановилась, мужчины жестами спрашивали, что случилось. — Оставайся здесь, — сказал Грэм. — Я посмотрю, что произошло.

Он вышел из машины, и я наблюдала, как он зашагал к мужчинам впереди. Один из них пошел навстречу, и, жестом указывая на задние колеса, быстро заговорил. Грэм подошел со стороны багажника и, опустившись на колени, стал осматривать колеса и дорогу. Я выпрямилась на своем сиденье, пытаюсь лучше разглядеть, что происходит. Грэм коснулся рукой задней части колеса, его лицо напряглось, он тут же встал и заговорил достаточно громко, чтобы я могла услышать через закрытое окно.

— Разворачиваемся! Это ловушка! Разворачиваемся! *ЗАСАДА!*

Как только он выкрикнул последнее слово, раздались громкие хлопки. При звуке выстрелов мое сердце подпрыгнуло. Грэм рванул обратно к машине, вытаскивая из-за пояса пистолет и крича мужчинам укрыться. Остальные двое последовали его примеру и, тоже достав оружие, укрылись за первой машиной. Они оглядывались вокруг, всматриваясь в лес, после чего один из них воскликнул:

— Там!

Я закричала, когда пули попали в капот моей машины. Пригнувшись, я закрыла голову руками.

Блядь. Блядь. Блядь.

— Они стреляют по двигателю, — закричал один из мужчин.

Я не знала, что делать. Мне было слишком страшно выйти, слишком страшно сесть, слишком страшно посмотреть на мужчин. Внезапно их крики возобновились.

— Эмма! — услышала я Грэма. Пассажирская дверь в моей машине открылась, и чьи-то руки схватили меня. Я взглянула в испуганные глаза Грэма. — Вылезай, Эмма! Машина сейчас бесполезна! Тебе нужно бежать!

— Куда бежать?

— Эмма, просто беги!

Он силой вытащил мое скрюченное тело из машины, и в этот момент вокруг нас засвистели пули. Он толкнул меня на землю рядом с колесом машины, рухнув на меня, закрывая собой. Вокруг нас был дождь из пуль, некоторые разрывались так близко, что у меня в ушах словно взрывались бомбы. Я вскрикнула, испугавшись, что они попадут в нас.

— Беги, — сказал он, когда огонь пошел в другом направлении.

Я слышала крики других мужчин. Грэм схватил меня за плечи и встряхнул.

— Эмма, — прорычал он. Я испуганно посмотрела на него. — Беги в лес! Я должен как можно дольше сопротивляться этим людям, прежде чем они попытаются добраться до тебя.

Добраться до меня? Почему они хотят добраться до меня?

— Это по моей вине?

— Беги! — снова взревел он, взбешенный моей неподвижностью.

Подняв свое тело на ватные ноги, я побежала напрямик в лес. Оглянувшись через плечо, посмотрела на Грэма, и мое сердце остановилось. Он упал на колени, хватаясь за грудь. Я увидела кровь и закричала.

Его застрелили.

Эмма

Я побежала в лес. Позади, не прекращаясь, звучали выстрелы. Мне был слышен крик Грэма, но я не могла разобрать слов. Я обернулась, упала на землю и увидела, как он стреляет из пистолета, выглядывая из-за крыши машины, и снова приседает, прячась за ней. Его рука по-прежнему была прижата к груди, и даже в темноте мне было видно, как струящаяся из раны кровь пропитывала рубашку.

— Беги, Эмма! — кричал он что есть силы полным отчаяния и боли голосом. — БЕГИ!

Тем не менее, я не бежала. Не могла бросить его. Мне хотелось помочь, ведь он истекал кровью, а те — кто бы они ни были — продолжали стрелять. Мне не было видно, ни кто они, ни откуда появились. Остальные мужчины лежали мертвыми в лужах крови, оружие валялось рядом с их телами. Если бы я только могла добраться до пистолета...

Над моей головой просвистела пуля, и я упала на землю, прижимаясь к ней всей грудью. Мое сердце грохотало, как никогда раньше, и я втягивала в себя воздух, пытаюсь успокоиться. Мне казалось, что от страха меня парализовало. Снова зазвучали выстрелы, а потом я услышала крик Грэма. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы поднять голову и взглянуть на него, но мне все еще не было его видно. Я заставила себя приподняться выше, пока не оказалась стоящей на коленях.

Моя рука взметнулась ко рту, потому что я увидела, как он упал на землю, сраженный второй пулей, попавшей ему в грудь. Он выглядел почти бездыханным, но его губы продолжали шевелиться, снова и снова повторяя слово «беги». Я зарыдала, прикрыв рот ладонью. Мое тело затряслось, когда до меня дошло, что он умирал — это стало понятно, когда мгновение спустя он перестал двигаться. Он был *мертв*.

Я почувствовала, как глубоко внутри меня что-то оборвалось, и прижала другую руку к груди, ощущая катящиеся по лицу обжигающие слезы от огромного чувства потери.

Грэм. Грэм. Это не может быть правдой. Он притворяется. Он должен быть жив.

Стрельба тут же прекратилась. Наступила тишина. Я не знала, что делать. Тело уговаривало успокоиться, а мозг вопил продолжать движение и убираться как можно дальше отсюда. Я осмотрелась, пытаюсь найти укромное место, но мои мысли прервал звук голосов. Я увидела двоих мужчин, выходящих из леса с противоположной стороны дороги, и снова пригнулась к земле, наблюдая за ними в просвет между деревьями. Они остановились возле Грэма, и один из них, ухмыляясь, пнул ногой его безжизненное тело.

— Найди сучку, — сказал он, наклоняясь, чтобы забрать пистолет Грэма. Засунув его в карман, он посмотрел в мою сторону. Сердце на мгновение сбилось с ритма, но я поняла, что он не может увидеть меня в темноте. — Она где-то поблизости. Она не могла далеко уйти.

Дрожа всем телом, я отползла назад и оглянулась вокруг. Тело казалось одеревеневшим, но я поднялась и заставила себя бежать. Ноги с хрустом наступали на подмерзшую землю — каждый мой шаг, словно отголосок взрыва, раздавался в моих ушах, и я плакала на холодном ветру. Они найдут меня за считанные минуты. Я понятия не имела, что делать, а на обдумывание этого не было времени. Либо они найдут меня, либо я буду бесконечно бегать

по лесу и окончательно заблужусь. Сильно подморозило. И если они не убьют меня, то за них это сделает холод.

Через несколько минут я остановилась у большого дерева, прижавшись к нему спиной. Мои руки покрылись гусиной кожей, и я растирала их, пытаюсь согреться. Мне нужно было тепло, потому как кроме рубашки и джинсов, на мне ничего не было.

Звук треснувшей позади ветки заставил меня замереть. Я вжалась спиной в дерево и задержала дыхание. Затаившись, я не шевелилась и прислушивалась к окружающим звукам. Снова треснула ветка, и я зажмурилась. Зубы стучали, к горлу подступала тошнота. Столько страха и паники было слишком для моего маленького тела. При таком раскладе я умру раньше, чем они меня найдут.

Дыши. Дыши. Дыши.

Рефлекторно я подняла руку и скользнула в вырез рубашки в поисках спрятанного в лифчике ножа. Но его там не было. Я сжала руку, вонзая ногти в ладонь, и стукнулась головой о дерево. В спешке покидая квартиру, я забыла нож.

Как, Эмма? КАК ты могла забыть?

Страх снова сковал меня. Я не могла двигаться, чувствуя себя опустошенной и такой одинокой. Никто не сможет мне помочь. Я всегда гордилась тем, что никогда не вела себя, как беспомощная истеричка, но сейчас я буквально молилась хоть о какой-то помощи. Медленно я вытащила из кармана свой телефон. Не зная, стоит ли прикасаться к кнопкам, я пыталась глубоко дышать. Если рядом кто-то был, то они могли заметить свет от экрана, и для меня все будет кончено. Я выжидала, кажется, целую вечность. Вдруг они не стали здесь искать? Вдруг они прошли мимо, и это звуки их шагов я слышала? Я так чертовски замерзла и не могла думать ни о чем, кроме тепла и помощи. Через какое-то время стал слышен лишь шелест листьев на ветру и грохот моего сердца, отдающийся в ушах. Казалось, я окружена тишиной и одиночеством, и от этого было не по себе. Пугало все: высокие деревья, качающиеся ветки, ветер, завывающий и хлещущий по лицу, обжигающий глаза и замораживающий слезы.

Просто сделай это. Сделай это. Сделай это. Позвони, иначе замерзнешь насмерть.

Я включила телефон и быстро набрала 911. Свет экрана ослепил меня, я быстро заморгала, приспособившись к нему, и нажала цифры на экране. Дрожащей рукой я прижала телефон к уху, и спустя всего один гудок безразличный голос оператора спросил:

— 911, что у вас случилось?

Внезапно раздался треск, и мне показалось, что в мое сердце вонзился нож. Это было рядом. Слишком близко. Какая-то черная тень метнулась в мою сторону, и я закричала, когда кто-то неожиданно попытался схватить меня за руку. Успев вовремя отскочить, я в панике бросила телефон и снова пустилась бежать изо всех сил.

— Здесь! — выкрикнул сзади меня мужской голос. — Она здесь!

Тело буквально гудело от переизбытка адреналина, и я бежала куда глаза глядят. Ветки били по рукам, царапая кожу, когда я проталкивалась сквозь густые заросли. За спиной слышались преследующие меня шаги, но я не оглядывалась, а продолжала бежать, спотыкаясь о камни и поваленные деревья. Чья-то рука схватила меня за предплечье, отчего сердце подпрыгнуло к горлу, и я закричала, когда второй рукой человек обхватил меня за талию. Он приподнял меня над землей, и я снова закричала, упорно пытаюсь вывернуться из его хватки. Я ни за что не перестану бороться. Я ни за что не сдамся. Он что-то проворчал и сильно приложил меня головой о ближайшее дерево. Я упала на землю, голова гудела.

Почувствовав сильный удар в бок, я свернулась калачиком и закрыла голову руками.

— Ты собираешься все усложнять? — сказал мужчина.

Очередной удар металлического мыска его ботинка пришелся на мою поясницу. Меня пронзила нестерпимая, мучительная боль. Я тут же встала на колени, пытаюсь отползти, но он схватил меня за волосы. Прежде чем я успела что-то понять, он снова ударил меня головой о нереально твердое дерево. Из глаз посыпались искры, голова закружилась. После этого мое тело обмякло и повисло в его руке, а он все продолжал избивать меня, пока я не превратилась в практически безжизненную тряпку. С громким ворчанием он перекинул мое безвольное тело через свое плечо.

Я чувствовала, что меня вот-вот вырвет. Скорее всего, так и будет. Я не знала. Я была почти в отключке. Голова кружилась, тело болело, перед глазами плыли круги. Мне было очень холодно — тело окоченело с головы до ног. И, теряя сознание, я услышала победный возглас мужчины: — Я поймал ее!

Эмма

Меня разбудила пульсирующая боль в голове. Я открыла глаза и увидела темноту. Моргнув, я огляделась. В поле моего зрения оказались фигуры,двигающиеся вокруг меня уверенными шагами. Я со стоном открыла рот и облизала свои холодные онемевшие губы.

Я по-прежнему на улице, все еще где-то в лесу, все еще с отмороженными сиськами. Только я не бегу. А лежу на боку на холодной сырой земле. Деревья над головой покачиваются от ветра, и в течение нескольких мгновений я просто уставилась в черное безжизненное небо, ожидая, когда оно поглотит меня целиком. Часть меня надеялась, что я просто уже умерла. Что холод поглотил меня, и последнее, что я запомнила, прежде чем исчезнуть, — это банальное скучное небо — явственное отражение моей такой же скучной жизни до встречи с Борденом.

Я медленно пошевелилась — это оказалось невероятно трудной задачей, потому что каждый сантиметр моего тела одеревенел. Очень скоро я поняла, что не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. На мгновение я запаниковала, пока не поняла, в чем дело. Мои руки были связаны за спиной, лодыжки ног тоже. Веревка была тугой — слишком тугой, чтобы можно было попробовать избавиться от нее — но я, блядь, буду пытаться всем своим существом.

— Маллиган сказал, что сегодня ночью все закончится. Значит, нужно будет все сделать. А это значит, что вы должны выполнить свою ебаную работу и выкопать эту гребаную яму. И я не желаю слышать ваш скулеж по этому поводу. Не хочу слышать, как промерзла земля. Не будьте жалкими ссыкунами. Просто, блядь, сделайте это сейчас, чтобы мы могли выбраться из этой дыры и получить свои деньги.

Голос принадлежал мужчине, который до этого приказывал остальным найти меня. Я повернулась в его сторону и начала внимательно рассматривать. Крупный, лысый, одет во все черное, как и остальные. Я насчитала пятерых. Лиц не было видно. Нельзя было разглядеть и особых примет — не то чтобы это имело какое-то значение. Необязательно скрываться, если свидетеля ждет смерть.

Даже если они и знали, что я очнулась, им было все равно. Я была не больше, чем частью пейзажа. Они просто ходили вокруг меня, словно я была самым безобидным существом, ходившим по этой земле. Они были правы. Я чувствовала это. Если подумать логически, выхода нет. Они сделают со мной все, что захотят, и я могу либо, как сейчас, оплакивать то, что сама поздно убежала от перестрелки, либо умереть, пытаясь хотя бы бороться, какой бы жалкой не оказалась эта борьба.

— Борден убьет каждого из вас, — слабо проговорила я. Прозвучало тихо, но я знала, что они услышали каждое слово, слетевшее с моих губ.

Они не обратили на меня внимания, и я почувствовала странную истерику, пузырем раздувавшуюся внутри. Я начала хохотать, и мой смех звучал безумно. А слова, вылетевшие из моего рта потом, и вовсе были чистым сумасшествием.

— Он будет охотиться на вас, как на тех братьев. Вы же знаете, что он сделал с ними, не так ли? Он пытал их, отрезая от них по кусочку. Рассказывал, что они умоляли его убить их, но он не оказал им пощады. Он просто резал их — кусочек за кусочком — пока от них не

осталась лишь куча белых костей в костровой яме.

Большую часть из этого я придумала, но какое это, черт возьми, имело значение? Все, что им нужно — это бояться гнева Бордена, потому что, в конце концов, моя смерть сорвет его с катушек. Он будет выслеживать каждого из них и, вероятно, поступит гораздо хуже, чем я могла бы себе представить. Даже самые глубокие и самые темные уголки ада содрогнутся от его возможностей. Если я умру, Борден заживо сожжет каждую душу, вставшую на его пути.

На этот раз они повернули головы и посмотрели на меня. Четверо мужчин прекратили делать то, чем были заняты — мне не было видно, чем. Не знаю, разозлила ли я их, но они посмотрели на лысого — видимо, главного. Он взглянул в мою сторону, и я стала ждать, что он снова подойдет ко мне, связанной, и еще сильнее ударит по моей практически сломанной спине. Но вместо этого он сказал:

— Не обращайтесь на нее внимания. Она в прямом смысле готовится к собственным похоронам и скажет все, что угодно, лишь бы напугать вас.

Мужчины вернулись к своему занятию, а я продолжила сражаться с веревкой, затянутой вокруг моих рук. Из-за неудобного положения, в котором я лежала, болели плечи, а из-за связанных сзади рук моя спина неестественно выгибалась. Я осталась лежать на боку, хватая с земли обломки веток в надежде, что одна из них окажется достаточно острой, чтобы разрезать веревку. Эта надежда была утопической, но я цеплялась за нее каждой своей клеточкой, каждой частичкой души. Я не умру. Не могу умереть. Я слишком мало пожила, чтобы оказаться зарытой в гребаной яме, выкопанной для меня толпой жадных до денег мужиков.

Нет, я не могу так закончить. Мне еще слишком рано умирать. В этом мире так много тех, кто зря расходовал кислород. Черт возьми, я заслужила шанс чего-то добиться! Позаботиться о дальнейших отношениях с Борденом. Изменить его, прежде чем он станет настоящим чудовищем. Доказать бабушке, что в нем есть гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Я не хотела плакать, но с каждой проходящей секундой чувствовала, как ужас охватывал меня, забирая последние силы. Это была полная паника. Начался официальный обратный отсчет моей жизни, и я не хотела встретить смерть с заплаканными глазами. Я хотела драться.

Они проворчали что-то касательно того, что делали, а потом лысый подошел ко мне. Я откатилась от него, пытаясь брыкаться любой частью тела, которой могла. Наверное, я была похожа на извивающуюся гусеницу с дергающимся телом, в ближайшем времени отправляющуюся в небытие. Услышав их смех, я попыталась снова откатиться, когда тяжелая нога обрушилась мне на спину, и, выбив весь воздух из легких, придавила к земле. Я уронила голову на землю, касаясь губами влажной почвы, вдыхая через боль в ушибленной спине.

— Тебе некуда бежать, — с улыбкой в голосе сказал лысый.

— Иди на хуй! — выплюнула я.

— Я определенно трахнул бы тебя, но нас поджимает время, и это пиздец как обидно, потому что мне очень хотелось бы стать тем последним, кто кончит в маленькую шлюшку Бордена. Великолепный был бы случай отыметь этого козла.

Он схватил меня за плечи, перевернул и наклонился. Я посмотрела на него, подалась вперед и, собрав остатки слюны во рту, плюнула ему в лицо. Он тут же ответил мне ударом в

мой правый глаз. Голова откинулась назад, еще больше искр посыпалось из глаз. Мою и без того ноющую голову пронзила такая боль, словно тысяча гвоздей воткнулась в мой череп.

— Получай, сучка, — прохрипел он.

Он поднял меня, а я пыталась сопротивляться его хватке, но каждое движение вызывало тошноту. Меня вырвало через его плечо поднявшейся из желудка желчью.

— Готовь гребаный гроб, — услышала я его голос, абсолютно не смущенный моей рвотой.

Гроб?

Наплевав на тошноту, я снова задергалась, крича в ночь как можно громче. Ничто не могло заставить замолчать меня. Я буду кричать, пока не сорву голосовые связки, пока не сделаю свой последний вдох. Волосы прилипли к лицу, еще больше рвотной желчи выплескивалось через мои губы, и все же я буду бороться, как бы безнадежно это не выглядело.

Он грубо скинул меня со своего плеча в деревянный ящик. Я вскинула ноги кверху, но один из мужчин схватил их и прижал книзу. Истерически крича, я оглядела деревянный гроб, в который меня положили. Это был длинный прямоугольный ящик — длиннее моего тела — пахнущий сосновой доской и пылью. Я кричала без остановки, что-то бессвязно говоря: возможно, я умоляла их остановиться, а, возможно, посылала их ко всем чертям. Я не знала. Сознание ускользало от меня. С приближением уготованной мне смерти я теряла рассудок.

— Придержи ее плечи, — приказал лысый.

Я почувствовала другую пару рук на моих плечах и широко открытыми глазами взглянула в незнакомое лицо. На меня смотрели пустые глаза. Бездушный взгляд бездушного убийцы. Я увидела какую-то вспышку, и сквозь слезы увидела лысого, державшего в руке телефон. Он навел его в мою сторону, и очередная вспышка сверкнула и погасла.

— Фото сделано, — сказал он. — Заколачивай верх.

Двое других мужчин двинулись к нам, неся в руках крышку гроба. Я снова заорала что есть мочи, когда они начали опускать ее на меня. Руки, удерживающие мои щиколотки и плечи, исчезли. Рефлекторно я подняла ноги и ударила ими в крышку, благодаря которой меня начинала окутывать непроглядная черная тьма. Но крышка была довольно тяжелой, чтобы скинуть ее. Звуки ночи становились более приглушенными, а их голоса нечеткими, и несколько мгновений спустя я услышала, как что-то стучит по ящику.

Они заколачивали меня в нем.

Меня охватила паника. Я пронзительно завизжала, но ничего не произошло. Попыталась стучать ногами, но они уперлись в крышку ящика, и снова ничего не произошло. У меня даже не было возможности сопротивляться. Я поняла, что потерпела крах, и разрыдалась. Ничего нельзя сделать. Я позволила слезам свободно стекать по лицу, потому что все действительно было кончено. Мне предстоит смерть от удушья. В этом не было никаких сомнений.

Ящик вдруг сильно качнулся, и я съехала к стенке. Они опускали меня куда-то. Наверное, в яму. Боже, это действительно были мои похороны. И затем я услышала это... Тихий звук падающей на крышку земли. Они хоронили меня заживо. Сбылись все мои худшие кошмары. Я тяжело дышала, но не могла вдохнуть воздух. Я уже задыхаюсь? Неужели за такое короткое время я могла израсходовать весь воздух? Попробуем рассуждать здраво. Нет. Это невозможно. У меня просто паническая атака. Я чувствовала себя в состоянии

безумия, и на секунду обрадовалась начавшемуся головокружению в надежде, что просто потеряю сознание, и эти мучения закончатся.

Я покачала головой, понимая, что нахожусь в сознании. Снова закричав, я попыталась стучать по доскам вокруг себя плечами и даже головой, совершенно бесполезно изнуря себя. Я не понимала, почему продолжала биться, когда это было бесполезно. Моя воля словно отказывалась умирать.

Звуки земли, падающей на крышку, через несколько минут стихли, и я больше не слышала ничего. Мои уши не улавливали больше ничего, кроме моего шумного судорожного дыхания.

— Нет, пожалуйста, нет, — скулила я. — Нет, я не готова. Не готова.

В моих мыслях уже всплывали лица бабушки, моей матери, Бордена... Я покачала головой, отгоняя их, не желая признавать правду. Но они все равно возвращались ко мне.

Бабушкин голос. Случайные воспоминания замелькали в моем сознании.

8 лет: Я нашла эти роликовые коньки и купила их на последние деньги. Примерь. Они розовые!

10 лет: Ты моя принцесса, Эмма, независимо от того, сколько тебе лет. Ты всегда будешь моей принцессой, Эмма.

13 лет: Не кори себя. Ты не виновата в смерти матери. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя и никогда не покину.

14 лет: Если ты собираешься часто покидать дом, то возьми этот нож и положи куда-нибудь, где его никто не найдет. Всегда будь вооружена. Это темный мир, а ты слишком красива для него.

16 лет: Давай поговорим о противозачаточных средствах.

18 лет: Он дурак, если изменил тебе. Только дурак позволил бы тебе уйти.

20 лет: Я не просила тебя приехать с какой-то конкретной целью. Но раз ты здесь, я устрою для тебя свидание. Он очень красивый мужчина.

22 года: Я так гожусь тобой, Эмма. Просто потому, что ты — это ты. Других причин мне не надо.

Я снова покачала головой, отгоняя эти образы. Нет! И как только я сказала «нет», мое тело перестало двигаться. Я была предельно истощена: как эмоционально, так и физически. Закрыв глаза, я смаковала остатки воздуха, циркулирующего вокруг меня. Сколько времени требуется, чтобы умереть в гробу? Это было по-настоящему жестоко. Смотреть в лицо такой смерти, не имея возможности предотвратить ее. Мне предстояло взглянуть в лицо всей своей жизни, всем своим неудачам и всему тому, что я оставляю — на это у меня ровно столько времени, сколько потребуется, чтобы вдохнуть каждый грамм воздуха вокруг меня.

Я так сильно плакала. Глаза болели, слезы катились по щекам. Нос заложило, и в какой-то момент новая порция желчи поднялась к горлу. Меня вырвало, я закашлялась и снова заплакала.

И на этом я целиком и полностью выдохлась.

Тяжелая земля создавала давление, отчего деревянная крышка прогибалась и скрипела. Это делало происходящее еще более реальным. Было такое ощущение, что стенки словно сжимались вокруг меня. Я вдохнула побольше воздуха, охваченная таким тяжелым отчаянием, что стало больно.

Возможно, я смогу просто уснуть. Возможно, не почувствую, как моя душа ускользнет.

Я закрыла глаза и представила, как Маркус обнимает меня, гладит рукой по волосам и целует своими восхитительными губами. Каким-то образом это облегчило боль в груди. Я уцепилась за это.

Это все из-за тебя, Маркус.

Но меня все равно это не волнует. Я твоя куколка.

Я всегда буду твоей куколкой.

Эмма

Шшшшшххх.

Шшшшшххх. Шшшшшххх.

Мои глаза с трудом разлепились от этого звука. Он проникал под крышку гроба.

У тебя галлюцинации. Вероятно, тебе не хватает воздуха. У тебя начинается удушье.

Я покачала головой в попытке ее прояснить. Действительно ли у меня были галлюцинации? Мое сердцебиение ускорилося, когда звуки продолжились.

— Помогите, — слабо проговорила я, моему голосу не хватало силы. — Пожалуйста, помогите.

Горло саднило, говорить было больно. Боль в спине от лежания на связанных запястьях стала невыносимой, и я не могла шевельнуться, не вздрогнув от мучительных ощущений. Я была наполовину убеждена, что сплю, и звук, проникающий под крышку гроба, мне просто снился.

Но он был слишком явным. Мой слух — это все, что у меня было в крошечной темноте, и я не могла ошибаться.

— Пожалуйста, — рыдая, умоляла я. — Пожалуйста, помогите мне.

Трррррррррр!

Трррррррррр!

Ящик дернулся, и у меня заколотилось сердце. Это была единственная часть моего тела, все еще сохранившая силу. Все остальное представляло собой груды костей и мяса. Я продолжала смотреть в черноту, моргая, пытаюсь прогнать головокружение. Я так устала. Так чертовски устала.

Ты медленно задыхаешься.

Внезапно я услышала громкое ворчание, сопровождающееся низким сердитым рыком. Звук был абсолютно чудовищным.

Трррррррррр! ТРРРРРРРРРРР!

Доски надо мной выгнулись, а потом с громким треском разлетелись. Свежий воздух и комочки земли коснулись моего лица, когда крышка, сопротивляясь, открылась. Тьма рассеялась, и первое, что я увидела — это огромная рука, отрывающая оставшуюся часть сломанной крышки. Огромная фигура нависла надо мной. Я увидела развевающиеся на холодном ветру длинные волосы, а когда фигура наклонилась ко мне, разглядела густую бороду и темные глаза. Вид знакомого лица больше испугал, чем успокоил меня. Я задохнулась рыданиями и выкрикнула.

— Хоук?

— Я с тобой, — сказал Хоук, обхватив меня руками. — Я держу тебя.

Он вытащил мое обмякшее тело и вынес из ямы. Я едва могла чувствовать его прикосновения, когда он осторожно положил меня на землю, перекатил на бок и острым клинком, оказавшимся в его руке, срезал веревки с моих рук и ног. Мой разум отказывался возвращаться. Это не могло быть реальным. Вероятно, я умирала, и это некая предсмертная галлюцинация. Но потом он перекатил меня на спину, и я почувствовала резкую боль в

плечах, когда мои руки переместились из-за спины вперед.

— Ты в порядке, — сказал он тихим голосом. — Теперь ты в порядке. Я с тобой.

Это было слишком. Это было *слишком реальным*. Я не выдержала и разразилась неудержимым плачем, вспоминая тот ужас, из которого он меня спас. Его сандаловый запах проник в мой мозг. Его прикосновения сломали окаменение моей замерзшей плоти. Заметив, что я замерзла, он сорвал с себя кожаную куртку и закутал меня в нее. Неожиданное тепло вызвало во всем теле покалывание.

— Не оставляй меня, — задыхаясь, плакала я, наконец, осознав произошедшее. Я была сильно избита и все еще не могла двигаться. — Не оставляй меня. Не оставляй меня, — как сумасшедшая, повторяла я.

Он быстро поднял меня и, удерживая у своей груди, каждый раз отвечал:

— Не буду.

Я была как в тумане. Нет точного слова, чтобы описать мое психическое состояние. Отстраненная? Сломленная? Ощущение, словно мою душу вырвали из телесной оболочки, и я просто зависла, безучастно наблюдая сверху за происходящим. Я была спасена. Я не умерла. Не осталась в яме. Но мое тело реагировало так, словно я все еще в ней.

Хоук пробормотал что-то и начал проталкиваться сквозь заросли, словно двигался в известном ему направлении. Мне казалось, что он идет целую вечность, и пути этому не будет конца. К тому моменту, когда лес встретился с дорогой, я была окутана теплом и не имела сил произнести ни слова.

— Мы пришли, — сказал он, его голос по-прежнему был непривычно нежным. — Ты в безопасности.

Он опустил одну из своих крепких рук, удерживающих меня, и легкая потеря равновесия заставила меня вцепиться в его рубашку. Меня пронзил страх того, что он оставит меня, и я затрясла головой, неосознанно повторяя «не отпускай», пока он не сказал:

— Эмма, я не брошу тебя. Не беспокойся.

Он сунул руку в карман и достал ключи. Я повернула голову и увидела стоящий на обочине черный внедорожник. Подойдя к нему, он открыл пассажирскую дверь и аккуратно усадил меня на черное кожаное сиденье. Закрыв за мной дверь, он поспешил на свою сторону, сел в машину и, запустив двигатель, включил обогреватели. Выражение глубокой сосредоточенности было на его лице — лице, перепачканном грязью. Я смотрела на него, как на какого-то неземного бога, возникшего из ниоткуда, чтобы спасти меня и была не в силах отвернуться. У меня вообще ни на что не было сил. Я была в абсолютном шоке.

— К-как ты меня нашел? — мой голос был слабым и хриплым.

— Я следовал за тобой, — ответил он, поворачиваясь ко мне всем своим большим телом. — Грэм отправил мне сообщение и адрес бара. Я наткнулся на машины, наших людей и... Грэма, — он тяжело сглотнул. — Как ты себя чувствуешь? Я не мог добраться до тебя раньше. Мне нужно было позаботиться об этих уебках. Прости.

Я моргнула. Он серьезно извиняется?

— Ты спас меня, Хоук.

— Я хотел бы, чтобы это случилось раньше. Но большого парня оказалось нелегко завалить.

Я посмотрела на него.

— Ты... ты убил их?

Он прищурился.

— Естественно, я убил их. Я перерезал их одного за другим.

— Всех пятерых?

Он мрачно кивнул.

— Если бы я не был так ограничен во времени, то устроил бы нечто большее для этих тварей, — его взгляд упал на мои дрожащие руки. — Теперь ответь мне. С тобой все в порядке?

Я отвернулась от него, из моих глаз покатались слезы.

— Грэм мертв.

Эти слова, произнесенные вслух, резанули по сердцу. Боль была такой свежей. Я закрыла лицо рукой и всхлипнула.

— Я знаю, — ответил Хоук дрогнувшим голосом.

— Остальных убили в течение нескольких минут. Я не хотела убегать. Я спряталась и видела, как они застрелили его. Он все время кричал, чтобы я бежала... а я не хотела его оставлять, но у меня не было выбора. Если бы он просто побежал со мной, если бы... если бы мы поступили как-то по-другому... Это моя вина. Я не должна была выходить из дома...

— Эй, — прервал меня Хоук, придвигаясь ближе. Он не прикасался ко мне, но наклонялся вперед, пока его лицо не приблизилось к моему. — Ты ни в чем не виновата, — прошептал он. — Ты поняла? *Ни в чем*. Если не сегодня, то в любой другой день это все равно могло бы случиться.

— Но Грэм...

— Грэм знал, чем рисковал. Черт, мы все знаем, чем рискуем.

— Он умер за меня, Хоук, — я посмотрела на него сквозь пряди волос, закрывающие мое разбитое лицо. — Он мертв.

Некоторое время он ничего не говорил. Ему и не нужно было. Я видела его боль. Он протяжно вздохнул и отодвинулся.

— Да, — в конце концов, тихо пробормотал он. — Он — да, но ты — нет. И я должен позаботиться о тебе.

Он взялся за руль, развернул машину и, выехав на дорогу, набрал скорость. Между нами внезапно образовалась дистанция, словно это не он несколько минут назад ласково прижимал меня к своей груди, убеждая, что я в порядке. В моем нынешнем состоянии мне нужна была эта близость. Нет, я отчаянно нуждалась в Бордене. Мне нужны были его руки, его тепло, его слова, его любовь. *ОН* — единственный, в чьей заботе я нуждалась.

— Куда мы едем? — спросила я Хоука, чувствуя, как все мои мышцы расслабляются в удобном кресле.

— В безопасное место, — ответил он.

— Ты имеешь в виду, к Бордену?

По какой-то причине Хоук не ответил.

Все еще завернутая в его куртку, я прислонила голову к окну и в какой-то момент уснула. С каждой кочкой, на которую мы наезжали, я просыпалась в страхе и волнении.

— Все в порядке, Эмма, — говорил Хоук, протягивая ко мне руку, но не прикасаясь.

— Куда мы едем? — сонно спросила я, потому что не узнавала ни одного места, мимо которых мы проезжали. Я была настолько выбита из колеи, что не обращала внимания на дорогу.

— Как уже говорил, я везу тебя в безопасное место.

— К Бордену, — прошептала я, практически проваливаясь обратно в темноту.

— Отдыхай, Эмма. Тебе это необходимо.

Я не стала спорить. Я не смогла бы сохранить ясность мыслей, даже если бы попыталась. Все эти крики, весь этот ужас, вся эта грубая боль истощили мое тело.

И в этой темноте мне становилось немного легче.

Эмма

Хлопнула дверца машины, и я проснулась. Вокруг темнота. Я осмотрелась и поймала взглядом фигуру Хоука, идущего через автостоянку, и большое массивное здание из красного кирпича с вывеской «Военные Бароны» — тату-салон.

Мгновенно почувствовав тревогу, я внимательно огляделась. Это было совершенно заброшенное место. Исключение составляли три черных мотоцикла, стоящих в линию перед входом. Какого черта я здесь делала? Как долго я проспала? Я повернулась в сторону Хоука и стала наблюдать, как он стучит в черную входную дверь. Место выглядело зловещим и мрачным. Затемненные окна с решетками. Никаких признаков жизни.

Хоук постучал снова — на этот раз сильнее — и дверь резко открылась. Из нее появились двое мужчин в черном. Я не могла слышать их разговор, но увидела, как Хоук, наклонившись вперед, ткнул пальцем в их лица, а затем указал на кого-то или что-то позади них. Они тут же кивнули и ушли, оставив дверь открытой. Хоук развернулся и направился к машине. Подошел к моей пассажирской двери и открыл ее.

— Давай, малышка, — настойчиво сказал он. — Пора выходить. Мы немедленно уложим тебя в кровать.

Я не двигалась и, крепко вцепившись в ремень безопасности, с сомнением посмотрела на него.

— Где я, Хоук?

— На территории Военных Баронов.

— Зачем?

— Потому что ты нуждаешься в присмотре.

Меня охватила паника, и я покачала головой.

— Нет, нет, нет, Хоук. Я хочу увидеть Бордена. Я не хочу идти в клуб...

— Я не могу отвезти тебя к Бордену, Эмма.

— Почему нет, черт возьми?

Он отвел от меня взгляд, постукивая рукой по крыше машины.

— Хоук, — надавила я, приподнимаясь с сиденья. В голове застучало и я, вздрогнув от боли, приложила к ней руку.

— Ты ранена? — тут же спросил он. — Они что-то сделали с твоей головой?

Я сделала несколько вдохов.

— Меня немного избили.

— Что они делали?

— Били меня ногами, еще головой об дерево и все в таком духе.

— В таком духе, — повторил он, раздувая ноздри. Его дыхание изменилось, пока он изучал меня. — Блядь, этого я не видел.

— Все нормально.

— Как, твою мать, это может быть нормально?

Я покачала головой.

— Сейчас это не важно. Где Борден?

— Не знаю. Он исчез. Последний раз его видели в порту.

— Куда, черт возьми, он мог исчезнуть?

— Если бы я знал, Эмма, то отвез бы тебя к нему. Я тоже в неведении.

Беспокойство сменилось страхом.

— Они схватили его, не так ли?

Он не ответил.

Я задержала дыхание и почувствовала, что мои легкие словно сдавило.

— Они схватили его.

— Мы этого не знаем.

Но я это знала.

— Лысый парень... — я неровно выдохнула, — ...он сказал, что сегодня все будет кончено.

— Что он имел в виду?

— Это значит, что они схватили его.

Хоук выдохнул.

— Тебе нужно перестать думать, Эмма. Позволь нам этим заняться, ладно? Вылезай из машины и проходи внутрь. Здесь ты будешь под присмотром после...

— Не хочу, чтобы за мной присматривали, — я перешла на крик. Он удивленно моргнул на мою вспышку, но я чувствовала, что дошла до точки кипения. — У меня был худший день в жизни. Я видела, как мужчину, о котором я заботилась, застрелили. Потом меня похоронили заживо. И теперь ты говоришь, что Борден исчез. Последнее, чего я хочу — это оказаться в байкерском логове, полном долбоебов, которым на все это насрать!

— Ты говоришь так, словно у тебя есть хоть какой-то гребаный выбор, — спокойно ответил он, прожигая меня своими темными глазами. — К сожалению, дорогуша, тебе крупно не повезло. У тебя нет выбора. Ты заходишь, тебе предоставляют комнату, и именно в ней ты будешь находиться, пока не появится Борден. Понятно?

— Иди на хер!

— Эмма, — в его голосе прозвучало предостережение.

Я толкнула его в твердую грудь и заплакала сильнее.

— Уходи! Оставь меня здесь!

— В машине, совершенно одну, в таком виде? У тебя сильный нервный срыв.

— Я предпочту остаться совсем одной в машине, чем находиться так же одной, но среди толпы незнакомых психов.

— Ты и не будешь одна. Я буду здесь с тобой.

Я застыла, уронив руки.

— Ты это не всерьез, — недоверчиво пробормотала я.

— Конечно, всерьез. Ты думаешь, что я просто возьму и оставлю тебя одну с этими парнями? Борден оторвет мне голову. Я никуда не уйду, договорились? Обещаю.

Мгновение я обдумывала его слова. Он давал мне иллюзию выбора. Честно говоря, я понимала, что у меня его нет. Я должна пойти, хотя не доверяла тому, что могло быть там. После сегодняшнего вечера я чувствовала, что с меня сорвали оболочку сильной девушки, которой всегда себя считала, превратив в клубок страха и незащитности. Борден говорил до этого, что есть люди, готовые причинить мне боль только ради того, чтобы добраться до него. И я понимала это, но сегодняшний реальный опыт ввел меня в ступор. Мне больше никогда не хотелось бы испытать подобное.

— Пойдем, — прошептал он с нотками отчаяния в голосе. — С тобой ничего не случится. Я ведь до сих пор с тобой, правда?

Я потеряно кивнула. Дрожащими руками отстегнула ремень безопасности. Он спросил, не требуется ли его помощь, чтобы выбраться из машины, но я упрямо покачала головой, уверенная, что мне ничего не нужно. Но потом голова закружилась, и меня повело. Сделав несколько вдохов, я, держась за сиденье, соскользнула с него. Хоук не помогал мне, но держался рядом на случай, если я упаду. Он был обеспокоен. Я понимала, что он хотел бы отнести меня, но была против его прикосновений. Я нуждалась в руках одного-единственного человека, и это не Хоук.

Мы подошли к открытой двери большого тату-салона. Я настороженно оглядывалась, ожидая чего-то плохого. Возможно, крошечная часть меня считала, что Хоук обманет меня или что-то в этом роде. Было плохо так думать, потому что он спас мне жизнь, но я не доверяла байкерам, да и остальным людям веры было не больше.

Если Борден доверяет ему, то и ты тоже должна.

Хоук пропустил меня вперед, и я сразу же натолкнулась на взгляды тех двух мужчин, открывших дверь, и Гектора, стоящего со скрещенными руками, прислонившись к стойке регистрации. Все три пары глаз тотчас же оглядели меня. Если их и встревожил мой ужасный вид, на их лицах это никак не отразилось. Хоук вошел следом за мной, захлопнул дверь и задвинул засов.

— Какого хера здесь происходит? — тут же спросил Гектор.

— Сделка есть сделка, — холодно ответил Хоук. — Ты должен выполнить свою часть договора, брат.

Челюсти Гектора клацнули.

— Я должен выполнить свою часть? Какой договор ты имеешь в виду? Потому что, насколько мне известно, Борден кинул нас. Я не возьму эту сучку, какая бы хуйня у вас не случилась...

— Послушай, мудака. Борден пропал, — вмешался Хоук, встав рядом со мной. Его трясло от нескрываемой ярости. — Его девушку похитили, расстреляв в пух и прах охрану, потом ее избили и похоронили заживо. И ты собираешься стоять здесь и выебываться, что не возьмешь ее?

Все трое снова посмотрели на меня — их, до этого отрешенные, лица разочарованно скривились. Затем последовало молчание, после чего Хоук подтолкнул меня и сказал:

— Сядь на этот стул, Эмма.

Я села на стул возле стоящего у стены стола и закрыла лицо руками — силы покинули меня. Потребовалось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы сделать усилие и просто взглянуть на них. Они все еще смотрели на меня. Гектор, в частности, кажется, не пытался скрыть равнодушного любопытства в своем взгляде. Наконец, один из мужчин вздохнул и нарушил молчание.

— Борден сказал, что поедет на таможню оформлять наш груз. Сказал, что у него есть там какой-то пидор, который за взятку согласился возиться с этим дерьмом. Больше он не появлялся. Мы прождали пять часов и вернулись, — он пожал плечами, а я медленно изучала его. Он был в возрасте, вероятно, за пятьдесят, высокий, худой, с седой козлиной бородкой и черными с проседью волосами. На нем была кожаная жилетка с надписью «казначей». Я не знала, что это означает — в преступной терминологии байкеров я не разбиралась.

— Я знаю, — ответил Хоук. — Его люди говорят то же самое. Он исчез, и мы должны его найти.

— Вероятно, Маллиган добрался до него, — сказал Гектор, по-прежнему глядя на меня. — Это единственное объяснение. Он ни разу не оставался один, пока не скрылся в офисе. Мы объехали ту улицу дюжину раз. Его машины не было. Я подумал, может, он просто решил смыться, или что-то стряслось с его сучкой, или что-то еще.

Его сучка.

— У меня есть имя, — прохрипела я. — Меня зовут Эмма, а не сучка.

Гектор пожал плечами:

— Какая на хрен разница? Ты все равно не останешься. Сделка не состоялась. Сейчас мы в полной жопе, потому что нам нечего передать итальянцам — сраного товара нет — и они начнут охоту на наши задницы примерно через пять секунд. Это серьезная хуйня.

— Твой груз здесь, — хрипло возразил Хоук. — Он находится в гребаном порту, брат! Забрать его оттуда не будет проблемой.

— Мы не возьмем ее, пока груз не будет у нас. Эта сделка сработает только при обоюдном участии.

Выражение лица Хоука резко изменилось. Я почувствовала, как комната наполнилась его ледяной яростью. Он сделал шаг ближе, его огромное тело было точной копией тела Гектора, но Хоук выглядел настолько сурово, словно повидал на своем веку гораздо больше своего младшего брата.

Я была склонна верить этому.

Двое других мужчин отошли от него, решив, что держаться на расстоянии будет лучше. Мудрое решение. Хоук, как и Борден, был непредсказуем, и это могло быть очень хорошо или очень плохо — в зависимости от того, на чьей вы стороне.

— Обоюдном? — медленно повторил он. — Борден добровольно пошел на убытки ради вас, говнюки. Он получает всего лишь малую часть своей гребанной прибыли. Ты же получаешь гребаную сделку века со своим товаром и смеешь говорить про равенство? Суть сделки состояла в том, чтобы быть уверенным, что она, — он указал на меня своей искалеченной рукой, — окажется в безопасном месте в нужное время — и сейчас время охуенно нужное.

— Прости, Хоук, но не тебе принимать это решение. Насколько мне известно, президент этого клуба — я, и эта сучка не останется...

Тыдыщиц!

Удар был настолько внезапным, что я даже не поняла, что произошло. Кулак Хоука был покрыт ярко-красной кровью, а Гектор лежал на полу, хрипя и прижимая руку к окровавленному носу. С легкостью опустившись перед ним на колени, Хоук очень медленно проговорил:

— А насколько мне известно, настоящий президент этого гребанного клуба — я, и могу вышвырнуть твою подставную задницу в любой момент, когда, блядь, захочу. Как, например, сейчас. Она остается. И, Гектор, — он нагнулся еще ближе, — у нее есть гребанное имя, и сучка — не одно из них.

Хоук добился своего. Гектор выбежал из салона с прижатой к носу рукой и злым лицом. Минутой позже его мотоцикл взревел и умчался. Остальные двое просто тихонько стояли на заднем плане, выпучив глаза на Хоука, как на воскресшего Христа. Он перевел на них невозмутимый взгляд и рявкнул:

— Она остается. Для кого-то еще это является проблемой?

Они покачали головами, и мужик с бородкой пробормотал:

— Нет, Хоук. Это... хорошо, что ты вернулся.

— Я не вернулся, — ответил Хоук. — Просто на время вступаю в свои права. Пока она здесь, я — главный, и будет лучше, если никто не посмеет даже, блядь, взглянуть на нее. Она собственность Бордена, и вам лучше сообщить об этом всем, когда мы доберемся до клуба.

Они согласно закивали, а я с трудом верила своим глазам. Я привыкла к тому, что Хоук получает приказы, а не отдает их.

— Хорошо, — сказал он, хватая со стойки закрытую бутылку пива. — А теперь дайте мне ключ от резиденции.

***

Он отвез меня в паб «Корона» на той же улице. Это было очередное невзрачное здание из красного кирпича. Над вывеской с названием висел черный флаг с надписью «Военные Бароны» и гербом — меч между двух скрещенных боевых топоров, а в центре пылающий череп. Я узнала этот герб. Такой же был на их кожаных жилетах.

Мне хотелось спросить, почему Хоук привез меня в паб, но я решила его не беспокоить. Это могло взбесить его, и, в любом случае, я была слишком измучена, чтобы разговаривать. Вся эта ночь казалась бесконечной, но я знала, что, даже рухнув на подушку, не смогу закрыть глаза. Я буду думать о Бордене и переживать о том, где он.

Мы вышли из машины, и Хоук достал ключ, который один из байкеров отдал ему в салоне. Он вставил его в замок еще одной черной входной двери и, прежде чем открыть, сказал мне:

— Если кто-то еще в сознании, держись ближе ко мне, ладно? Они могут оказаться слишком пьяными, чтобы понять, кто ты, и будут пытаться облапать.

Я кивнула.

— Хорошо.

Он открыл дверь, и мы вошли внутрь. Это был обычный огромный паб. Освещение тусклое, но достаточное для того, чтобы видеть. Первое, что бросилось в глаза — это мужик, отключившийся прямо на стуле. Голова его лежала на барной стойке, а рядом с рукой валялась разлитая кружка пива. Осмотревшись, я заметила двух других, спящих на коричневого цвета столе, и еще одного на полу — он храпел, прислонив голову к стене.

Я бросила на Хоука смущенный взгляд. Где именно он собирался прятать меня? Я последовала за ним через огромный зал в дальнюю часть паба. Открыв дверь, увидела лестницу — такую темную и жуткую на вид, что была почти уверена — здесь частенько убивали людей. На этот раз я не позволила Хоуку держаться на расстоянии, а прижалась к

нему и схватила за руку. Не хотелось, чтобы в довершение всех событий сегодняшнего вечера меня еще и ножом пырнули. Кажется, он не возражал, и мы, поднявшись по длинной крутой лестнице, достигли небольшого открытого пространства.

На вид это было жилое помещение с потертыми диванами, креслами и огромным телевизором. На одном диване спал раздетый до пояса мужчина, а на нем развалилась совершенно обнаженная женщина. Кроме ее голой задницы, остальные прелести были не видны. Комната упиралась в маленькую кухню, где спиной к нам стояла миниатюрная девушка со светло-каштановыми волосами, завязанными на макушке в свободный пучок. В руках у нее был чайник, из которого она наполняла кружку.

Хоук остановился, как вкопанный, и уставился на нее. На короткий миг его тело напряглось.

— Тайлер? — тихо произнес он полным сомнения голосом.

От неожиданности девушка подпрыгнула и плеснула кипятком себе на пальцы.

— Черт, — прошептала она и обернулась. Палец был у нее во рту, и она осторожно посасывала обожженное место, когда встретила взглядом с Хоуком. Забыв про ожог и выпучив глаза, она опустила руку и уставилась на него. — Хоук? — спросила она.

Он оглядел ее с головы до ног, пройдясь взглядом по ее пижамным штанам с узором из желтых птичек и серому свитеру с названием, как я поняла, местного учебного заведения — школы или колледжа — я не знала. Девушка оказалась совсем молоденькой, возможно, лет восемнадцати (надеюсь, что восемнадцати).

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, подходя к нам. Помня о спящем на диване байкере, она старалась двигаться тихо. — И почему твоя борода такая длинная?

Хоук пристально посмотрел на нее, его лицо напряглось.

— Во-первых, оставь мою бороду в покое. Во-вторых, что я здесь делаю? Какого хера ты здесь делаешь?

Она остановилась в шаге от нас, ее юное лицо выглядело виноватым.

— Я...

— Ты что? — надавил он, теперь его голос звучал властно. — Теперь ты блядствуешь в клубе, Тай?

На мгновение она нерешительно отвела глаза.

— Я не блядствую, Хоук.

— Тогда какого хрена ты здесь делаешь? В чьей постели ты спишь?

Она не ответила.

Хоук сжал кулаки.

— Отвечай мне, Тайлер. Это Гектор?

— Нет, — пробормотала она так тихо, что с трудом можно было расслышать, но при упоминании Гектора ее щеки покраснели, и я задалась вопросом, а не врет ли она.

— Тогда в чьей?

Ее губы задрожали, и она выдохнула:

— В твоей.

Плечи Хоука опустились от облегчения, и теперь уже я не понимала, какого черта происходит. Она ему нравилась? В его глазах не было желания. Фактически он смотрел на нее, как на ребенка, оказавшегося в очень дурном месте — и, думаю, так и было.

— Других комнат не было, — продолжала оправдываться она. — В последние дни клуб переполнен, и... я ничего не меняла в твоей комнате. Там все по-старому. Я имею в виду,

немного не прибрано, но... моего там ничего нет. Ну... — она замялась и задумчиво подняла глаза к потолку. — Там моя сумка, кое-какая одежда и... кажется, еще плойка, но... Я осталась здесь ночевать, потому что парни были не против и... у них была дикая ночка, и я не могла заснуть. Я не делала ничего плохого, честно... я клянусь, Хоук.

Гребаный ад. Сколько же оправданий.

Хоук скрестил руки и старался дышать ровно, пока она несла эту чушь.

— Хорошо, Тай. Я понял. Но мне нужна комната, в которой она будет ночевать, — он указал на меня, и девушка, удивленно подняв брови, впервые взглянула в мою сторону.

— О! — сказала она. — Ладно. Я не знала, что ты не один или... То есть... она твоя? Потому что на ней твоя... — она посмотрела на его огромную куртку, которая все еще была на мне. Я даже не позаботилась вернуть ее. Она была теплой, а я все еще окоченевшей. — Ну, она хорошенькая. Вам с ней нужна спальня? Я не трогала презервативы в твоем ящике. То есть... Я видела их и... — эта девушка была просто олицетворением неловкости. — У меня не было повода их использовать или...

— Нет, — тут же ответил Хоук, с трудом дослушав остальную часть ее бреда, — она совершенно точно не моя, и, пожалуйста, не произноси при мне слово «презервативы», Тайлер. Не взрывай мне мозг. Это Эмма. Девушка Бордена.

При упоминании Бордена ее лицо стало мертвенно бледным.

— Боже мой, Маркуса Бордена? О, Боже. Прости. Я понятия не имела. Я должна была знать...

— Все нормально, — поспешно перебила я, удивленная ее реакцией. Какого черта? Она боится меня? Что во мне такого ужасного? Я выглядела как тряпичная кукла в человеческом обличье. Ради Бога, да в моих волосах до сих пор видны комки грязи!

— Тай, — сказал Хоук, потеряв терпение. — Комната. Мне нужна проклятая комната. Она есть или нет?

— Ты можешь вернуться в свою. Я смогу добраться домой. Постельное белье я постирала вчера, так что оно чистое. Но я могу еще раз его поменять, если хочешь, Эмма...

— Тай, все в порядке, — Хоук снова раздраженно вздохнул. — Оставайся здесь. Я вернусь и отвезу тебя домой, где тебе и место, — он сделал ударение на последних словах, сверкнув в ее сторону взглядом, и она поморщилась, почувствовав себя виноватой.

— Сиди и пей свой чай. Я спрячу Эмму.

Я спрячу Эмму. словно я пылесос, который нужно было спрятать обратно в шкаф. Я вздохнула, даже не думая возражать, и последовала за ним из комнаты по коридору, ведущему мимо закрытых дверей и других комнат. Боже, это место было огромным, хотя снаружи выглядело таким обычным и невзрачным.

Его комната оказалась за последней дверью. Мы вошли, он включил свет и, осмотрев комнату, покачал головой от количества розового дерьма. Бедная недотепа Тайлер оказалась врушкой. Она практически переехала в его спальню. Исключая светильник в виде бабочки, розовую одежду, розовые коврики и плакаты с практически голыми мужиками на стенах, комната была обычной. Возле стены стояла королевских размеров кровать. Еще комод, письменный стол и ванная (спасибо, Господи!). Хоук бросил ключ на стол и продолжил осматриваться, на этот раз расстроено теребя рукой бороду.

— Ложись, — устало сказал он. — Поспи.

Я села на кровать и посмотрела на него.

— Хоук, я не смогу уснуть. Ты же знаешь.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Эмма, ты дерьмово выглядишь.

— Спасибо, — язвительно ответила я. — Это просто чудесно, потому что меня именно сейчас так охуенно заботит, как я выгляжу.

— Я имел в виду, что ты выглядишь смертельно усталой, и не могу позволить, чтобы на фоне бессонницы у тебя случился очередной срыв, как перед тату-салонном, когда ты орала и поливала меня дерьмом. Мне нужно, чтобы в этой ситуации ты сохраняла хладнокровие.

— Хладнокровие?

— Да.

— Борден пропал! — мои глаза тут же снова наполнились слезами. — Я не могу потерять его, Хоук.

Он вздохнул.

— Я знаю.

Мужчина подошел и сел рядом со мной. Кровать прогнулась под его весом, практически заставляя меня упасть на него. Он провел руками по своим длинным волосам, и я посмотрела на него при свете. Он тоже дерьмово выглядел. Под глазами были темные круги. Лицо заляпано грязью сильнее, чем казалось сначала. Я взглянула на его руки. Ногти обломаны и сорваны, под ними грязь.

Этот человек откапывал меня в буквальном смысле слова.

Сердце сжалось у меня в груди.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Его темные глаза встретились с моими.

— Тебе не нужно меня благодарить.

— Ты спас меня.

— Ты это уже говорила.

— Ты выкапывал меня, стоя на четвереньках.

— Любой сделал бы то же самое.

— Ты всерьез собираешься обесценивать свою помощь?

Уголки его губ едва заметно приподнялись.

— Да. Потому что я не просто спас тебя ради тебя же самой. Я спасал тебя для Бордена. Ты нужна ему.

Я ехидно ухмыльнулась.

— Вау, какое прекрасное откровение для человека. «Я спас тебя не потому, что хотел сохранить твою жизнь и все такое, а из-за твоего любовника». Спасибо тебе, Хоук.

Несмотря на это, он хихикнул.

— Ты гребаное сокровище, Эмма. Сарказм — самый идеальный ответ, который можно было бы сейчас дать. Так держать!

На секунду я улыбнулась, и в тот же момент меня захлестнула волна эмоций. Улыбка скривилась, и со следующим ударом сердца я закрыла лицо руками, задыхаясь от плача. Я рыдала в свои ладони. А затем проглотила огромный ком в горле, и поток слез прекратился. Я шмыгнула носом и быстро вытерла глаза.

— Ты в порядке?

— В одну минуту у меня получается быть сильной, но уже в следующую я буквально разваливаюсь.

— Ты в шоке. Твой разум все еще пытается осознать произошедшее. Это нормально.

Я кивнула и сделала глубокий вдох.

— Ты прав насчет сна. Я сейчас просто не функционирую.

— В углу есть ванная, если тебе нужно помыться. Уверен, у Тай здесь найдется одежда, которой ты сможешь воспользоваться, пока я не пошлю за твоей. Попробуй уснуть. Утром я вернусь со свежей информацией. Еще ничего неизвестно, Эмма. Возможно, Бордена не схватили. Он живучий ублюдок. Возможно, он где-то отсиживается.

Он поднялся и несколько мгновений стоял передо мной, внимательно всматриваясь, словно не был уверен, что со мной все в порядке. Я просто еще раз ему кивнула. Со мной будет все в порядке. Он развернулся и покинул комнату. Дверь закрылась, и в ту же секунду я уткнулась лицом в ближайшую подушку и снова разрыдалась.

Я не была в порядке.

***

Выплакавшись, я осторожно вошла в ванную. К счастью, комнату занимала девушка, и ванная не была грязной. Не знаю, чего ожидала от ванной в байкерском клубе, но точно не девственной чистоты кафельных стен, розового коврика и бесчисленного количества косметических средств, аккуратно расставленных в ряд вдоль стойки.

Я почти улыбнулась. Почти. Эта девочка Тай была маньяком чистоты — единственным, кем можно стать в байкерском клубе, когда пытаешься отвлечься от чего-то или, судя по румянцу на ее щеках, от кого-то.

Я включила воду и разделась. Мельком взглянула в зеркало, прежде чем встать под душ. Грязная. Все тело было в синяках и глубоких ссадинах. Лицо перепачкано. Под глазом гигантская черная гематома. С ног до головы в земле. И она посыпалась с меня, покрывая белую ванну коричневыми пятнами.

Шагнув внутрь, я позволила воде омыть меня. В данный момент я не могла ни думать, ни чувствовать. Просто тупо стояла, изо всех сил пытаюсь отогнать образ Грэма, лежащего в луже крови.

Я никогда больше не смогу разговаривать с Грэмом. Никогда больше не увижу его живым. Он никогда больше не отвезет меня на работу, а я больше никогда не смогу вывести его из себя. Он мертв. Вот и все.

На секунду я почувствовала, как сдавило грудь, и сделала очередной глубокий вдох. А затем быстро вымылась. Меня не волновало, все ли я отмою. Я просто налила гель для душа на ладони и скользила ими по своему телу, просто чтобы закончить с этим и выйти. Меня не волновала чистота волос. Я была на грани очередного срыва. Быстро выключив воду, я вышла из душа, схватила с крючка розовое полотенце, завернулась в него и поспешила к кровати. Рухнув на нее, забралась под одеяло и укрылась с головой.

Это было удивительно, но я заснула.

***

Мои глаза открылись, когда кто-то сел на кровать. Каждая клеточка моего тела болела. Придя в себя, я вспомнила прошлую ночь — каждую долю секунды. Я была уверена, что проспала очень долго, но мои глаза по-прежнему молили о сне, а тело стало более чувствительным. Эмоционально я ощущала себя моллюском в ракушке, но, зная, что это Хоук сейчас сидел рядом со мной, ждала, когда он сообщит новость, которая заставит мое сердце биться.

— Бордена нигде нет.

Я не думала, что такое возможно, но сердце в груди сжалось еще сильнее. Снова закрыв глаза, я ожидала погружения в сон. Потому что, когда я спала, все на время исчезало. Но на этот раз мне не повезло. Перед моими глазами мелькало лицо Бордена.

Разве он не признался, что любит тебя?

— Что мы собираемся делать? — наконец, спросила я.

— Продолжим искать, — сказал Хоук. — Просто мы не представляем себе, где.

— Свидетелей нет?

— Если и есть, никто не высовывается.

— Но ведь кто-то должен что-то знать.

— Знаю.

— Ну, тогда выясни! Вы ведь байкеры, верно? Вы же умеете выбивать из людей необходимую информацию?

Когда Хоук не ответил, я откинула одеяло и села. Он посмотрел на меня и моментально отвернулся, его челюсть напряглась.

— Что? — рявкнула я. — В чем дело?

— Ты раздета, Эмма.

Я глянула вниз на свое обнаженное тело в ожидании, что почувствую себя неловко, но ничего не произошло.

— Прошу прощения, что оскорбила наши целомудренные отношения, Хоук, — с издевкой усмехнулась я, прикрывая грудь одеялом. — Как неосмотрительно с моей стороны.

Он поставил локти на колени и, проведя руками по своим длинным черным волосам, сжал их в кулаках.

— Прекрати язвить, Эмма. Я очень стараюсь, ясно? Я пробыл в городе двенадцать часов, обошел всех людей, загнал их вопросами в ад и обратно, а парни из клуба сейчас в поисках. Еще ничего не окончено.

Как только он это сказал, дверь спальни открылась и вошел Гектор — ему было насрать, что без разрешения. К разговору о недостатке личного пространства в этом заведении. Он больше не выглядел злым, но и счастливым не казался.

— Я только что сделал несколько звонков, — сказал он, глядя на меня. — Все на стреме. За ближайшие пару дней мы планируем взять очередных людей Маллигана. Вытрясем из них все и, надеюсь, найдем его тело.

— Его тело? — повторила я безжизненным голосом.

Гектор пожал плечами и нахмурился.

— Детка, мы должны быть реалистами.

— Детка? Прошлой ночью я была сучкой, а теперь вдруг стала деткой?

— После того, как мой дорогой брат врезал мне, я качественно улучшил свой гребаный словарный запас по отношению к тебе. Или будет лучше, если я продолжу называть тебя

сучкой?

— Гребаный стыд, — выругался Хоук. — Какого хрена мы сейчас спорим?

Я указала на Гектора и выкрикнула:

— Всего лишь потому, что он считает Бордена мертвым!

— Терри Маллиган — сумасшедший отморозок, — оборвал Гектор, наклоняясь до моего уровня. — Посмотри, как быстро он приказал убить тебя! Они тебя даже не оттрахали, верно?

Я помедлила, прежде чем ответить:

— Нет, они этого не сделали.

— Да потому что он хотел, чтобы ты сдохла настолько быстро, насколько это в человеческих возможностях. Если Борден у него, где гарантия, что не произошло то же самое?

— Это не так, — возразила я, и мой голос дрогнул. — Ты недостаточно тщательно ищешь.

Гектор усмехнулся и покачал головой.

— Посмотри на моего брата, женщина. Посмотри, как он вымотан. Он часами торчит в городе. Мы все выполняем нашу работу и не представляем, что еще сделать. Так что, пожалуйста, если ты настолько чертовски лучше разбираешься в этой криминальной херне, чем целый отряд преступников, то просвети нас. Где нам искать? Скажи нам, и мы, блядь, подчинимся твоему верховному командованию.

Я не ответила сразу. Гектор встал и, продолжая качать головой, бубнил о том, что я ничего не понимаю. Я сломала мозги, пытаюсь придумать что-то — все, что угодно — лишь бы доказать ему, что он неправ. Борден не умер. Он не мог умереть. Он всегда казался мне таким неприкасаемым. Но здесь не было способа...

— Я имею в виду, как бы то ни было, какого хрена вас, ребята, понесло в эту дыру на окраине города? — пробурчал Гектор себе под нос. — Вы сами нарвались на неприятности.

И тут меня осенило.

— Блайт, — тихо сказала я, привлекая их внимание. — Мы ехали забрать мою подругу Блайт из стриптиз-бара, — я почувствовала себя идиоткой. — Она, казалось, была в отчаянии и говорила, что у входа ее поджидают мужики, которые угрожали ей. Она умоляла забрать ее. Говорила, что ей не к кому больше обратиться. Но мы не смогли этого сделать. На дороге были разложены шипы. Они знали... они знали, что мы поедем именно там.

Братья уставились друг на друга.

— Эмма, — тихо сказал Хоук, — мы дадим тебе лист бумаги, и ты напишешь нам ее имя и адрес. Ты сделаешь это?

Я кивнула. Вся моя жизнь разбивалась вдребезги.

— Сделаю.

Эмма

Они отсутствовали несколько часов. Единственным человеком, заглянувшим ко мне, была Тайлер с тарелкой завтрака. Непонятно, почему она вернулась после того, как Хоук очень категорично настаивал на ее отъезде.

— Ты голодна? — спросила она.

Я внимательно посмотрела на нее. Она была маленькой и миловидной. Волосы цвета карамели, кремово-белая кожа. Она казалась такой невинной, и я не считала позволительным ее выбор места жительства. Я ничего не ответила, когда она поставила мне на кровать тарелку с вафлями и медленно отступила, выходя смущенной моим молчанием.

— Тебе не обязательно уходить, — прошептала я, когда она подошла к двери.

Она обернулась.

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

Я проглотила ком в горле и кивнула.

— Пожалуйста.

Она подошла ко мне и села на кровать, прислонившись спиной к стене. Она не пыталась завести разговор и даже не положила руку мне на плечо в знак утешения. Словно либо не знала, как это сделать, либо просто решила не делать этого. Я бросила на нее взгляд: она смотрела перед собой, уставившись в одну точку на противоположной стене. Этот безразличный вид напомнил мне саму себя в ее возрасте. Была ли она такой же ершистой и грубой? Может быть, поэтому она здесь?

Мне понравилось размышлять над этими вопросами. Они отвлекали меня от боли.

— Сколько тебе лет? — спросила я.

— Девятнадцать, — ответила она.

— Ты очень красивая.

Ее щеки покраснели, и она улыбнулась. У нее были довольно пухлые губы.

— Спасибо. Ты тоже.

— Ты можешь со мной поговорить? — спросила я. — Мне нужно отвлечь свою голову от мыслей о Бордене. Я еле держусь и не хочу проводить все время в слезах.

Тайлер взглянула на меня удивленными глазами.

— Ты хочешь поговорить со мной? Я могу найти кого-то еще, если хочешь.

— Нет, я предпочитаю тебя.

Она глубоко выдохнула, словно была искренне удивлена тем, что ею кто-то заинтересовался.

— Хм, ладно. О чем ты хочешь поговорить?

— Мне все равно. Ни о чем. Обо всем.

Она быстро кивнула, а потом заговорила. Я и понятия не имела, на что напросилась.

Заставить Тайлер заткнуться было невозможно.

— Блядь, серьезно? Ты опять? — вскипел Хоук, входя в комнату и натыкаясь взглядом на Тайлер. — Я высадил тебя возле дома, Тай!

— Мне больше некуда было идти, — с подростковым гонором нахально ответила она.

Он только сжал губы и посмотрел на нее долгим тяжелым взглядом, после чего сказал:

— Выметайся. Мне нужно поговорить с Эммой.

Она торопливо выбежала из комнаты. Девчонка была такой нескладной не без причин. Ее жизнь была довольно дерьмовой. В ушах все еще звенело от всей кучи выданной ею информации.

Хоук сел рядом, и я с терпеливой покорностью ждала, что он скажет. Я знала, что будет дальше. Блайт продала меня. Это было единственным логичным объяснением.

— Что произошло? — спросила я.

Он просто взглянул на меня, и это было достаточным ответом. Во мне вспыхнул гнев.

— Зачем она это сделала?

— Она сказала, что к ней пришли какие-то люди и заставили. Но потом, когда мы нашли у нее под матрасом больше пяти тысяч долларов и небольшой пакетик кокаина, она раскололась. Ей заплатили. Дорогуша, твоя лучшая подруга — наркоманка с тех самых пор, как встретила одного уебка, проявившего к ней повышенное внимание и имеющего немного денег. Она оправдывалась, что Борден тебя преследовал, и она всего лишь пыталась позаботиться о тебе.

— Чертова сука, — резко выругалась я, сжимая кулаки от разливавшегося внутри гнева. — Проклятая маленькая сучка! Я доверяла ей!

— Ты должна доверять людям своего окружения.

— Она и была моим окружением.

— Но не тогда, когда ты решила быть с Борденом.

Мое дыхание ускорилося.

— Вы убили ее?

Он покачал головой.

— Немного избили. Должны были, но... не убили. Под конец Гектор пришел к выводу, что тебе решать ее судьбу. Если хочешь ее смерти, просто скажи.

Да, я хотела, чтобы она умерла. Хотела, чтобы они содрали кожу с ее лживого лица. Хотела, чтобы выкололи ей глаза. Хотела, чтобы ее сожгли, а пепел развеяли. Я задыхалась от продолжающегося бурлить во мне адреналина.

— Она может снова сделать это, — добавил Хоук. — Ты не можешь иметь рядом подобную угрозу.

Он был прав. Я не могла иметь рядом такую угрозу. Ее жизнь находилась в моих руках, и я испытывала такую лютую ненависть, что все мои представления о добре и зле буквально шли на хер.

— Нет, — наконец, произнесла я, пытаюсь соображать здраво. — Не убивайте ее. Скажите, чтобы она убиралась из Нью-Рэйвен. Запугайте ее. Скажите, что она сильно пожалеет, если когда-нибудь вернется.

— Хорошо. Мы так и сделаем.

— Борден поступил бы так же?

— А ты как думаешь?

Я покачала головой.

— Он не стал бы.

— Ты права. Он убил бы ее за то, что она причинила тебе боль, но... он поймет твоё решение. Точно так же он поступил с отцом Кейт, когда тот попытался проникнуть в клуб с пистолетом.

Я замерла.

— Я помню. Это был он?

— Да. И тут Борден не смог пойти на убийство. Их слишком многое объединяло в прошлом. Как и тебя с Блайт. Он сказал ему уезжать и больше никогда не возвращаться. Мы запугаем девчонку. Скорее всего, это сработает, и тебе больше никогда не придется иметь с ней дела.

Несмотря на степень моего бешенства, это по-прежнему было тяжело слышать. Нас с Блайт так много связывало. Столько часов мы провели за разговорами, столькими секретами обменялись, столькими переживаниями поделились. Мне казалось, что от меня отрезали важную часть, вроде руки или ноги. На краткий миг я задумалась: может, ей просто нужна была помощь? Может, она была в отчаянии? Но не та Блайт, которая продала меня, а та, которая еще не стала наркоманкой.

Разве это имело теперь значение? Борден бесследно пропал, а она предала меня.

— Я знаю, это тяжело, — сказал Хоук, заметив мое напряжение. — Но именно так ты становишься сильнее.

— Да, — прошептала я. — Просто... избавься от нее.

Он встал.

— Как насчет того, чтобы я принес что-нибудь поесть?

— Нет.

Он вздохнул.

— Эмма...

— Я не могу есть, когда он, возможно, где-то голодает. Я даже не испытываю чувства голода.

— Он не хотел бы, чтобы ты себя так чувствовала.

Я не ответила. Хоук был прав. Если бы Борден знал, что я сдалась, то взбесился бы. Я представила себе его рассерженное лицо и подавила очередной плач. Мне не хотелось опять потерять самообладание перед Хоуком.

— Тебе не обязательно, возвращаясь, все время нянчиться со мной, — сказала я.

— Я обещал, что не оставлю тебя одну среди парней.

— Я в твоей комнате, и Тайлер составила мне компанию.

При ее упоминании он закатил глаза.

— Конечно, составила. Слушай, я собираюсь послать ребят за пиццей. Одну я принесу к тебе, мы сядем и поедим. Самое главное — попробовать, даже если ты не чувствуешь голода.

— Я не хочу...

— Меня не волнует, чего ты не хочешь. Сейчас ты под моей крышей. И ты будешь есть.

Не успела я сказать и слова, как он вышел. Я была так же упряма, как и Хоук. Собрала всю силу воли, я встала с постели. Двигаться совсем не хотелось. Будь это возможно, я предпочла бы упиваться своей болью, но знала, что должна была быть сильной. Мне нужно хорошенько вымыться. Я вошла в ванную, но на этот раз приняла основательный душ, вымыла волосы и, выдавив пасту на кончик пальца, почистила зубы.

Стоя под струями горячей воды, я в очередной раз распадаюсь на части. Еще вчера

Борден обнимал меня. Целовал. Занимался со мной любовью. Ради всего святого, моя киска еще помнила эти ощущения! Под влиянием странного порыва я опустила руку вниз, закрыла глаза и скользнула в себя пальцами, чтобы просто почувствовать эту боль внутри. Я не хотела забывать эту боль, оставленную им, но она моментально смешалась с болью ушибов на моей спине. Проклятье! Даже мое тело не могло сохранить верность его прикосновениям, и чувство безысходности прожигало дыру в моей груди.

— Пожалуйста, будь в порядке, — прошептала я вслух. — Пожалуйста, Борден. Ты нужен мне. Ты чертовски сильно нужен мне.

Чувствуя поднимающуюся волну тошноты от долгого стояния, я села на кафельный пол и прижала колени к груди. Я использовала горячую воду всю до капли.

Мне удалось переодеться в свободную рубашку и тренировочные штаны, найденные в ящике Тайлер. Правда, без лифчика, потому что мой был грязный, а ее слишком маленький. Когда, почти час спустя, я вышла из ванной, в комнату вернулся Хоук с коробкой пиццы и литром содовой. Он мельком оглядел меня, прежде чем принялся за дело — положил кусок пиццы на бумажную тарелку и налил в пластиковый стакан шипучего напитка. Я уселась на кровать, и он вручил мне все это.

— Мы поедем, — сказал он, — а потом я вернусь и продолжу поиски.

— Возьми меня с собой.

— Нет, ты останешься.

— Я практически схожу с ума. Мне хочется выйти и чем-то заняться, Хоук. Я чувствую себя бесполезной.

Он схватил пиццу и развалился на противоположном конце кровати, прислонившись спиной к стене. Откусив приличный кусок, он повторил:

— Нет. Ты останешься. Для этого я и привез тебя сюда. И прекрати так на меня смотреть. Давай оставим в прошлом нашу неприязнь и перейдем на новую ступень отношений.

— Ты имеешь в виду свою ненависть ко мне?

— Я уже извинился перед тобой, — сказал он, глядя прямо на меня. Мне показалось, в его взгляде мелькнуло тепло, но оно мгновенно исчезло, и я решила, что мне померещилось. По крайней мере, я на это надеялась.

Я бросила взгляд на тарелку, и желудок заурчал, когда запах пепперони достиг моего носа, убеждая меня прекратить тарашиться, а просто взять и съесть. Я подняла кусок и откусила кончик. Это было до безобразия хорошо. Сыр практически таял у меня на языке.

— Хорошая девочка, — с легкой улыбкой сказал Хоук.

Не глядя на него, я заставила себя откусить еще кусочек.

— Тебе здорово от них досталось, да? — заметил он. — Твой глаз выглядит убийственно. Болит?

— Да, — призналась я. — Но это нормально.

Он слез с кровати и направился в ванную. Я слышала, как он рылся в шкафчиках, после чего вышел. Подойдя ко мне, он положил на тарелку рядом с пиццей две таблетки.

— Обезболивающее.

Он задержался возле меня на пару секунд, но я по-прежнему не взглянула на него — его сандаловый аромат перебивал запах пепперони. Затем он вернулся на свое место на кровати и прикончил свою пиццу. Я без лишних вопросов приняла таблетки и слопала пиццу. С последним кусочком я почувствовала разлившееся в животе тепло и перестала жевать,

пытаясь сморгнуть очередные слезы, наворачнувшись при мысли, что Борден где-то совсем голодный. Мне нужно было отвлечься, и я ухватилась за единственную тему, пришедшую мне в голову.

— Эта девушка, Тайлер, — начала я, проглотив ком в горле, — она влюблена в твоего брата?

Плечи Хоука напряглись — очевидно, что я застала его врасплох.

— Для нее лучше, если нет. Гектор не умеет любить, это всем известно. Он вырвет у нее из груди сердце, и я, скорее всего, убью его, если из-за этого хера она будет плакать. Я присматривал за ней с тех пор, как ей исполнилось тринадцать, и не позволю, чтобы, прыгнув к нему в постель, она пустила прахом все приложенные мной усилия. Полагаю, она стала испытывать к нему симпатию после моего отъезда. Очередная гребаная проблема, с которой придется разобраться.

— Для начала, почему ты уехал?

— Потому что должен был.

Я смерила его раздраженным взглядом.

— Господи, Хоук, кончай со своими расплывчатыми ответами. Скажи мне правду. Ты работаешь на Бордена Бог знает сколько времени, потом вдруг оказываешься президентом скандально известного клуба, и стоит тебе появиться, как все тут же с готовностью подчиняются твоей воле. Помоги мне разобраться. Я здесь с ума сойду.

— Я в розыске, Эмма, — медленно ответил он. — Именно поэтому Гектор исполняет обязанности президента клуба.

— За что тебя разыскивают?

— За убийство.

— И ты не можешь с этим разобраться? — я сама удивилась прямоте своего вопроса. Меня совершенно не тронуло то, что его обвиняли в убийстве. То ли я просто оцепенела из-за исчезновения Бордена, то ли мне действительно было безразлично.

Он произнес с презрительным смехом.

— Я уже сделал это.

— Что ты имеешь в виду?

— Я был приговорен к тридцати годам без права досрочного освобождения. Благодаря Бордену я отсидел год и сбежал. Но в процессе должен был пройти через некоторые... болезненные процедуры, — он лениво окинул взглядом свою искалеченную руку. — Мой побег должен был выглядеть, как неудавшийся. Когда Борден пришел забрать меня, то отрубил мне палец, отрезал часть руки и разбросал все это вокруг, чтобы создалось впечатление, будто меня растерзали животные. Потом заставил меня истекать кровью, пока она не пропитала весь мой комбинезон. Его он тоже разорвал на куски. Я чуть не умер от потери крови. Гектор заплатил ему за это огромные деньги, а потом Борден предложил мне работу, пока страсти не улягутся, и я не смогу вернуться, хотя я не представляю, как сделать это. Я должен быть мертв.

Я недоверчиво уставилась на Хоука, и меня словно обухом по голове ударили всплывшие в памяти слова мерзкого Джоэла — любителя тюрем — во время нашего ужасного свидания целую вечность назад. Он рассказывал о тюрьме Нью-Рэйвен и сбежавшем оттуда четыре года назад человеке.

Его нашли в десяти километрах от тюрьмы. Он умер от обезвоживания. Его смогли обнаружить по стаям ворон, кружившим сверху. Они почти полностью обглодали его тело. А

идентифицировать смогли только по нескольким оставшимся частям тела. Вроде бы по пальцам.

— Это был ты, — тихо сказала я. — Ты тот беглец, которого все считают умершим.

Он просто пожал плечами и откусил большой кусок пиццы.

— И за всем этим стоял Борден, — мой мозг сходил с ума от этой информации.

— И все-таки я не понимаю, почему Борден мог захотеть это сделать? Он вернулся с такими деньгами.

Хоук помедлил, борясь с сомнениями, а потом ответил.

— Нет.

— Что?

Хоук бросил корочку от пиццы в коробку.

— Борден... Он вернулся не таким богатым, как все думали. Он ведь рассказывал тебе, чем занимался?

— Он был контрабандистом.

— Да, и он быстро поднялся благодаря некоторым очень богатым покупателям. Он занимался незаконным ввозом ценностей.

— Каких ценностей?

— Любых, которые он мог заполучить в руки. Украшения, картины — практически все, что не было заколочено в гребаном Багдаде и в других странах, куда они его посылали. Временами его отправляли в некоторые реально отстойные места — места, в которые он должен был вписаться.

— Как он это делал?

— Как только мог. Иногда транспортировал на судоверфь, откуда они перевозили это в контейнерах с гуманитарными грузами. Иногда работал напрямую с покупателем, если тот был в стране. Но именно благодаря этим судоверфям он понял, какую власть дает единоличное владение портом. Во время своего отсутствия он постоянно был связан с черным рынком и приобрел много связей. Связей, которыми он воспользовался сейчас, чтобы перевезти то дерьмо для Гектора. В любом случае, он вернулся богатым, но ему были нужны еще более крупные денежные вливания. Он выкупил пару предприятий, которые Военные Бароны реализовывали на стороне за какие-то наличные, и однажды Гектор, узнав о его «командировках» и навыках, попросил помочь с моей ситуацией. В то время вокруг нашего клуба кипели страсти, и ему как можно скорее нужно было найти кого-то со стороны. Они не знали, сколько я продержусь. Я убил очень плохого человека и находился в тюрьме, полной его людей. Так или иначе, мне грозила смерть, поэтому нужно было бежать. Борден сделал это, получил оплату, а затем предложил мне работать с ним. Сначала мы делали деньги всеми возможными способами, хотя большинство из них пришли из ссуд наличными, сборов долгов и теневых перевозок. После того, как остальные предприятия города были выкуплены и начали приносить доход, нам больше не было нужды заниматься грязными делами на стороне.

— Он остановился?

— По большей части, да. Есть еще заказы, за которые мы беремся то здесь, то там. Некоторые незаконные перевозки. Это отличный способ заработать деньги, не платя с них налоги. Но, в конечном итоге, Борден хотел, чтобы законного у нас было больше, чем криминального. Вот почему копы не могут до нас докопаться.

— Но он сделал так, что его стали все бояться. Он всегда ставил перед собой цель.

— Потому что хотел быть единственным у власти. Ты должна понимать, что после смерти Кейт его ничего, кроме власти, не заботило. Он хотел уничтожить все до единой банды в Нью-Рэйвен, потому что они напоминали ему об ублюдках, убивших ее, — он замолчал, вспоминая что-то, а потом добавил: — Иногда намерения плохого человека пугают даже тех, кто страшнее его, заставляя подчиняться. Он был прав. Блядь, Борден был умным человеком.

Был.

Я с трудом сглотнула.

— Он все еще жив, Хоук.

Хоук не ответил. На его лице ничего не читалось — он умело скрывал свои эмоции — но взгляд был отстраненным. Ему было больно. Я знала это.

— Он рассказывал мне, от чего Маллиган получает удовольствие, — продолжила я. — Насколько он больной. Что в первую очередь он, скорее всего, будет истязать человека. Как ты думаешь, с Борденом — человеком, убившим его пасынков — он не будет спешить и растянет это удовольствие?

Хотя мысль меня пугала, она же давала и некоторое облегчение. Потому что если он у Маллигана и тот так и поступил, то это значит, что Борден прямо сейчас еще дышит — и я вместе с ним.

— Да, — еле слышно пробормотал Хоук. — Честно говоря, я просто не знаю, Эмма.

Я опустила свою тарелку. Меня всю трясло.

— Я не смогу жить без него, Хоук. Если он умрет... Я тоже умру.

— Если он умрет, я позабочусь о тебе. Я сделаю так, чтобы тебя больше никто не тронул. Я похороню Маллигана. Я, блядь, буду рвать его, пока от него ничего не останется, и ты будешь той, кто вгонит последнюю пулю в его башку.

Борден

Они взяли его прямо возле таможни. По одному мотоциклу с каждой стороны его машины, стук в окно, дуло пистолета в лицо. Ваша взяла, мудаки. Единственный момент, когда он был один. Единственный момент, когда у них появлялась маленькая возможность взять его. И они это сделали. Твою мать, они сделали это. Все произошло быстро. Он вышел из своей машины, и его сразу пихнули в другой черный «Мерседес», где, сунув ему в руку стакан с водой, сидел молодой человек, направлявший пистолет ему в лицо.

— Выпей это, — сказал молодой парень. — Полностью.

Борден вздохнул и опустил взгляд на стакан. Гребаный ад, этот день не закончится никогда.

— Яд? — спросил он. — С тем же успехом, мог бы и сказать мне, правда?

Молодой человек заколебался, но не ответил — не то чтобы Борден нуждался в этом. Конечно же, это не яд. Маллиган не избавился бы от него таким быстрым способом. Борден не спеша изучал своих сопровождающих: желающего казаться жестоким парня на переднем сиденье, трясущего пистолетом перед его лицом, и мужчин, медленно окружающих машину, давая ему абсолютно нулевой шанс на спасение.

— Ладно, — спокойно сказал Борден. — Я, блядь, выпью это твое дерьмо, но хочу, чтобы ты, уебок, очень внимательно смотрел на меня, пока я буду это делать. Рассмотрю человека, который убьет тебя сразу же после того, как сначала грохнет твоего босса.

Он сделал гигантский глоток порошкового на вкус пойла. Эффекта долго ждать не пришлось. Через несколько минут его мозг затуманился, глаза все труднее становилось держать открытыми. Он потряс головой, борясь с неизбежным и понимая, что теряет контроль и в любую секунду провалится во тьму. Только ближе к концу он подумал об Эмме и о том, насколько незащищенной она осталась в клубе без всех его людей. Его грудь сдавило при мысли о том, что с ней что-то может случиться.

Часто моргая, он со злостью вцепился в рубашку парня на переднем сиденье и притянул его ближе к себе. Пристально взглянул в молодые глаза юного парня — не старше восемнадцати лет — и увидел внезапно затопивший их страх. Дуло пистолета в его трясущейся руке дрожало напротив лба Бордена, и он сразу понял — этот трус не нажмет на курок.

— Ты просто долбаный сопляк, — пробормотал Борден.

Контроль над движениями был потерян, стакан выпал из руки, и он неохотно закрыл глаза. Последнее, что он увидел — это дрожащие губы мальчика.

***

Он пришел в себя от вылитого на голову ведра ледяной воды. Глаза резко распахнулись,

дыхание перехватило, когда его неожиданно окатили еще из одного ведра. Он задрожал всем телом. Казалось, тысячи кинжалов вонзались в каждую клетку поверхности его тела и, как бы он ни пытался напрячь мышцы, это не помогало унять дрожь. Мужчины со смехом глумились над ним. Один из них, ударив его в лицо, сказал:

— Ну и кто теперь крутой парень, Борден?

Тело Бордена вернулось к жизни, и он повернулся к мужику лицом.

— Ты действительно называешь это ударом, ты, маленький пиздюк? В следующий раз постарайся получше.

Выражение лица мужчины изменилось, и он снова ударил Бордена — сильнее, чем в первый раз. Борден почувствовал слабую боль, но все равно рассмеялся. Если эти убьки думали, что могли сломать его, то они ошибались. Они планировали чего-то добиться небольшим количеством ледяной воды и слабыми кулаками?

— Идиот хренов, — рассмеялся он, почувствовав во рту привкус крови.

Парня затрясло от злости, и он снова поднял кулак, но не ударил, а сдержался. Словно его что-то остановило. Вместо этого, плюнув в Бордена, он, громко топая, вышел из комнаты в сопровождении остальных людей. Тяжелая дверь резко захлопнулась, и Борден остался в одиночестве. Он потряс головой, прогоняя остатки наркотического тумана, и оглядел комнату. Она была погружена в крошечную тьму. Он ничего не видел и не мог двигаться. Его привязали к стулу в темном сыром помещении. Попытавшись освободиться, он понял, что это бесполезно. Эти мудаки постарались на славу.

С протяжным вздохом он сказал вслух:

— Блядь, почему бы тебе просто не показаться? Прячешься в тени, играешь в игры — ты начинаешь стареть, Маллиган.

Несколько мгновений было тихо, а потом он услышал шарканье ног за своей спиной. Оно было пугающе близко. Негромкие шаги обогнули его стул, а затем опять тишина. Борден в ожидании всматривался туда, где они затихли. В нескольких шагах от себя он чувствовал присутствие человека.

— Знаешь, где ты? — произнес низкий голос. — Ты сейчас в подвале, у черта на куличиках. Тебе предстоит породниться с этой комнатой, и, может быть, ты даже почувствуешь связь со своей шлюхой, которую убили мои мальчики. В конце концов, именно здесь она сделала свой последний вдох.

Кейт. Борден напрягся, его сердцебиение участилось.

— Никто не услышит твоих криков, Борден, кроме меня. Я собираюсь поразвлечься с тобой.

Шаги приблизились к двери, и она открылась. Борден прищурился, и в тусклом свете коридора разглядел высокую фигуру Терри Маллигана.

— И, — добавил больной ублюдок, поворачивая к нему свое красное бородатое лицо, — пока будешь размышлять над потерей своей первой шлюхи, можешь начинать оплакивать потерю второй.

Он вышел, и дверь снова захлопнулась, оставляя Бордена в полной темноте.

В течение нескольких часов он оставался в одиночестве. Пытался высвободить скованные руки, но браслеты наручников врезались в запястья, словно кинжалы. На боль ему было наплевать, но нельзя тратить силы на невыполнимую задачу. Он был совершенно обездвижен, и все, что можно было сделать — это постараться и расслабить тело.

Если не было возможности действовать, то нужно было отдыхать. Напрягаясь и пытаясь не заснуть, он останется без сил к тому моменту, когда вернутся те озверевшие говнюки. Он закрыл глаза и опустил подбородок на грудь. В голове крутились разные мысли, и он подумал о Кейт. Она тоже была здесь. Неужели ее тоже связывали? Но он не помнил следов веревок на ее запястьях. Патологоанатом сказал, что она умерла в результате удушения.

Прости меня, Кейт.

Он так долго старался сохранить память о ней. Покупка квартиры с видом на реку была первой ошибкой. Она изводила его — эта гребаная река — каждую ночь, и он стал зависим от этой боли, она подталкивала его вперед.

Маллиган пытается вывести тебя из равновесия, и это работает. Ты думаешь о ней, и тебе больно. Ты позволяешь ему выиграть.

Борден выдохнул и снова потряс головой. Вместо Кейт он начал думать об Эмме. Сладкой вспылчивой Эмме с этим наглым маленьким ротиком. Он представил, как эти губки обхватывают его толстый член, и, вопреки всему, усмехнулся. Только она могла сделать его твердым даже с привязанным к стулу замерзшим телом.

Мы уедем. Он давал себе обещание, словно уже выбрался из этой выгребной ямы. Я увезу ее куда-нибудь. Туда, где хорошо. Подальше от этой реки. Подальше от прошлого. Она возьмет мое имя, и будем только мы.

Он глубоко вздохнул, почувствовав некое облегчение от этих обещаний, и с усталой улыбкой на лице продолжил представлять ее губы вокруг своего члена.

***

Очередное ведро ледяной воды выплеснулось ему на голову, и на этот раз он открыл рот и сделал несколько глотков. В комнате были все те же пять мужиков. Они по очереди били его по лицу и верхней части туловища, а он продолжал насмехаться над ними, обзывая их хлипкими пиздюками. Обычно они неожиданно вваливались, наносили какое-то количество ударов, бесились от его насмешек и уходили. А он оставался один на один с многочасовым одиночеством, прежде чем они возвращались и начинали все снова... и снова.

Ледяная вода.

Удары.

Смех.

И все сначала.

Борден знал — они пытались измотать его, и с голодом, грызущим его изнутри, этого недолго было ждать. Он просто не хотел облегчать им задачу.

После четвертого раунда они вернулись и, раздев его до трусов, вылили на обнаженную кожу еще четыре ведра ледяной воды, замораживая тело на месте. После чего принесли еще

два ведра, наполненные лишь наполовину, и высыпали в каждое по мешку льда. Включив в углу комнаты лампу, они подтащили ведра к нему и заставили опустить в каждое из них ногу. Он почувствовал, как его буквально тряхнуло от холода, пронзившего ноги острой и резкой, словно вспышки молний, болью, поднимавшейся вверх по телу.

— Мы больше не будем бить тебя, Борден, — сказал один из мужчин. — Мы заебем тебя другими способами.

— 3-з-заебете другими способами? — повторил Борден, пытаясь унять стук зубов. — Не знал, что вы предпочитаете мужчин, джентльмены. Но хотя... вы гребаные киски, так что...

Очередной удар обрушился на лицо Бордена, но он просто рассмеялся, выплевывая изо рта кровь. Маленькие ушлепки. Они просто дилетанты: разозлились и в ту же секунду забыли о данном слове. Это значительно облегчит их убийство.

Они оставили его одного. В углу небольшого подвала все еще горела лампа. Пытаясь отвлечься от мучительного холода, сковавшего ноги, он разглядывал каменные стены. Пальцы быстро онемели, и он заметил, что дыхание стало тяжелым и ускоренным. Он дышал открытым ртом. Ледяная вода физически изматывала его, заставляя напрягаться каждую мышцу и усиливая усталость.

Это было плохо. Это было очень плохо.

Он совершенно голый в холодной комнате, кожа мокрая от ледяной воды. Он замерзнет насмерть? Нет, вряд ли такой садист, как Маллиган, уготовил ему подобный конец. Однако, это шаг в том направлении.

— Блядь! — выругался Борден злобным шепотом, задыхаясь и чувствуя, что заледенел. Попытался пошевелить ногами, но они словно приросли к месту. Это была пытка. Безусловная, блядь, пытка.

Его мысли снова вернулись к Эмме. Он должен быть сильным ради нее. Он не может умереть. Ни один хер не сможет удовлетворить его маленькую бродячую кошку. Несчастный мудака может потратить всю жизнь, стараясь подстроить ее под себя, но будет лишь тенью Бордена. И всего лишь мысль о том, что к ней может прикоснуться другой мужчина, вытолкнула на поверхность так необходимую ему сейчас ярость.

Он выживет только ради нее.

Борден

В следующий раз они вернулись вместе с Маллиганом. Борден находился в полубессознательном состоянии. Каждую мышцу сводило такими болезненными судорогами, что он не мог ясно мыслить. Кожа была бледной, губы посинели, а все его исполинское тело сотрясала дрожь, сравнимая с землетрясением. Увидев, что Маллиган наблюдал за ним, Борден сжал губы и, выпрямив шею, поднял голову, не желая позволять этому ублюдку видеть его боль, но Маллиган понимающе улыбнулся.

Двое мужчин приблизились к Бордену и вытащили из ведер его ноги. Он зашипел от болезненной судороги в икрах, когда они, отбросив ведра, поставили его ноги на пол. Что касалось ступней — он их не чувствовал и даже не мог пошевелить пальцами — они не реагировали.

— Оставьте меня с ним, — сказал Маллиган своим людям.

Все пятеро ублюдков вышли из комнаты, закрыв за собой дверь. Засунув руки в карманы своих черных брюк, он склонил голову набок. Пока он изучал Бордена, тот делал то же самое. Крупный мужчина, вполне дееспособного вида, с жестким стареющим лицом. Этот человек когда-то владел солидной частью города, на его сторону вставали очень многие. С одного взгляда в его темные глаза Борден понял почему. Он был жестоким безумцем.

Некоторое время они молчали, ни на секунду не отводя друг от друга взгляда. Маллиган выглядел ликующим, все его тело было расслаблено, словно он не чувствовал перед собой угрозы.

— Ты сломаешься после моего ухода, — с уверенностью заметил он. — Если не сегодня, то в ближайшее время, ты станешь умолять о смерти.

Борден просто ухмыльнулся.

— Ты долбаный мудака, Маллиган.

— Ты мне не веришь?

— Есть только один вариант, которым все закончится — и это я, стоящий над твоим мертвым телом.

Маллиган засмеялся.

— Силами какой армии?

— Я сам себе армия, — возразил Борден. — А ты просто жалкий пиздюк, как и люди, которых ты нанимаешь. Невозможно по-настоящему доверять человеку, который отсидел столько лет в тюрьме, а потом хвастливо называет себя убийцей человека, внушающего страх всему Нью-Рэйвен, в то время как сам просто избиваешь его до полусмерти, а затем выпустишь на свободу, чтобы открыть на него охоту. Я знаю все о твоих гребаных садистских сумасшедших играх, и такие люди, как ты, не могут стоять во главе.

Борден увидел, как глаза мужчины вспыхнули гневом. Он натянул на лицо ухмылку, но она не была такой естественной, как несколько минут назад. У Бордена получилось его достать. *Это хорошо.*

— Ты убил моих мальчиков, — холодно ответил Маллиган. — Ты не дал им ни единого шанса на честную борьбу. Мы должны поквитаться.

— Твои мальчики были безграмотными головорезами, пытающимися быть жестокими, и пока старались добраться до меня, убили дорогую мне женщину. Твоя жажда мести необоснованна. А ты сам слишком безумен, чтобы увидеть правду.

— Для ее убийства была причина, Борден. Это было мое требование. Ты мог бы все сделать проще — отказался бы от части прибыли твоего бизнеса, и мои мальчики никогда не прикоснулись бы к твоей шляхе.

— Я уже примирился с ее смертью, мудака, разорвав твоих мальчиков на куски. Сказал бы, мы охуенно поквитались.

Маллиган вытащил из кармана телефон и пробормотал:

— Ты убил двух дорогих мне людей, а я забрал у тебя только одну. И, судя по всему, вчера ночью я забрал твою вторую шляху и людей, которые защищали ее.

Борден даже не вздрогнул, но внутри его сердце сдавила паника. Это не могло произойти. Он стиснул зубы, думая о Грэме, Хоуке и всех остальных своих людях. Блядь, не может быть, чтобы этот козел добрался до нее. Он просто хвастливый мешок дерьма.

С трудом сглотив, он решил не поддаваться играм разума этого человека. Но... было в его лице что-то зловещее, что-то намекающее на его глубокую убежденность и гордость в своих словах.

— Ты во мне сомневаешься? — спросил Маллиган. — Это написано у тебя на лице. Ты считаешь все сказанное мной полным дерьмом, не так ли?

Борден не ответил. Он почувствовал дрожь во всем теле и нервно вдохнул, пытаясь успокоиться. Это ложь. *Пожалуйста, пусть это окажется просто ложью.* Только не его Эмма. Кто угодно, только не Эмма.

Маллиган приблизился на несколько шагов, переведя взгляд с экрана телефона на Бордена. Та его улыбка снова ожила. Борден впился взглядом в телефон, и с каждым приближающимся шагом Маллигана паника внутри него возрастала до невообразимых размеров.

— Она в земле, — сказал Маллиган, поворачивая к нему экран телефона. — В буквальном смысле.

На экране была фотография его перепуганной Эммы со связанными за спиной руками, лежащей в деревянном ящике. При виде ее лица в Бордене буквально все оборвалось. За долю секунды он умер внутри.

— Теперь, — холодно сказал Маллиган, — мы квиты.

***

После этого все было словно в тумане. Борден прекратил жить. Как и предсказывал Маллиган, он сломался. Пришли мужчины и сняли его со стула. Он был не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой, поэтому просто рухнул на землю безвольной кучей. Они сцепили ему руки наручниками за спиной и ушли, забрав его единственный источник света — лампу.

Он оказался в полной темноте, и это сводило с ума. Он лежал практически без движения и не мог ясно мыслить. Перед его глазами стояла одна-единственная картина —

фотография его любимой женщины, похороненной в земле. Они добрались до нее.

Борден захлебнулся в рыдании. Прикасались ли они к ней? Делали ей больно? Изнасиловали ее? Мучилась ли она?

Он не мог себе представить, какой ужас она испытала, какой брошенной себя чувствовала. И именно тогда, когда она больше всего в нем нуждалась, его не было рядом, чтобы спасти ее. Она была мертва. Удушье, как и у Кейт, но в медленно изматывающей форме. Какой ему было смысл теперь цепляться за жизнь, если она мертва? Он так сильно любил ее. Он был готов дать ей свое имя. У них отняли целое будущее. Она никогда не будет носить его кольца, никогда не забеременеет его ребенком. Он вручил ей свое сердце, и она забрала его с собой в землю.

Это была его вина.

Он никогда не должен был приближаться к ней.

Возможно, смерть для него — не такой уж плохой выход.

***

Они избивали его, выливали на него все больше воды и совсем не давали есть. Все это время он просто лежал, его воля была сломлена. Он не плакал, не кричал, не просил пощады. Просить пощады — удел пиздюков. Когда все его чувства умерли, вернулось прежнее «я». Цвета исчезли из его мира, сменившись черным и серым. Им это чертовски не нравилось, а Маллиган жаждал его реакции. Жаждал видеть Маркуса Бордена, ползающего перед ним по земле и выпрашивающего разрешения умереть.

Но нет. Даже если его воля сломлена, Борден не посмеет дать ублюдку победить. И это сжирало Маллигана.

А затем, в один прекрасный день, они ворвались, когда Борден спал. Сняли наручники и вытянули его усталые руки, прижав их к холодной земле. Он услышал механическое жужжание — дрель? — на заднем плане, но был почти без сознания и едва ли мог задумываться об ожидающем его ужасе. Что-то твердое и холодное уперлось в ладонь его правой руки, потом завращалось, завращалось и вошло в его плоть.

Борден зарычал от боли, слюна потекла из его открытого рта. Слезы обожгли глаза, когда они раскрыли вторую его ладонь и тоже просверлили в ней дырку для симметрии. Закончив, они бросили его в луже крови. Трясаясь от боли, он прижал ладони к своей обнаженной груди и потерял сознание.

***

Услышав, что дверь снова открылась, он вздрогнул. Проклятье, они не должны были вернуться. Какую херню они собирались сотворить с ним на этот раз? Его тошнило. Он потерял слишком много крови с того времени, как они просверлили ему дырки в руках. Его

беспрестанно рвало желчью и трясло от сильного холода и боли.

— Борден, — услышал он шепот.

Он открыл глаза и увидел того молодого парня из машины. Кажется, с тех пор прошла целая вечность. Каждый час в этой адовой дыре казался годом. Во всяком случае, он не видел этого парнишку поблизости за все время, пока его били. Возможно, они тренировали его. Это имело смысл.

Он настороженно наблюдал, как парень приближается к нему, держа что-то в руке. Борден настолько чертовски сильно ослаб, что вряд ли смог бы справиться с этим говнюком, собирающимися заставить его что-то принять. Пацан опустился на колени и прижал то, что принес, к губам Бордена. Запахло цитрусом. Борден не открыл рта, чтобы проглотить, а вместо этого сжал губы и с ненавистью посмотрел на парня.

— Пожалуйста, — грустным голосом сказал парнишка. — Вы не ели. Вы не ели почти пять дней, мистер Борден.

Борден не открыл рта.

Мальчик положил фрукт на землю возле его головы.

— Пожалуйста, съешьте. Если мой отец найдет это здесь, у меня будут большие проблемы.

Отец. Очередное отродье свиньи Маллигана. Борден зарычал на него, и парень отшатнулся со страхом в глазах. Досадно, что Борден был слишком слаб, чтобы двигаться. Он мог бы побить этого ублюдка.

— Убирайся на хрен отсюда, — проскрежетал Борден. — И, блядь, не приближайся ко мне снова, иначе я перегрызу твоё гребаное горло.

Парень вздрогнул, но остался.

— Она не умерла, мистер Борден, — вдруг сказал он. — Эмма не умерла.

Сердце Бордена забилося сильнее.

— Блядь, не смей играть со мной, малыш.

— Нет! Клянусь, — парень развернулся через плечо и выглянул за дверь подвала. Затем повернулся к Бордену и, наклонившись ближе, зашептал: — Они отправились к могиле, когда люди, нанятые, чтобы убить ее, так и не вернулись. Они нашли людей убитыми, а могилу раскопанной. Ее нигде не было, и они не смогли узнать, куда она ушла.

Борден закрыл глаза, борясь с выступившими на них слезами. Он с трудом сглотнул. Ему показалось, что тугая пружина напряжения, закрутившаяся в нем, в один миг распрямилась. Через несколько мгновений он снова открыл глаза и пробормотал:

— Я знаю, где она.

— Где?

Борден снова сосредоточился на парне.

— За каким хреном ты это делаешь?

— Потому что он убил мою мать, — с болью в голосе ответил парень. — Он вышел из тюрьмы, убил ее, а меня притащил сюда силой. Ему не нравилось, что я слишком мягкий. Сказал, что сделает меня похожим на него, и... Я боюсь его. Боюсь всего этого гребаного зла, которое он вытворяет. Я хочу сбежать. Я не хотел направлять пистолет вам в лицо, мистер Борден. Не хотел делать ничего из этого, клянусь.

У Бордена не было времени на то, чтобы разбираться в сомнениях относительно парня.

— Как тебя зовут?

— Джим.

— Где остальные?

— Снаружи только трое. Никто не знает, что я здесь. Я слышал, как они говорили о возвращении Маллигана. Сказали, что он собирается прикончить вас.

— Они ведь узнают, если я уйду?

— У Маллигана снаружи охотничьи собаки. Они привязаны. Меня они знают, поэтому не будут лаять, но на вас залают. Тогда все узнают, что я только что сделал, и нас обоих ждет смерть.

Борден опустил голову на землю и задумался о том, что лучше предпринять. Его тело было абсолютной развалиной. Они здорово над ним поработали, и он не был уверен, как далеко сможет уйти, если сбежит, но был уверен, что еще одного избиения не переживет. Ребра были сломаны, все тело болело, а потеря крови происходила пугающе быстро — еще одна рана, и он умрет. Взять их голыми руками у него не было шансов.

— Сможешь кое-что сделать для меня, парень? — спросил Борден, пристально глядя на него.

— Что, например?

— Если ты поможешь, я смогу хорошо пристроить тебя. Слышишь?

Джим кивнул.

— Да, слышу.

— Ты должен выбраться отсюда. Я расскажу, куда тебе пойти и что сделать, добравшись до места.

Парень снова кивнул.

— Хорошо.

— Отлично, а теперь слушай.

Эмма

Я находилась в аду. Другими словами описать это невозможно. Просто... ад. Похоже, моя жизнь полностью остановилась, и я зависла над преисподней. Если выяснится, что Борден мертв, то я просто рухну в нее и сгорю. Только бы он был жив... Боже мой, только бы он был жив! Одна эта мысль обжигала мои глаза слезами — я так много плакала. Я замкнулась в себе через три дня после его исчезновения. Хоуку удалось заставить меня выйти из комнаты, и то только потому, что Тайлер понадобились кое-какие ее вещи. Я почти забыла, сколько секретов может быть у девушки ее возраста, пока не заглянула под матрас. О, Боже! Презервативы и любовные записки. Я не осмелилась узнать, кому они были адресованы. Меня это не волновало.

В пабе повсюду были байкеры. Через несколько часов я к ним привыкла. Они оказались на удивление сносными. Некоторые даже подходили и сочувственно поглаживали меня по спине. В любой другой день я бы засомневалась в мотивах такого поведения, но они смотрели на меня с искренней симпатией, и я принимала их легкие прикосновения, потому что отчаянно нуждалась в утешении. Понимайте как хотите, но эти мудаки оказались не такими подлыми и ужасными, как я думала изначально.

Но они действительно любили своих женщин.

Женщины были повсюду — в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет. Старше я не видела, и это немного настораживало. Они вешались на любого байкера в зоне досягаемости. От их желания привлечь к себе внимание немного подташнивало. Их жажда клубной жизни доходила до абсурда и показывала, что они готовы подчиниться любому приказу мужчины в косухе, каким бы постыдным и унижительным он ни был.

Если поблизости не было Хоука, то большую часть времени я проводила наедине с собой. Обычно я садилась в самый конец бара и безучастно таращилась в экран телевизора, ожидая возвращения Хоука с какими-нибудь новостями. У него никогда не было ничего конкретного, а просто какие-то детали и имена, выясненные у людей, у которых они с братом побывали.

На пятый день я превратилась в пустую оболочку. Я смотрела, но не видела. Слушала, но не слышала. Я произносила слова, но не говорила. Я просто... существовала.

В данный момент я сидела на своем привычном стуле и пыталась заставить себя проглотить несколько фисташек. И простая мысль о фисташках напомнила мне о том, что они всегда хранились в ящике стола Бордена, и он грыз их, когда злился. На табурет рядом со мной скользнула фигура, и, мельком взглянув на нее, я нахмурилась.

Линда.

Ну, конечно.

В течение нескольких минут она, так же, как и я, смотрела в телевизор, не произнося ни слова. Я впервые видела ее с тех пор, как все пошло ко дну, и была совершенно не в настроении выслушивать ее хитрожопые комментарии. Она чиркнула зажигалкой и закурила рядом со мной, совершенно не заботясь о том, что я сижу в клубах выдыхаемого ею дыма. К несчастью, мне тоже было все равно.

— Я точно так же напугана, как и ты, Эмма, — наконец, заговорила она, поворачиваясь и глядя на меня. — Он и для меня очень много значит, и я хочу, чтобы он вернулся.

— Значит... в настоящем времени, — заметила я. — Ты говоришь так, будто он все еще жив.

— Он жив. Я знаю это. Он крепкий мужчина.

— Это ничего не значит, когда ты один против всех.

— Это значит все, когда ты Маркус Борден.

Я ответила не сразу. Честно говоря, было приятно слышать, когда кто-то говорил о нем так, словно он по-прежнему был рядом. Все остальные говорили в прошедшем времени: каким крутым он «раньше был».

— Я так долго тебя ненавидела, — вдруг сказала она, поворачиваясь ко мне всем телом. — Все время спрашивала себя: что такого есть в тебе, чего нет во мне? Я была с Борденом с тех пор, как он открыл «Совы», и он никогда не смотрел на меня так, как на тебя, а ведь ты с ним гораздо меньше времени, чем я.

Я пожалала плечами.

— Каких слов ты ждешь от меня, Линда? Извинений?

— Нет, но его отсутствие помогло мне понять, насколько сильна твоя боль. И я не хочу быть той стервой, которая осуждает тебя, когда именно ты больше всех нуждаешься в поддержке. Хоук рассказал, через что ты прошла. Ты сильно пострадала из-за тех людей, и я... мне больно за тебя.

Я посмотрела на нее. Ее глаза заволокло слезами. Она была совсем не похожа на ту суку, какой я ее знала.

— Спасибо, Линда. Я тоже ненавидела тебя. И даже задавалась вопросом, зачем Борден вообще нанял тебя. Но видя, что ты делаешь для клуба и как здорово ты работаешь, все поняла. Мне просто не хотелось этого признавать.

Она грустно улыбнулась.

— Когда он вернется, мы начнем все сначала. Я притворюсь, что ты не забрала мужчину моей мечты и не похоронила мое будущее. Все будет так, словно между нами ничего не происходило. Все с чистого листа.

Я моргнула.

— Это... очень мило с твоей стороны.

Она смотрела на меня еще несколько минут, а потом соскользнула с табурета и побрела прочь. Естественно, раз ее не интересовали байкеры, те стекались к ней, словно она была ломтиком запретного плода, и совершенно забывали про десятка два своих собственных женщин, находящихся в зале.

Ничего удивительного.

— Эмма! — услышала я крик, как только дверь бара захлопнулась. Обернувшись, я увидела, как Хоук, Гектор и молодой парень, которого раньше не видела, быстро пробирались по залу. Их взгляды были устремлены ко мне.

Каждая частичка меня напряглась, когда Хоук бросился ко мне.

— Что происходит? — спросила я, мое сердце уже набирало скорость. Плохие новости? Черт, кажется, да.

— Это Борден, — сказал Хоук, хватая меня за руку. — Мы знаем, где он, и он жив.

Борден

Ржавый мясницкий нож. Единственное оружие, которое Джим смог достать ему перед уходом. Ни пистолет, ни мачете, ни что-нибудь отдаленно полезное в решении вопроса жизни и смерти с пятью мужиками, а гребаный ржавый нож для мяса с самым тупым лезвием, когда-либо встречавшимся Бордену. Блядь!

Со вздохом он привалился спиной к стене. Просто для того чтобы встать потребовалось сильно напрячься. Время от времени он шипел от боли, но удерживал себя вертикально, словно делал шаг вперед, к Эмме. Знание того, что она не умерла в той яме, зажгло в нем ту последнюю искорку жизни, так необходимую ему, чтобы осуществить задуманное. Давайте будем реалистами. Бордена боялись все. Если он сейчас умрет, это чертовски опозорит его имя. Нет. Борден должен пройти через это. Если не для Эммы, то для Нью-Рэйвен. Город нуждается в злодее, и он играл эту роль, будто она была создана для него.

Он не знал, как долго просидел здесь. Может, несколько часов. Может, целый кровавый день. Все, что он знал — час икс настанет тогда, когда долбаные козлы с шумом вломятся в дверь. В последнее время они немного обленились. И стали самоуверенными. Стали меньше опасаться — из-за состояния Бордена. Он казался таким слабым, что они заходили по двое за раз и били его. Но сегодня, как сказал Джим, к ним должен присоединиться Маллиган. И это означало, что они собирались прикончить Бордена. Что ж, прекрасно. Легко он не сдастся.

Он услышал звук шагов одной пары ног, спускающихся по лестнице в подвал, и замер, ожидая звука остальных. Когда их не последовало, на короткий миг он ощутил облегчение, но тут же взял себя в руки, когда человек подошел к двери и открыл ее.

Дверь распахнулась, человек вошел внутрь, и Борден встал, захлопывая ее как раз в тот момент, когда мужчина с пистолетом в руке повернулся.

Удивленные глаза Маллигана встретились с его взглядом, и, как только он поднял пистолет, Борден опрокинул его на себя, ударив по спине. Пистолет выпал, и Борден схватил Маллигана за горло, удерживая его всем весом своего воспрявшего тела. Маллиган так сильно извивался под ним, что скинул Бордена. Он повернулся, чтобы дотянуться до пистолета, валявшегося в нескольких метрах от места их схватки, но Борден свалил его, схватив за ногу. Они захрипели, и Бордену потребовалось собрать все силы, что еще оставались в нем, чтобы не ослабить хватку и удержать в руке нож.

— Тебе не выиграть, — проклокотал Маллиган, вытягивая руки в безуспешной попытке дотянуться до оружия.

— Я уже выиграл, — прохрипел Борден. — Первое гребаное правило, если ты планируешь кого-то замучить: никогда не оставляй ему возможность использовать руки.

Это было рискованно. Если Борден отпустит его, чтобы нанести удар ножом, то даст тому возможность схватить пистолет. Но какой у него был выбор? С каждой секундой силы покидали его. Он резко вдохнул и отпустил Маллигана, Тот схватил пистолет, повернулся, и в тот же миг Борден всадил лезвие ножа ему в грудь. Прозвучал выстрел, от которого у Бордена зазвенело в ушах, но пуля пролетела рядом с головой. Маллиган выстрелил снова, извиваясь всем телом в попытке избавиться от веса навалившегося на него Бордена. Подмяв под себя его истекающее кровью тело, Борден выдернул нож и нанес еще один удар — прямо в сердце.

— И правило номер два, — прохрипел он, когда из горла Маллигана хлынула кровь. — Никогда не приходи в одиночку мучить безбашенного отморозка.

Он выдернул нож из груди Маллигана и быстро выхватил пистолет из его ослабевшей хватки. Затем, привалившись спиной к умирающему булькающему куску дерьма, устоялся на дверь. Остальные мудаки могли слышать выстрелы, и Борден, вооруженный ножом и пистолетом, должен был быть готов к их появлению.

Он должен был.

Эмма

Солнце только что поднялось, когда машина выползла на грунтовку. Я разволновалась, оказавшись так близко к тому месту, где меня хоронили. Молодой человек, Джим, кивнул вперед, и Хоук поехал по извилистой дороге. Я бросила взгляд через плечо — за нами следовала дюжина машин, заполненных вооруженными байкерами и людьми Бордена. Мы были готовы к войне, хотя Джим заверил нас, что ее не будет. Он сказал, что в хижине всего несколько человек, не считая Маллигана. Хотя у Маллигана много сторонников, но он, выйдя из тюрьмы, только начинал разворачивать свою деятельность и к этому моменту еще не имел безгранично преданных людей, на которых мог бы рассчитывать. Другими словами, за ним было не так много людей, как он рассказывал.

У меня не было возможности обдумать все это, так как машина остановилась перед симпатичной хижинкой рядом с тремя другими припаркованными автомобилями. Я думала о мужчине, которого любила, и надеялась, что он все еще цеплялся за жизнь.

— Оставайся здесь, — сказал мне Хоук.

Ага, сейчас!

Я вылезла вместе со всеми. Наша внушительная толпа — больше сорока вооруженных людей — осторожно, но уверенно двинулась к хижине. Для ублюдков, находящихся внутри, самым разумным было бы сдать.

Но до этого не дошло. Все остановились как вкопанные и уставились вперед. Они смотрели на окровавленного человека, сидящего в одних трусах на ступенях хижины. В одной руке он держал пистолет, в другой — тяжелый на вид мясницкий нож.

Мое сердце подпрыгнуло к горлу, и я продолжила идти к нему, будучи уверенной, что единственная сохранила способность двигаться. Нет, не двигаться. *Бежать!*

— Маркус! — закричала я, слезы обожгли мне глаза.

Он смотрел прямо на меня: на полностью покрытом кровью лице угадывалась единственная знакомая деталь — его яркие голубые глаза. Единственные глаза, в которые я хотела смотреть.

— Что за херня, почему вы так долго? — медленно спросил он хриплым ослабшим голосом.

Я слышала смех за спиной, но мне было не смешно. Рыдая, я опустилась перед ним на колени. Обвила руки вокруг его шеи, не заботясь о крови, пачкающей мою одежду. Он отшвырнул нож и обхватил меня рукой, крепко прижимая к груди.

— Я так испугалась, — всхлипнула я, прижимая его к себе. Он захрипел от боли, и я отстранилась. — Ты ранен.

Он притянул меня обратно в свои объятия и пробормотал:

— Нет, я в порядке. Просто несколько царапин. Держи меня крепче, куколка. Не отпускай меня.

Я целовала его везде. Вверх по его шее, вдоль подбородка, к этим сладким губам. Они были испачканы, но мне было плевать. Он выглядел ужасно, но мне было все равно. Он был жив. Он был в порядке, и больше ничего не имело значения.

— Ты станешь моей женой, — прошептал он мне на ухо, когда я отстранилась, чтобы взглянуть на него.

Взяв его за руку, я собралась улыбнуться, когда мое внимание привлекло это. Мое тело застыло, и я с ужасом уставилась на дырку в центре его покрытой кровью ладони. Она выглядела рваной и воспаленной.

— Что они сделали с тобой? — в истерике спросила я.

Он стиснул зубы, борясь с болью, и сказал:

— Они просверлили мне дыры в руках.

У меня отвисла челюсть.

— Ты гребаный отморозок! — выкрикнул Гектор.

За нашими спинами раздался коллективный смех. Типичные отмороженные байкеры, и, судя по ухмылке на его лице... типичный отмороженный Борден.

Мы укутали его в толстое одеяло и повезли в больницу.

***

— Если ты не перестанешь так смотреть на меня, я тебя трахну, — сказал он мне, лежа дома на нашей кровати. Его привели в порядок, и это оказалось непростой задачей. Очень сложно объяснить врачу, что большая часть крови, покрывавшей тело Бордена, принадлежала вовсе не ему. Но, как всегда повторял Борден, молчание любого человека можно купить, располагая нужным количеством долларов.

— Ты едва шевелишься, — ответила я, присаживаясь на край кровати. — Тебе нужно отдохнуть. Завтра придет медсестра, чтобы сменить повязки на твоих руках.

— Я сам могу их сменить.

Я закатила глаза.

— Знаешь, врачам здорово досталось за то, что ты ушел из больницы, и достанется еще больше, если ты будешь отказываться от лечения...

— Мои руки в порядке. Я не умираю. Мне нет нужды лежать на гребаной больничной койке, когда я могу находиться в собственной постели, трахая тебя.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Я должна была догадаться, что ты из тех людей.

— Каких людей?

— Тех, которые упорно избегают больниц, чтобы получить помощь.

— Я не хочу быть вдали от тебя, — серьезно ответил Борден.

Я забралась к нему в постель, и он обнял меня. Глаза до сих пор болели — я столько проплакала. Даже узнав, что с ним все в порядке, не могла остановить поток слез.

— Я думал, ты умерла, — прошептал он. — Он показал мне твою фотографию в том ящике... и я подумал, что ты умерла.

Я только покачала головой, сглатывая ком в горле.

— Хоук спас меня.

Я уже рассказывала все это ему, но, видимо, он захотел снова это услышать.

— Значит, я обязан ему жизнью, — ответил он.

— Ты имеешь в виду, я?

— Эмма, моя жизнь — это *ты*.

Мое сердце забилося сильнее, и слеза скатилась по щеке, когда я тихо заметила:

— Грэм погиб.

— Да.

— Это моя вина, не так ли? Если бы я только могла представить, чем обернется для тебя этот звонок Блайт, то никогда не поехала бы выручать ее...

— Эмма, ты думала эмоциями. Ты пыталась помочь. Смерть Грэма — не твоя вина, а Маллигана. Он единственный стоял за всем этим. Не ты. Если мы будем винить себя за все плохое, что случается с нами, то никогда не сможем двигаться вперед по жизни.

Я просто кивнула. Понадобится какое-то время, чтобы поверить в это.

Я осталась лежать рядом с его перевязанным телом. Врачи сказали, что у него сломаны ребра, но в остальном он просто один большой сплошной ушиб. Он действительно чертов танк.

— А теперь можно я тебя трахну? — через некоторое время спросил он.

Я улыбнулась.

— Повторяю, Борден, ты не можешь двигаться.

— Повторяю, Эмма, ты недооцениваешь мои способности.

Я покачала головой.

— Ты же знаешь, я не поддамся.

Приподняв пальцами подбородок, он поцеловал меня.

— Знаю.

Борден

Потребовалось три месяца, чтобы очистить улицы от приспешников Маллигана. Ублюдки были повсюду. В то же время Грэму были устроены пышные похороны (Эмме еще долго после этого было тяжело), груз для Военных Баронов был получен быстро и без проблем, Хоук поделил время между Борденом и своим клубом, а на улицах стало спокойнее, особенно после того, как он показался с просверленными руками. Дурная слава о нем стремительно разрослась, и страх перед ним не ослабевал, как ему и хотелось.

Но лучшие события прошедших трех месяцев включали в себя кольцо с бриллиантом, сексуальную черноволосую кокетку в шелковом кремовом платье и настоящую тихую свадьбу.

Эмма Линн Уорн стала Эммой Линн Борден.

Он дал ей свое имя. Он отдал ей половину всего. То, что было его, стало и ее, и его собственнический инстинкт получил официальное подтверждение.

И теперь они снова ехали в дом старой мегеры с самой грандиозной новостью. Новостью, которую даже сам Борден не представлял себе, как переварить. Потому что она означала, что все в их жизни изменится. Впервые за очень долгое время Борден не был уверен в том, что принесет ему будущее, и это одновременно и захватывало, и пугало его.

— Ты притих, — заметила Эмма, изучая его на заднем сиденье автомобиля.

— Просто... все еще пытаюсь уложить это в голове, — ответил Борден.

Она нахмурилась.

— Ты не рад? С тех пор, как я сказала тебе, ты действительно замкнулся.

— Я не рад, что ты носишь моего ребенка? Черт, нет.

Она подсела к нему поближе и нежно поцеловала в щеку, пока он с поддельным интересом смотрел в окно.

— Тогда поговори со мной, Маркус.

Он сжал челюсти и повернулся к ней.

— Почему ты думаешь, что я, такой ужасный человек, буду хорошим отцом?

— Ты не ужасный человек. Это всего лишь то, что видит мир. Разве ты не говорил когда-то давно: «у меня есть репутация, которую нужно поддерживать»?

Он вздохнул.

— Это совсем другое. Эмма, это предполагает другую жизнь. Малюсенький человечек с крошечными пальчиками и сердечком размером с мой ноготь. Как уже говорил, я пытаюсь уложить это в своей голове.

Эмма улыбнулась и обняла его за шею.

— И ты напуган. Маркус Борден, самый страшный человек в Нью-Рэйвен, *боится*.

Он нахмурился от ее шутки.

— А ты маленькая садистка.

— Роли поменялись.

Борден усмехнулся. Она коснулась ладонью его лица и ласково погладила по щеке.

— Борден, я буду рядом с тобой до конца. Если ты боишься, мы встретимся с твоим

страхом вместе. По правде говоря, я тоже боюсь. Не знаю, как это у нас получится, но знаю, что мы оба прошли через дерьмовое воспитание и никогда не совершим подобных ошибок по отношению к этому ребенку.

Он кивнул и нежно поцеловал ее.

— Да, — прошептал он. — Ты права.

Как только они подошли к дому, Дарлин открыла дверь. Она приветливо улыбнулась своей внучке и с неприязнью взглянула на него.

— Борден, — проворчала она, взглянув на его ноги, — снимите обувь перед входом в мой дом.

Раньше обувь снималась сразу за дверью, а теперь уже перед дверью. Скоро она попросит его разуться у края тротуара или совсем выбросить ботинки в кювет. Он стиснул челюсти, смирившись наконец с приказывающими ему женщинами Уорн, и снял ботинки перед гребаной дверью.

Они вошли и сели обедать, а он наблюдал, как Эмма беспечно болтала с Дарлин. Старая леди не удостаивала его взглядом и не проявляла к нему ни малейшего гребаного интереса. Весь обед он провел, уставившись на свою жену. Мать его ребенка. Ребенка, о котором он внезапно начал задумываться. Будет ли это девочка или мальчик? Будут ли у него ее глаза? Ее волосы? Ее улыбка?

«Пожалуйста, — подумал он, — пусть у этого ребенка будет такая же улыбка».

Что может быть лучше, чем Эмма? Еще одна маленькая Эмма. И именно от этой мысли ему стало трудно дышать. Он сделал большой глоток воды, борясь с неожиданными эмоциями, собиравшимися в его глазах. Гребаный ад, неужели он заплачет? Блядь, нет. Нет, нет, нет, Борден не плачет.

— Почему ты плачешь, — внезапно спросила Эмма, обратив на него внимание.

— Я не плачу, — пожав плечами, ответил он. — Глаза болят.

— У тебя болят глаза?

— Видимо, твоя бабушка добавила в эту пасту репчатый лук.

В эту чертову пасту, которую она приготовила, зная, что он терпеть ее не может.

— В этой пасте нет лука, — сказала Дарлин. — Эмма, почему плачет твой муж? Неужели он собирается больше не быть преступником?

Эмма широко улыбнулась, глядя в его наполненные слезами глаза. Она точно знала, о чем он думал.

— Он собирается стать отцом, — прошептала она, пока они не отрывая глаз смотрели друг на друга, и их сердца бились как единое целое.

— А ты станешь матерью, — прошептал Борден в ответ.

Дарлин ахнула и задохнулась от плача.

— Ты беременна?

Эмма не ответила. Глядя на своего мужа, она четко и громко произнесла:

— Я люблю тебя.

— Я чертовски сильнее люблю тебя, куколка, — ответил он.

Эмма

— Посмотри на его глазки, — прошептал Борден, глядя на нашего малыша, засыпающего в кроватке. — Они меняют цвет. Становятся карими.

— Очень светло-карими, — заметила я, пока мы глупо таращились на нашего трехмесячного изверга.

Линкольн был сущим наказанием. Все убеждали нас, что он станет спокойнее, но я была не склонна с этим соглашаться. Кажется, Линкольн никогда не будет спокойным. Он был бесконечным круговоротом криков, слез и — совсем недавно — хихиканья. А еще он был бесконечно привязан к своему отцу.

И Борден был хорошим отцом.

Он смотрел на Линкольна, словно в нем весь его мир. И так оно и было. Они оба были очень привязаны друг к другу. Я была хороша только во время кормления, а затем начиналось шоу Линкольна и Бордена. У меня не было на это возражений, потому что я действительно была свободна.

На всем протяжении моей беременности Борден находился на грани сумасшествия. Его неуверенность в себе и волнение обострились до такой степени, что даже у меня не получалось помочь ему расслабиться. Но потом, в момент рождения Линкольна, когда я сделала последнее усилие и на мою грудь положили малыша, Борден прекратил сомневаться. Все просто... соединилось. Он взял на руки нашего сына, и его мир внезапно приобрел смысл. Больше он об этом не беспокоился.

— Как думаешь, у нас будет ночь только для нас двоих? — спросил Борден, переводя, наконец, свой влюбленный взгляд с Линка на меня.

— О, ну хоть раз ты взглянул на меня, — сухо заметила я. — А то я уже решила, что перестала существовать.

Он широко улыбнулся, и я замерла.

— Нет, правда, куколка, как думаешь, он улегся?

— А что?

— Мои яйца уже посинели.

Я засмеялась, выходя из спальни Линка в коридор нашего совершенно нового дома. Борден последовал за мной, наполовину прикрывая дверь в комнату сына. Его шаги позади меня ускорились, и я поспешила в нашу с ним спальню. Я чуть не упала, споткнувшись о распакованную коробку, но он поймал меня за талию, притянув спиной к себе.

— Детка, — пробормотал он, целуя меня в шею, — мне нужно быть внутри тебя. Доктор дал тебе зеленый свет. Не думай, что я не знаю об этом.

— Ты все знаешь.

— Чертовски верно.

Борден скользнул рукой по моему телу, обхватил грудь, после чего пальцами пробрался под резинку моих пижамных штанов. Он нетерпеливо потерся об меня, и я застонала, прижимаясь к нему и ощущая знакомый трепет.

— Ты уже влажная, маленькая распутница, — заметил он.

— А ты твердый.

— Я твердый уже три месяца подряд.

— У тебя было бесчисленное количество минетов, засранец.

— Это тот вид стояка, который твой рот смягчить не может.

Я снова рассмеялась, когда он поднял меня и поспешил к кровати. Его движения были быстрыми и отчаянными. За считанные секунды раздев меня, он занялся собой. Я застонала от одного его вида — моего сексуального и очень плохого мужчины, выглядевшего до смешного идеально, в то время как сама я все еще находилась в послеродовом теле.

Он накрыл мои губы своим ртом, буквально обрушиваясь на меня. Наши языки сплелись. В мгновение ока во мне разлился жар желаний.

— Презерватив, — сказала я, почувствовав головку его члена возле своего входа. — Я не делала противозачаточный укол.

Он разочарованно застонал и, поспешно открыв прикроватную тумбочку и вытащив совершенно новую упаковку презервативов, о существовании которой я даже не знала, открыл ее. Из нее вывалилось с десятков презервативов, и я с хихиканьем наблюдала, как он садится и пытается открыть один. Быстро раскатав его по члену, он снова опустился на меня, опираясь на локти с двух сторон от моей головы.

— Раздвинь эти ножки, детка, — сказал он, — я не могу больше ждать.

Я раздвинула ноги, и он толкнулся в меня, медленно погружаясь сантиметр за сантиметром. Почувствовав напряжение, я вцепилась в него руками.

— Расслабься, куколка, — сказал он, целуя меня. — Я держу тебя.

Он медленно раскачивался, заново знакомя меня с его размером. Почувствовав, что он целиком заполнил меня, я ахнула от наслаждения и закатила глаза. Его движения не были быстрыми и жесткими, он не спешил. Вдох за вдохом, поцелуй за поцелуем. Я встречала каждый его толчок, чтобы этот долго воздерживавшийся член мог почувствовать меня еще ближе.

— Охуеть, — выдохнул он.

Мы кончили вместе: он — сжимая ладонями мое лицо, я — вцепившись в его задницу.

— Это было быстро, — с улыбкой заметила я.

Борден взглянул на часы на тумбочке.

— Идеально. Я должен был кончить быстро.

— Почему?

— Потому что после шести часов вечера Линкольн просыпается каждые двадцать пять минут.

Прежде чем я успела что-либо ответить, раздался крик, и мой муж испарился.

— Я иду, Линк.

***

В глазах людей я выглядела сумасшедшей.

Я буквально видела, как в их глазах плескался вопрос.

Как ты можешь быть с таким плохим человеком?

Как ты можешь любить его?

У меня не было простого ответа.

Любовь — не простая штука. Это охреневший мозг, наполненный нелогичными мыслями, движимый исключительно какими-то собственническими животными потребностями, которые сидят где-то в глубине каждого из нас. Это потребность быть любимым, желанным и... принятым. Это отчаянная потребность твоей души оказаться настолько сильно сплетенной с другой душой, чтобы невозможно было их разделить.

Каждый день я ломала голову над этим вопросом.

Я знала, что он убийца.

Я знала, что он эгоист.

Я знала, что он высокомерный засранец, которому его власть нужна, как следующий вдох.

Но я знала и другую сторону Маркуса Бордена.

Его слабую сторону.

Ту, в которую я влюбилась.

Отец. Муж. Любовник.

Никто никогда не узнает об этой его стороне. Она моя и только моя...

И если будет нужно, я унесу его секрет в могилу.

* КОНЕЦ *

Больше книг на сайте - Knigolub.net